

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

2010. №1

Научно-практический журнал
Северо-Западной академии
государственной службы

Выходит четыре раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199178, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335 94 72, 335 42 16

Факс.: (812) 335 42 16

E-mail: uk@szags.ru

© Северо-Западная академия государственной службы, 2010

© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2010

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Горшков А. С.** — ректор Северо-Западной академии государственной службы, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург) — председатель совета;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург) — заместитель председателя совета;
- Артамонов В. С.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук;
- Межевич Н. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Михеев Ю. А.** — заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Понеделков А. В.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сулсов В. И.** — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (Новосибирск);
- Тургаев А. С.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Филиппов Г. Г.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — действительный член Российской академии наук, доктор химических наук, профессор, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий РФ (Санкт-Петербург).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург) — *главный редактор журнала*;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елфимов Г. М.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Кашина М. А.** — кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — кандидат физико-математических наук, доцент (Санкт-Петербург).

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- 5 А. С. ТУРГАЕВ, Н. Ю. ШПИРИНА**
Любанская операция: подготовка наступления
- 31 А. Ф. ИЗМАЙЛОВ**
Блокадный Ленинград: творческая личность в городской среде
- 39 А. Е. УЖАНОВ**
Боевой путь командира «Молодой гвардии»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 43 О. П. ЕГОРШИНА, О. О. ЗАЦЕПА**
Народ как источник государственной власти
- 50 А. В. КЛЮЕВ, И. С. УРСУ**
Муниципальная власть и население: проблема обратной связи

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 59 А. В. ТИХОНОВ**
Об институционализации управления в современной России
- 76 С. Э. ЗУЕВ, А. А. ВАСЕЦКИЙ**
Культурные индустрии в условиях глобализации
- 90 А. А. САДЫХОВА**
Евроислам: миф или реальность?

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 99 Л. Г. КАРАНАТОВА**
Государственный заказ как механизм регулирования экономики современной России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 116 Л. Е. ВОСТРЯКОВ, Е. П. ЧИРИКОВ**
Современный управленец культуры: групповой портрет
- 136 Л. Д. КОЗЫРЕВА**
Частно-государственное партнерство в сфере миграционной политики
- 145 М. А. КАШИНА**
Гендерно ориентированная социальная политика
- 164 В. В. КРУГЛОВ, А. В. ЛАБУДИН**
Иная стратегия реформ (к 95-летию Ю. В. Андропова)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 187 Р. М. ВУЛЬФОВИЧ, В. Н. ЛОБКО**
Становление системы муниципального управления в Берлине
- 200 М. О. ЛОГУНОВА**
Траурный церемониал в Российской империи XVIII — начала XX века
- 208 В. Б. АЛЕКСАНДРОВ**
Тема социальной реальности в русской философской мысли

ОТКЛИКИ НА КНИГИ

- 220 Л. Н. БАБКИНА**
Макроэкономические инструменты регулирования отраслевых и территориальных пропорций
- 222 П. Б. ЗВЕРЕВ**
Содружество Независимых Государств: пространство сотрудничества

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

По инициативе Всероссийского института научно-технической информации РАН журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» прошел экспертизу у ведущих специалистов ВИНТИ РАН, информация о нем размещается в Реферативном журнале и базах данных ВИНТИ РАН

Статьи научного журнала СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается

А. С. ТУРГАЕВ, Н. Ю. ШПИРИНА

ЛЮБАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ: ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ

Ключевые слова:

Любанская наступательная операция, блокада Ленинграда, группа армий «Север»

Статья посвящена истории Волховского фронта, основным целям его создания — разгрому группы армий «Север» и последующему снятию блокады Ленинграда.

На основе архивных документов и воспоминаний современников авторы описывают соотношение сил, ход боевых действий и причины неудач Любанской операции.

В декабре 1941 г. советские войска остановили продвижение немецких армий на всем протяжении советско-германского фронта. В результате контрнаступления под Москвой и Тихвином враг потерпел первое крупное поражение и вынужден был перейти к обороне. Это создавало благоприятную обстановку для изменения ситуации под Ленинградом, полного снятия блокады и разгрома группы армий «Север».

На завершающем этапе Тихвинско-Волховской наступательной операции Ставка ВГК разработала план ликвидации врага под Ленинградом. 12 декабря 1941 г. в Москве состоялось совещание, на котором

Key words:

Luban offensive operation, Siege of Leningrad, group of armies "North"

The article is devoted to the history of the Volkhov front, main objectives of its creation — to defeat of group of armies "North" and the subsequent lifting of Siege of Leningrad.

On the basis of a considerable quantity of archival documents and memoirs of contemporaries the authors describe a parity of forces, the purposes and the reasons of failures of Luban operation.

присутствовали главнокомандующий И. В. Сталин, начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников, командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин, командующий 4-й армии К. А. Мерецков. Вместе с ними в обсуждении плана крупного наступления под Ленинградом участвовали секретарь Ленинградского обкома, член Политбюро ВКП(б) А. А. Жданов, начальник штаба 4-й армией комбриг Г. Д. Стельмах, а также командующие 26-й и 59-й армиями, которым предстояло сражаться на Волхове, — генерал-лейтенант Г. Г. Соколов и генерал-майор И. В. Галанин [7, с. 15]. На совещании выступил маршал Б. М. Шапошников, который сооб-

шил о решении Ставки ВГК образовывать Волховский фронт с целью разгромить группировку противника, которая держит Ленинград в блокаде.

Линия нового фронта должна была пройти по реке Волхов, начинаясь севернее поселка Кириши и заканчиваясь у озера Ильмень. Южный фланг фронта граничил с 11-й армией и Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта, а северный — с 54-й армией, которая оставалась в составе Ленинградского фронта [7, с. 18]. К. А. Мерецков предложил передать 54-ю армию Волховскому фронту, т. к. она ведет бои на внешнем кольце блокады вместе с 4-й и 52-й армиями и не имеет прямого контакта с Ленинградским фронтом. Однако Хозин и Жданов были против такого решения, мотивируя свое мнение тем, что 54-я армия поможет прорвать блокаду, согласуя свои действия с войсками Ленинградского фронта. При этом трудности в снабжении и управлении армией из блокадного Ленинграда в расчет не принимались. Выслушав все аргументы Жданова и Хозина, Сталин нашел возможным удовлетворить их просьбу, полагая, как пишет К. А. Мерецков, что «если для Ленинграда это лучше, пусть будет так» [27, с. 243].

Любанская наступательная операция (см. рис. 1) была задумана советским командованием в форме глубокого прорыва фронта против-

ника с одновременным окружением и разгромом группировки армий «Север», которая держала Ленинград в кольце блокады. Перед наступлением в январе 1942 г. советское командование ошибочно считало, что противник после поражений под Москвой и Тихвином сломлен, и рассчитывало на успех. После победы под Тихвином и Волховом в декабре 1941 г. перед войсками вновь образованного Волховского, а также Ленинградского и Северо-Западного фронтов ставилась задача разгромить группировку противника под Ленинградом и снять с города вражескую блокаду, учитывая опыт двух неудачных Синявинских наступательных операций 1941 г.

Поспешность, с которой готовилась Любанская наступательная операция 1942 г., была вызвана не только военной необходимостью, стремлением быстрее разгромить и изгнать врага с территории СССР. Блокада Ленинграда, лишенного сухопутных коммуникаций со страной, вызвала сильный голод и высокую смертность среди гражданского населения, т. к. подвоз продовольствия в осажденный город в достаточном количестве был невозможен. Отсутствие запасов топлива и прекращение подачи электроэнергии еще более осложняли положение ленинградцев. При такой ситуации деблокада Ленинграда, наряду с разгромом группировки немецких войск на западном направлении,

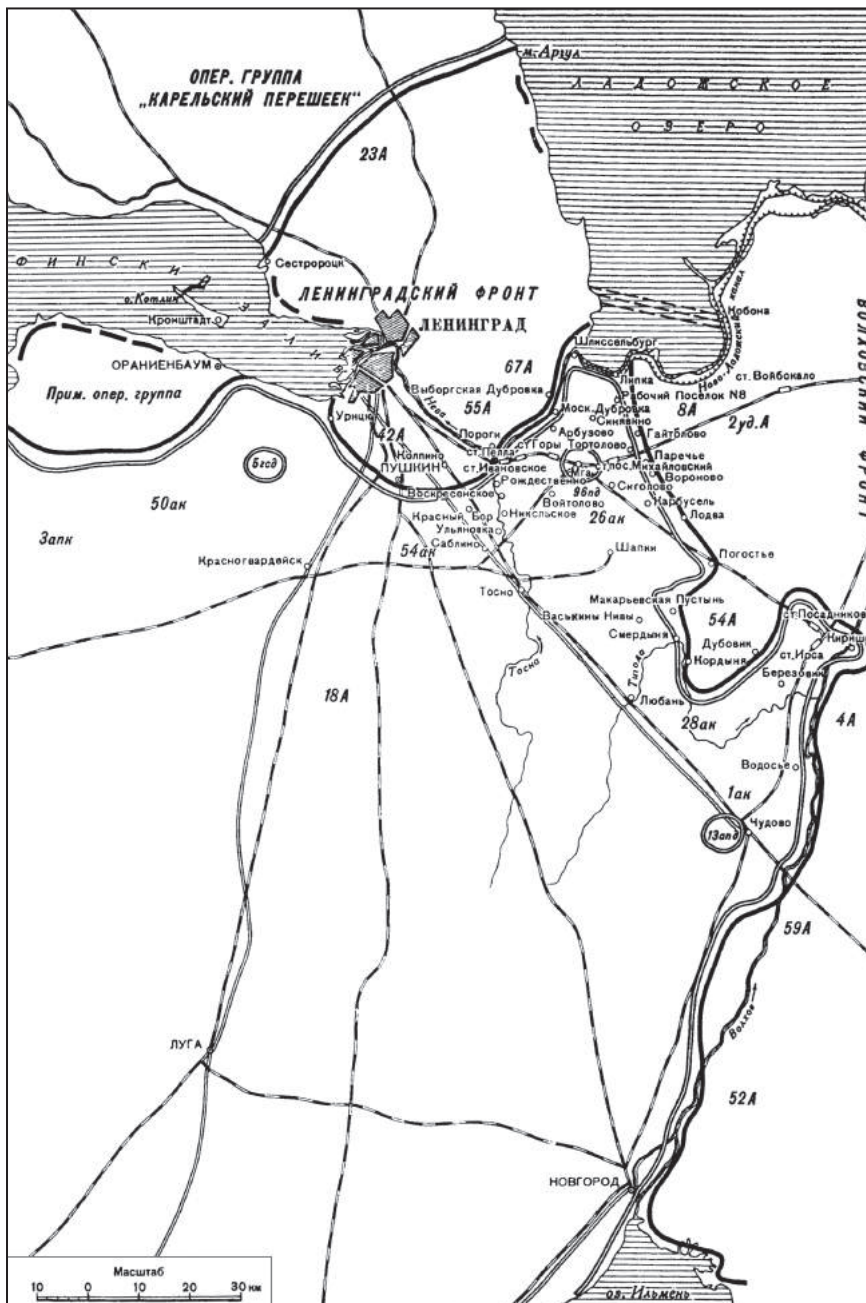

Рис. 1. Любанская операция.
Расположение войск перед наступлением Красной Армии

приобретала исключительное значение [22, с. 3]. Это была военная, политическая и экономическая задача одновременно, от срочного решения которой во многом зависела обстановка на советско-германском фронте и престиж страны на международной арене.

Блокада «колыбели революции», неспособность изменить ситуацию под Ленинградом в свою пользу оказывала определенное моральное давление на руководство страны. Поэтому из Москвы постоянно звучали требования командующим Ленинградским и Волховским фронтами быстрее начать наступление, разгромить немецкую группировку, снять блокаду. Этим цели были подчинены все людские и материальные ресурсы, которыми располагали войска в битве за Ленинград.

Передний край немецкой обороны перед фронтом Мерецкова в основном проходил по западному берегу Волхова. Зеркало реки простреливалось плотным прицельным фланговым огнем. По насыпям железной дороги и шоссе Кириши—Новгород проходил второй оборонительный рубеж. Он состоял из прерывистых линий укреплений в населенных пунктах и на высотах с хорошо организованной огневой связью между ними. От уреза воды реки Волхов до насыпи железной дороги местность была оборудована инженерными сооружениями и за-

борами из колючей проволоки с минными полями, лесными завалами и фугасами. Обледенелая поверхность крутого западного берега реки представляла собой трудно преодолимое препятствие для пехоты без специального снаряжения. Немецкие опорные пункты были насыщены пулеметами и минометами. Оборонявшиеся войска противника поддерживались сильной артиллерией и довольно мощными соединениями авиации [22, с. 14]. Такую оборону предстояло преодолеть войскам Волховского фронта в Любанской наступательной операции.

Войска Волховского фронта, в состав которого входили 4-я и 52-я армии, были усилены составом двух армий. 59-я армия генерал-майора И. В. Галанина была сформирована в Сибирском военном округе по директиве Ставки от 2 ноября 1941 г. [17, с. 189]. В нее входило 6 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. Общая численность войск 59-й армии на 1 января 1941 г. составляла 65 452 чел. (средняя укомплектованность стрелковой дивизии — 10 910 бойцов и командиров), 381 орудие, в том числе 143 орудия калибра от 76,2 мм и выше. Танковые соединения в составе армии отсутствовали [29, с. 339].

Слабее по качественному составу была 26-я армия, переименованная во 2-ю ударную. Она формировалась в Приволжском военном округе осенью 1941 г. и почти пол-

ностью состояла из стрелковых бригад. В ее первоначальном составе дивизия была одна (327-я), а бригада — 8. Все они были сформированы в сентябре–декабре и боевого опыта не имели. На 1 января 1942 г., когда 2-я ударная армия была передана в состав Волховского фронта, она насчитывала 43 970 человек, 71 танк в двух танковых батальонах, 462 орудия (из них 113 калибром от 76,2 мм и выше). Соединения в целом были хорошо укомплектованы. Например, в 327-й стрелковой дивизии насчитывалось 11 832 чел., а в 23-й стрелковой бригаде — 4524 бойца [17, с. 189]. Командный состав армии был сформирован в основном из людей среднего призывного возраста, которые находились в запасе уже длительный период.

17 декабря 1941 г. командующему войсками Волховского фронта генералу армии К. А. Мерецкову была передана директива Ставки ВГК № 005826 о переходе в общее наступление [36, л. 3–5]. В ней говорилось: «Войскам фронта в составе 4, 59, 2-й ударной и 52-й армий разбить противника, обороняющегося по западному берегу реки Волхов, и главными силами армий выйти на фронт Любань, станция Чолово» [36, л. 5]. В дальнейшем предписывалось, наступая в северо-западном направлении, окружить противника, обороняющегося под Ленинградом, и во взаимодействии с войска-

ми Ленинградского фронта пленить его, а в случае отказа сдаться в плен — истребить [36, л. 5].

Каждой армии давались конкретные указания: 4-й — наступать в общем направлении Кириши–Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру. В дальнейшем, наступая в направлении Красногвардейска (Гатчины) и Ропши, содействовать армиям Ленинградского фронта в уничтожении противника, удерживающего эти пункты. 59-я армия должна была наступать в направлении Грузино (где немецкие войска сохранили плацдарм на восточном берегу Волхова), Сиверской, Солсово.

2-й ударной армии Ставка ВГК приказывала продвигаться в направлении станций Чаща и Низовский с дальнейшим ударом по Луге.

Перед 52-й армией в составе 5 стрелковых дивизий (46, 288, 259, 267 и 111-й) с подчинением Новгородской оперативной группы ставилась задача овладеть Новгородом и выступать в направлении Солец, обеспечивая наступление Волховского фронта на северо-запад.

54-я армия Ленинградского фронта получила задачу, сформулированную в директиве Ставки ВГК № 005822: «54-й армии в составе 128, 294, 286, 285, 311, 80, 115, 281, 198 сд, 3-й гв. дивизии, 6-й мор.

бригады, 21 тд, 81 и 882 гап перейти в наступление одновременно с войсками Волховского фронта с задачами: во взаимодействии с 4-й армией Волховского фронта, наступающей в направлении Тосно, окружить и истребить противника, выдвинувшегося к Ладожскому озеру и блокирующего Ленинград с востока и юго-востока» [29, с. 338].

Ставя перед армиями задачу наступления, Ставка рассчитывала, что после успешной Тихвинско-Волховской наступательной операции в декабре 1941 г. противник понес большие потери и за короткий срок не успеет восстановить в полном объеме боеспособность своих частей на этом участке фронта. В Москве считали, что после поражений под Москвой и Тихвином моральный дух немецких солдат подорван, войска противника в суровых зимних условиях дезорганизованы и не смогут оказать серьезного сопротивления. Поэтому Любанская операция по разгрому группы армий «Север» планировалась как часть большого всеобщего наступления советских войск в 1942 г. от Баренцева до Черного моря, которое должно было привести к разгрому и изгнанию немецко-фашистских войск с оккупированной территории СССР. «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее на-

ступление», — считал И. В. Сталин [15, с. 351].

Общее наступление действующей армии на основных стратегических направлениях должно было лишить войска противника передышки, необходимой для приведения их в порядок и пополнения.

5 января в Москве состоялось заседание Ставки, которое приняло решение о всеобщем наступлении от Баренцева до Черного морей. Против этого плана высказались Г. К. Жуков и Н. А. Вознесенский. Но их доводы о том, что армия еще не располагает достаточными материальными ресурсами для столь масштабных действий, не были приняты во внимание. После заседания начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников сказал Жукову: «Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным» [14, с. 253].

Г. К. Жуков высказал на этом совещании мнение относительно положения под Ленинградом: «Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление» [14, с. 254–255].

В книге Х. Польшана «Волхов: 900 дней боев за Ленинград. 1941–1944» так оценивается это решение: «То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень значительные силы, безусловно, существенно облегчило положение ведущей тяжелой бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. Те силы, которые советское командование ввело в использование при наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий “Центр”. Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, — он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде» [28, с. 68].

Ставкой ВГК было принято решение о наступлении на всем советско-германском фронте войсками девяти фронтов от Балтийского до Черного морей. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта и Балтийским флотом ставилась задача разгромить группу армий «Север» [14, с. 254]. Директива Ставки ВГК от 17 декабря 1941 г. войскам Ленинградского и Волховского фронтов о наступлении на любанском направлении оставалась в силе.

В процессе подготовки к операции командование Волховского фронта решило усилить армии на направлениях главного удара. В 9-ю армию дополнительно с формули-

ровкой «временно» передавалась 111-я и 288-я стрелковые дивизии, 163-й и 166-й танковые батальоны. В состав 2-й ударной армии была передана с той же формулировкой «временно» 259-я стрелковая дивизия. После прорыва фронта изъятые из состава 52-й армии части и соединения должны были быть возвращены назад, чтобы армия могла наступать в указанном ей направлении [17, с. 192].

Директивой Ставки перед войсками Северо-Западного фронта ставилась задача правым крылом нанести удар в направлении Старой Руссы, Солдцы, Дно, перерезав коммуникации новгородской группы противника, и во взаимодействии с войсками левого крыла Волховского фронта нанести ей поражение, содействуя тем самым решению главной задачи: снятию блокады Ленинграда [18, с. 314].

Ленинградскому фронту предстояло «содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады» [18, с. 314]. Определяя задачи, Ставка исходила из того, что общее соотношение сил на северо-западном направлении, с учетом поступающего пополнения, складывалось в пользу советских войск. На 1 января 1942 г. в группе армий «Север» было 665 тыс. человек, 6 тыс. орудий и минометов и 160 средних и легких танков. На фронте южнее

Ладожского озера действовало 13 вражеских дивизий [25, с. 28]. Однако количество немецких войск, указанных в советских источниках, не согласуется с данными штаба группы армий «Север», которая насчитывала в своих рядах вместе с привлеченными силами резерва главного командования и авиационного прикрытия не более 450 тыс. человек [44]. Армиям Волховского фронта противостояла группировка противника в 167 тыс. человек¹.

Состав немецких войск на 1 января 1942 г. был следующим: 16-я армия группы армий «Север» (соединения севернее Новгорода) включала в себя 38-й армейский корпус в составе 250-го истребительного полка, 126-й и 215-й пехотных дивизий, 39-й моторизованный корпус в составе 61-й пехотной, 20-й моторизованной и 8-й танковой дивизий.

Разграничительная линия с 18-й армией проходила по устью реки Тигода. В правофланговые соединения 18-й армии, которые противостояли Волховскому фронту, рубежи обороны на правом (восточном) фланге армии занимал 1-й армейский корпус в составе четырех пехотных дивизий: 291, 21, 11 и 254-й [24, с. 119]. После поражения под Тихвином эти дивизии насчитывали большой не-

комплект личного состава и снижение огневой мощи в связи с потерей в боях артиллерии и минометов. Однако командование группы армий «Север» предпринимало энергичные шаги, чтобы повысить боеспособность этих дивизий за счет маршевых пополнений, передачи орудий и боевой техники с других участков фронта. Поэтому группировка противника к началу сражения на Волховских рубежах увеличилась и продолжала наращиваться в ходе боев за счет привлечения новых дивизий с других участков фронта и из Западной Европы.

В войсках Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов на ту же дату имелось в наличии 725 тыс. человек, 9 тыс. орудий и минометов, 230 тяжелых и средних танков [18, с. 28]. Однако непосредственно на участке предстоящего прорыва в составе Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта насчитывалось 325 672 чел. [10, с. 224–225]. Распределение личного состава по армиям и частям фронтового подчинения представлено в табл. 1.

Волховский фронт с приходом двух новых армий и частей Новгородской оперативной группы имел перевес над противником в живой силе в 1,5 раза, в орудиях и минометах — в 1,6 раза, в самолетах — в 1,3 раза [27, с. 252]. На 1 января 1942 г. Волховский фронт объединял: 23 стрелковые дивизии,

¹ Подсчитано автором на основании данных по немецким дивизиям и приданным частям.

**Состав войск Ленинградского и Волховского фронтов
в январе 1942 г.**

Наименование соединений	Количество дивизий	Количество бригад	Количество отдельных батальонов (танковых, лыжных, аэросанных)	Численность личного состава	Количество танков	Количество орудий и минометов
54-я армия Ленинградского фронта	11	2	2	83 549/ 69 363	18	1156
Волховский фронт, в т. ч. армии:	25	9	25	242 123/ 222 490	220	2048
4-я	9	1	9	69 503/ 62 473	146	920
59-я	8	–	8	70 566/ 70 566	–	384
2-я ударная	1	8	8	47 422/ 47 422	71	470
52-я	6	–	–	51 533/ 38 971	–	254
Части фронтового подчинения	6	–	–	51 533/ 38 971	–	254
Всего в операции	36	11	27	325 672/ 291 853	328	3204

Примечание: таблица составлена на основе донесений о боевом и численном составе войск Ленинградского и Волховского фронтов за январь 1942 г. [34, л. 74–77].

В графе «Численность личного состава» показаны: в числителе — общая численность войск фронта и армий, в знаменателе — численность боевых войск и частей боевого обеспечения (разведывательных, связи, инженерных и др.)².

² К началу Любанской операции общая численность 2-й ударной и 59-й армий и количественный состав боевых войск и частей боевого обеспечения были одинаковы, т. к. в армиях отсутствовали части и учреждения обслуживания и тыла. Следует также отметить, что накануне наступления 7 января 1942 г. численный состав армий несколько вырос за счет включения в них некоторых частей.

8 стрелковых бригад, одну гренадерскую бригаду (из-за нехватки стрелкового оружия она была вооружена гранатами), 18 отдельных лыжных батальонов, 4 кавалерийских дивизии, 1 танковую дивизию, 8 отдельных танковых бригад, 5 отдельных артполков, 2 гаубичных полка большой мощности, отдельный артполк противотанковой обороны, 4 гвардейских минометных артполка реактивной артиллерии, зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный бомбардировочный и отдельный ближнебомбардировочный авиаполки, 3 отдельных штурмовых и 7 отдельных истребительных авиаполков и 1 разведывательную эскадрилью [25, с. 202].

Советские войска незначительно превосходили противника в живой силе, что было явно недостаточно для ведения крупномасштабной наступательной операции, а также по количеству орудий, минометов и танков. Но было крайне мало боеприпасов. К началу операции фронт имел четверть боекомплекта. В 4-й и 52-й армиях по неизвестным причинам отсутствовали прицелы для орудий, не хватало телефонного провода и радиостанций, что затрудняло управление войсками. В частях не доставало теплой одежды [7, с. 18].

В первых числах января 1942 г. на усиление ВВС фронта прибыли авиачасти, вооруженные самолетами По-2. Превосходство по коли-

честву и качеству авиационной техники было на стороне противника [30, с. 49–50]. Это убедительно показали боевые действия, которые в скором времени развернулись на участке фронта в бассейне реки Волхов от южного берега Ладожского озера до Ильменя.

Планируя операции на начало 1942 г., Ставка, как оказалось впоследствии, ошибочно предполагала, что успешное контрнаступление советских войск под Москвой не позволит немецко-фашистскому командованию усилить группу армий «Север» резервами или соединениями, снятыми с других участков советско-германского фронта.

В Москве также считали, что наличных сил у Волховского, Ленинградского и Северо-Западного фронтов достаточно для того, чтобы разгромить противника под Ленинградом и снять блокаду с осажденного города. Поэтому Ставка не предполагала использование на этом участке фронта стратегических резервов, кроме тех армий, которые были определены для наступления в начале операции.

На зимний период главной задачей, которая ставилась перед немецкими войсками, было создание крепкой обороны на всем протяжении советско-германского фронта. В распоряжении от 12 февраля 1942 г. о ведении боевых действий на Восточном фронте с началом весны главное командование сухопут-

ных войск Германии и Генеральный штаб в разделе «для группы армий «Север»» указывали: «Группе армий «Север», укрепившись в районах Холма и Старой Руссы, удерживать нынешние позиции 2-го и 10-го армейских корпусов к югу от озера Ильмень. В ходе наступления группы армий «Центр» в направлении Осташкова обеспечить стык с группой армий «Центр» в районе Осташково. Учитывая значение блокады Ленинграда, любой ценой удерживать фронт группы армий к северу от озера Ильмень. Приказом... намечен захват островов в Финском заливе. После предоставления необходимых донесений группа армий получит приказ о дальнейших действиях по осаде Ленинграда. Необходимо подготовить захват участка побережья напротив Кронштадта» [12, с. 419–420].

Из этого документа следует, что в начале 1942 г., еще не оправившись от кровопролитных зимних боев и крупного поражения под Москвой, немецкое верховное командование не ставило задачу овладения и уничтожения Ленинграда. Она была сформулирована впоследствии во второй половине года, когда армия Э. фон Манштейна захватила Севастополь. Часть ее дивизий вместе с фельдмаршалом будет направлена под Ленинград для окончательного определения судьбы города. Решение же узко тактических задач в районе Ленин-

града должно было создать предпосылки для последующих действий против осажденного города. Захват побережья напротив Кронштадта, как показали дальнейшие события, был частью этого плана. К концу апреля тем же распоряжением планировалось пополнить части и соединения группы армий «Север» в количестве 100 тыс. человек [12, с. 422]. Это могло значительно усилить группировку немецких войск под Ленинградом.

В войсках Волховского фронта началась подготовка к наступательной операции. Но времени на это практически не оставалось, тем более что на всем протяжении фронта продолжались упорные бои и войска несли потери. В планах проведения Любанской наступательной операций 4-й армии Волховского фронта ставилась задача окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру. Директива Ставки ВГК определила и боевой состав армии, в которой было 7 стрелковых дивизий (4-я гвардейская, 191, 44, 65, 377, 92 и 310), 27, 80-я кавалерийские дивизии, 60-я танковая дивизия, 46-я танковая бригада, 119, 120, 128-й отдельные танковые батальоны, а также артиллерийские и минометные части поддержки [2, с. 79]. В ходе разгрома Тихвинско-Волховской группировки противника части 4-й армии, в командование которой вступил генерал П. А. Ива-

нов, преследуя отступающие немецкие дивизии, вышли к заранее подготовленным оборонительным позициям противника у Киришей.

Здесь, на восточном берегу реки Волхов, немецкие войска создали плацдармы — две полосы мощных оборонительных укреплений в районе Киришей и Грузино. После отступления под Тихвином и Волховом командование группы армий «Север» решило удерживать эти плацдармы в надежде, что отсюда после перегруппировки войск и их пополнения за счет резервов вновь будет нанесен удар с целью соединения с финскими войсками на Свири, захватить коммуникации и окончательно решить проблему захвата Ленинграда.

Киришский плацдарм немцев на восточном берегу реки Волхов имел по фронту длину 4 км и глубину в 2 км [21, с. 8]. 44-я дивизия полковника П. А. Артюшенко, переправившись на западный берег Волхова севернее Киришей, совместно с частями 54-й армии повела наступление на Ларионов Остров. 146-му стрелковому полку под командованием майора Н. Л. Манжурина внезапной ночной атакой удалось прорвать на узком участке вражескую оборону и перехватить железную дорогу Мга—Кириши. Перехват этой дороги, по которой противник собирался осуществлять связь с группировкой, удерживающей Киришский плацдарм, заставил его предпринять контратаки против советских частей.

В течение пяти суток следовала одна атака за другой. Но войны 44-й дивизии, в большинстве своем ленинградские ополченцы, неизменно отбрасывали врага. Утром 26 декабря на левый берег Волхова южнее Киришей на участке Лезно—Водосье переправились части 92-й стрелковой дивизии, а 65-я полковника П. К. Кошевого, 310-я генерала Н. М. Замировского и 4-я гвардейская генерала А. И. Андреева дивизии форсировали Волхов по льду на участке у железнодорожной станции Тигода и вышли к железной дороге Чудово—Волховстрой. Оборонительные позиции противника, непосредственно прикрывавшие поселок Кириши с востока, атаковали части 377-й стрелковой дивизии полковника К. А. Цаликова и 80-я кавалерийская дивизия полковника Л. А. Сланова [16, с. 7]. Но они не добились успеха. Противник любой ценой стремился удержать плацдарм на восточном берегу Волхова, названный им за конфигурацию фронта «пробкой от шампанского» [28, с. 83]. Он усилил оборонявшиеся там войска частями 285-й охранной и 21-й пехотной дивизий и успешно отражал атаки. Начались продолжительные, упорные бои в районе Киришского плацдарма и на территории всего Киришского оборонительного района.

Не менее кровопролитные схватки проходили и в районе немецкого плацдарма в Грузино. Советским

войскам никак не удавалось преодолеть оборонительную полосу противника на этом участке фронта. Неоднократные попытки сбросить противника в Волхов ни к чему не привели.

Киришский плацдарм врага на восточном берегу Волхова серьезно беспокоил командование Волховского фронта. Ликвидация его создала бы благоприятные условия для маневра. Началась подготовка очередной наступательной операции по ликвидации плацдарма. На выполнение этих задач 4-я армия тратила основные людские и материальные ресурсы и практически была не готова к запланированному широкомасштабному наступлению.

Ставка ВГК рассчитывала, что в ходе общего январского наступления 1942 г. советские войска займут Кириши и продолжат наступление на Тосно. Директивой командующего войсками Волховского фронта № 004 от 21 декабря 1941 г. был установлен срок перехода в Кириши штаба 4-й армии — к исходу 24 декабря 1941 г. [28, с. 409]. Однако части 4-й армии встретили ожесточенное сопротивление противника и не могли выполнить задачу, в первую очередь — ликвидировать плацдармы на правом, восточном, берегу реки Волхов у Киришей и Грузино. Во второй половине декабря за плацдармы развернулись кровопролитные сражения, которые стоили обеим сторонам больших

потерь. Все это не способствовало подготовке и началу проведения Любанской наступательной операции, отвлекало большие силы на решение узко тактической задачи, невыполнение которой ставило под угрозу весь замысел.

Командующий группы армий «Север» фон Лееб 26 декабря 1941 г. сделал запись в дневнике: «Обстановка на правом фланге 1-го корпуса остается напряженной. Противник атакует здесь в направлении Киришей. Войска сильно страдают от крайне жестоких морозов. Генерал Бекман, командир 11-й пехотной дивизии, докладывает о полной ее измотанности» [23, с. 250–251].

В директиве Ставки ВГК от 24 декабря 1941 г. 4-й и 52-й армиям ставилась задача завершить разгром врага на восточном берегу Волхова, овладеть мостами и захватить плацдармы на западном берегу, чтобы обеспечить развертывание 2-й ударной и 59-й армий [7, с. 24].

В тот же день 4-я рота лейтенанта Г. Печеркина из 60-го полка 65-й стрелковой дивизии 4-й армии, преследуя противника, сходу форсировала реку. За ней закрепился на западном берегу 2-й батальон 311-го стрелкового полка той же дивизии. 25 декабря передовые части 52-й армии захватили небольшие плацдармы южнее и севернее села Грузино у деревень Зеленцы, Лезно и Водосье [1, с. 65; 27]. Но продвигаться вперед советским передо-

вым частям не удалось. Противник завершил отвод войск на новый оборонительный рубеж, подтянул резервы и предпринял сильные контратаки. Более того, противник сумел удержать плацдармы на восточном берегу Волхова в районе Киришей, Грузино и Дубцы, что создавало угрозу фланговых ударов советским войскам в ходе предстоящего наступления.

Борьба за плацдармы с обеих сторон продолжалась на протяжении всей Любанской операции, что практически исключило основные силы 4-й армии от выполнения боевой задачи по прорыву к Тосно.

Напряженность боев в этот период отмечали и немецкие источники: «Русские перед фронтом не оставались в бездействии. С первых дней занятия нами новых позиций они ежедневно пытались установить связь с находящимися за линией фронта частями», — написано в мемуарах 215-й пехотной дивизии [43, s. 77].

В дневнике командира 380-го полка 215-й дивизии 29 декабря сделана запись: «По сегодняшний день полк потерял 830 человек с момента начала боевых действий на Восточном фронте. 30 декабря: сегодня опять 11 убитых, 37 раненых. Среди убитых обер-лейтенант Грессер, кандидаты в офицеры Виттель и Бленерт. 4 января 1942 года: сегодня первый день с момента боев на Востоке, когда я не имел ни одно-

го убитого и раненого» [43, s. 78]. В этот день, 4 января, советские войска прекратили атаки по всему фронту, чтобы усыпить бдительность противника и подготовиться к наступлению.

В ночь на 31 декабря во исполнение приказа Ставки ВГК о захвате плацдармов на западном берегу части 52-й совместно с прибывшей 376-й стрелковой дивизией 59-й армии должны были разгромить чудовскую группировку противника и взять город Чудово. То есть еще до начала основного наступления Волховского фронта отдельные части входящих в него армий вели непрерывные наступательные бои, теряя людей и расходуя и без того незначительный резерв боеприпасов. В результате ожесточенного боя полки 376-й дивизии форсировали Волхов. Несколько часов шел бой за селение Рыбачий домик. К полудню 31 декабря 2-й батальон 1248-го полка ворвался в деревню Пехово, но дальше продвинуться не смог и почти весь погиб. В 3-м батальоне полка в строю осталось 25 человек. В результате упорных кровопролитных боев удалось создать небольшие плацдармы из деревень Пехово и Пертечно. Расходуя силы, сибиряки 376-й дивизии непрерывно атаковали врага до 6 января. Только в этот день они приняли семь атак на вражеские позиции, но противник не отступил ни на шаг, подавляя наступательный порыв советских войск мощным

артиллерийским и минометным огнем [3, с. 89–94].

Пытались захватить плацдарм на западном берегу реки и бойцы 267-й дивизии 59-й армии. 844-й полк в ночь на 1 января 1942 г. провал первую линию обороны, но к концу дня был окружен и с трудом пробился к основным силам дивизии. Потери в полку были большие. Командованию фронтом стало ясно, что время упущено. Преодолеть рубежи врага с ходу, без подготовки, без оперативной паузы невозможно, тем более, если вводить прибывающие войска прямо с марша. Волховский фронт не был готов к наступлению.

В период подготовки к наступательной операции И. В. Сталин прислал командующему Волховским фронтом письмо. В нем говорилось: «Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не размывалось на мелкие стычки, а вылилось в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин. 29.12.41» [13, с. 107].

Груз ответственности, возложенный Ставкой на командующего

Волховским фронтом, мешал ему принять правильное решение — не торопиться с наступательной операцией, пока войска не будут готовы к ней. Положение осложнялось тем, что дивизии Волховского фронта не успевали выйти в район сосредоточения для нанесения главного удара. Командиры не смогли детально изучить оборону противника, разработать подробные планы действий на том или ином участке фронта. В войсках не хватало продовольствия и боеприпасов.

Еще 23 декабря 1941 г., накануне предполагаемого наступления, К. А. Мерецков направил начальнику Генерального штаба Красной Армии донесение, в котором говорилось: «22 декабря представитель управления формирований Красной Армии доложил мне, что дивизии 59-й армии прибывают без положенного вооружения. Так, на всю 378 сд имеется только 379 винтовок, 3 станковых и 15 ручных пулеметов, 4 миномета. В 374 сд имеется на всю дивизию 344 винтовки и 3 миномета. Закончившая выгрузку 376 сд имеет только 8 комплектов упряжи на 36 орудий, в дивизии полностью отсутствуют средства связи и автотранспорт. 372 сд, закончившая выгрузку, имеет на всю дивизию 533 винтовки, 7 ручных пулеметов, 6 минометов, 8 орудий дивизионных и 12 полковых без единого комплекта упряжи. Никаких средств

связи дивизия не имеет. Чтобы не терять времени на довооружение, решил направлять дивизии в том состоянии, как они прибывают, в район сосредоточения, так как считаю, что вооружение для дивизий будет подано, и довооружение будем производить в районе сосредоточения. При условии отхода противника это большого риска не вызывает, если подача оружия не задержится» [40, л. 8]. Дивизии отправляли на передний край практически безоружными в расчете, что противник не предпримет наступательных действий.

В разговоре по прямому проводу 6 января 1942 г. с заместителем начальника Генерального штаба А. М. Василевским Мерецков вновь поднимал этот вопрос: «Товарищ Василевский, учтите, что в отношении вооружения... работа идет днем и ночью, и все-таки в связи с тем, что отсутствует автотранспорт, а также что галанинские части (59-я армия генерал-майора И. В. Галанина. — *Авт.*) прибыли невооруженными, пришлось их вооружать во время выгрузки и на походе. Все это затянуло готовность, и сегодня, в частности Галанин, начал работу примерно с половиной боевого комплекта. А для танков еще не подошло горючее» [35, л. 17–19].

Утром 6 января командующий войсками Волховского фронта генерал армии К. А. Мерецков подписал приказ о переходе в наступление,

в котором говорилось: «Войскам Волховского фронта 7 января 1942 г. всеми силами перейти в решающее наступление на врага, прорвать его укрепленные позиции, разгромить его живую силу, преследовать неотступно остатки разбитых частей, окружить и пленить их» [39, л. 34–35]. В приказе было определено направление главного удара фронта — Сиверская–Волосово, а также ближайшая задача: прорвать оборонительные полосы противника на реках Волхов, Тигода, Равань и выйти на фронт Любань–Дубовик–Чолово.

К этому времени тыл фронта не создал систему баз с запасами продовольствия, материальных ресурсов, боеприпасов, средств связи, не развернул медицинские учреждения, не сформировал дорожно-эксплуатационную и дорожно-строительную службы. Фронт и армейские тылы не были обеспечены в необходимом количестве ни автомашинами, ни гужевым транспортом.

В таких условиях начиналось наступление. Идущим в атаку бойцам обещали, что в ближайшее время им подвезут боеприпасы, продовольствие, автоматическое стрелковое оружие. К наступлению на Волховском фронте готовились четыре армии, но только одной из них — 2-й ударной — исследователи войны уделяли особое внимание. Необходимо отметить, что во многом трагический исход Волховского

сражения был предопределен тем, что все армии в силу разных объективных и субъективных причин не выполнили поставленные перед ними задачи.

2-й ударной армией командовал бывший заместитель наркома внутренних дел генерал Г. Г. Соколов, который не имел опыта штабной и боевой работы. Приняв 2-ю ударную армию, он начал издавать «суворовские» приказы: «Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак — затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на том спасибо, благо день не особенно длинен.

Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

Холода не бояться, бабами ряжанскими не обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом» (приказ № 14 от 19 ноября).

К линии фронта бойцы 2-й ударной шли пешком, утаптывая снег,

доходивший до пояса. Бывший боец 2-й ударной армии П. Герасимов спустя 22 года после Победы вспоминал: «Шли только ночью, днем укрывались в лесу. Путь был нелегким. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось колонны строить по пятнадцать человек в ряду.

Первые ряды шли, утаптывая снег, местами доходивший до пояса. Через десять минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвосте колонны. Трудность движения усугублялась еще и тем, что на пути встречались незамерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь промокала и промерзала. Посушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось. Выбивались из сил обозные кони. Кончилось горючее, и машины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия пришлось нести на себе» [9]. Усталая и голодная армия еще до начала боев оказалась практически без техники и с малым количеством боеприпасов. Она заняла исходный рубеж, чтобы идти в последний и решительный бой за освобождение Ленинграда.

Командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков, которому И. В. Сталин поручил историческое дело — освобождение Ленинграда от блокады, хорошо зная крутой нрав Верховного главнокомандую-

щего, морально был не готов взять на себя груз такой ответственности. Отсюда поспешность и непоследовательность в его действиях при подготовке армий к наступлению, недооценка врага, медлительность и непоследовательность в принятии решений. Это отмечали многие командиры в штабах на Волховском фронте. 59-й и 52-й армиям ставились сначала одни задачи, потом — другие. Они меняли дислокацию, дивизии передавались из одной армии в другую. Эта неразбериха накануне операции создавала нервозность в среде командиров, непонимание происходящего, апатию, когда люди делали только то, что прикажут.

К. А. Мерецков решил главный удар нанести силами 2-й ударной и 59-й армий, прорвать оборону в районе Спасской Полисти, выйти на рубеж Любань–Дубовик–Чолово и уничтожить во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта любанско-чудовскую группировку противника. Планировалось после разгрома противника на этом участке наступать в северо-западном направлении и при содействии сил Ленинградского фронта осуществить прорыв блокады Ленинграда.

В боевом донесении, подписанном 7 января 1942 г. в 00 ч. 20 мин., Мерецков сообщал Верховному главнокомандующему: «Несмотря на то, что сосредоточение не закончено, 2-я ударная армия перейдет

7 января в наступление. Основные трудности: не прибыла армейская артиллерия 2-й ударной армии, не прибыли ее гвардейские дивизионы, не сосредоточилась авиация, не прибыл автотранспорт, не накоплены запасы боеприпасов, не выправлено еще напряженное положение с продфуражом и горючим» [37, л. 10].

Приготовления к наступлению не прошли незамеченными для противника. Он предпринимает энергичные атаки позиций 59-й и 4-й армий. В том же донесении К. А. Мерецков сообщал И. В. Сталину: «Одновременно с контрнаступлением на фронте 59-й армии противник вел контрнаступление также и на левом фланге 4-й армии, хотя там контрнаступление отбито, противник понес большие потери, но 65-я и 4-я сд были отброшены на 2–3 км» [37, л. 10]. Перед наступлением частям Красной Армии приходилось отступать под натиском противника. Это не вызвало тревоги в штабе К. А. Мерецкова. На флангах предполагаемого прорыва были сосредоточены крупные силы противника, которые в дальнейшем сумели удерживать свои позиции и предопределить исход, как его назвали немцы, Волховского сражения.

Утром 7 января 1942 г., не ожидая сосредоточения всех соединений, 4-я и 52-я армии Волховского фронта перешли в наступление. Затем стали последовательно вводиться в бой прибывающие войска 59-й

и 2-й ударной армий. Наступление велось в направлении Любани и Тосно. В течение трех дней войска фронта пытались прорвать вражескую оборону, но безуспешно. Как это происходило, описал в мемуарах ветеран войны И. С. Катъшкин, который проходил службу в штабе 59-й армии: «Утром 7 января 1942 г. войска наших первых эшелонов после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление. Под сильным вражеским огнем они по льду переправились через реку Волхов, вышли на ее западный берег и даже захватили там несколько небольших плацдармов. Но противник, подтянув свои резервы, тут же провел ряд сильных контратак и отбросил наши части назад. Последовал еще целый ряд атак и, естественно, контратак. Наши полки и батальоны то цеплялись за противоположный берег реки, то под напором фашистских танков и автоматчиков вновь откатывались на исходные позиции. Так продолжалось несколько дней. Наконец 10 января командующий 59-й армией, дожив обстановку штабу фронта, попросил разрешения временно прекратить наступление, дать возможность уставшим войскам привести себя в порядок, обеспечить всем необходимым для продолжения операции. И такая передышка была предоставлена» [20, с. 17].

Командир 327-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии И. М. Ан-

тюфеев вспоминал: «Вечером 31 декабря 1941 г. командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Г. Г. Соколов приказал мне к рассвету 3 января сменить части 52-й армии на восточном берегу Волхова на участке Селищенские казармы — Городок и 6 января быть готовым к наступлению. Задача дивизии — прорвать оборону противника на левом берегу Волхова и, обойдя опорные пункты его обороны, овладеть станцией Любань, расположенной в 80 км от участка прорыва. Мои попытки доказать, что дивизия не будет готова наступать к указанному сроку, поскольку нет санитарного транспорта, не получены полностью боеприпасы и вооружение по штату, нет продовольствия и фуража, не были приняты во внимание. Генерал поднял палец вверх, давая понять, что эта команда идет отсюда и обсуждению не подлежит. На рассвете 7 января начали наступление по всей полосе Селищенские казармы — Коломна (протяженностью 4 км), правее нас наступала 59-я армия. Наступление успеха не имело вследствие того, что артиллерия не могла поддержать пехоту своим огнем» [31, с. 39]. «Артподготовка была недостаточной, — писал в воспоминаниях бывший командир взвода управления 327-й стрелковой дивизии П. П. Дмитриев. — На каждую гаубицу у нас было всего по 20 снарядов. Расстреляв их, мы оказались безоружными и не могли по-

давить огневые точки врага. Пехота, беззащитная перед ураганным огнем немецкой артиллерии, бьющим с высокого западного берега, полегла на волховском льду черными точками: маскхалатов стрелкам не полагалось» [31, с. 44].

В мемуарах 215-й пехотной дивизии бои начала января описываются очень эмоционально. Позиции в районе Дымно подвергались неоднократным атакам 2 и 3 января. В последующие дни они не прекращались. «Вечером 7 января 1842 г. командир 6-й роты 380-го полка фельдфебель Шлафен при контрольном обходе обнаружил, что сильный русский отряд, ползя по снегу, бесшумно проник между двумя постами пулеметчиков и, используя кустарник у Волхова, ворвался в Дымно. Начался сомнительный рукопашный бой. В течение нескольких часов бой шел за каждый забор, каждую руину дома. Прежде чем прибыла помощь из полка, высота Дымно опять была в наших руках. Русские применили здесь элитные войска — сибирских комсомольцев, отлично вооруженных и обученных, из которых ни один не сдался в плен» [43, с. 21].

Описывая бой, начавшийся к вечеру 7 января по всему фронту 215-й пехотной дивизии от Ямно до Дымно, немецкие авторы мемуаров подчеркивали то ожесточение, с которым шла борьба за каждый метр берега, за каждую позицию: «Атаку,

закончившуюся неудачей, русские повторили в полночь. Утром они пробились к Коломно и Званке. Батальоны ожесточенно сражались за свои шкуры. Скрюченные от холода пехотинцы лежали в своих снежных окопах, канониры стояли у своих орудий. Час за часом проходил в высшей степени готовности. Потом с криком “ура!” приходила новая волна атакующих через широкий Волхов. МГ (пулеметы) молотили нападающих, артиллерия и минометы расстреливали их грабительным огнем, нападающие залегали. Но комиссары криками поднимали оставшихся в живых, те опять поднимались и бежали к западному берегу реки. На них опять обрушивался огонь. В разных местах разгорался рукопашный бой» [43, с. 21].

Форсировав на отдельных участках реку Волхов, войска армий понесли большие потери в боях за прибрежные населенные пункты, не имея сил для продвижения в глубину. Без артиллерийской и танковой поддержки 2-я ударная армия за первые полчаса наступления потеряла убитыми и ранеными около 3 тыс. человек [17, с. 195].

Так началась Любанская наступательная операция. В течение трех дней войска фронта пытались прорвать вражескую оборону, но безуспешно.

Командование фронта с разрешения Ставки 10 января 1942 г.

приняло решение временно прекратить наступление, перегруппировать войска, подтянуть артиллерию, подвезти необходимые материальные и технические средства и с 13 января возобновить наступательные боевые действия [38, л. 9].

О неудаче первых дней наступления знали в и Москве. Так, состоялся телефонный разговор К. А. Мерецкова со Ставкой: «10 января. У аппарата Сталин, Василевский.

По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить на день или два. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и, кроме того, сосредоточить 50–60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы... Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова, а теперь пожинаете плоды своей поспешности» [35, л. 22–24].

Позднее в воспоминаниях командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков писал: «Чтобы подготовить наступление по-настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15–20 суток. Но о таких сроках не могло быть и речи. Поэтому мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку наступления на два дня. В ходе переговоров выпросили еще один день. Начало

наступления, таким образом, было перенесено на 13 января» [27, с. 250]. Одновременно начались перемещения в командном составе армий. Командование фронтом считало, что командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Г. Г. Соколов не может руководить вверенными ему войсками. По приказу Ставки он был заменен генерал-лейтенантом Н. К. Клыковым, который в то время командовал 52-й армией. Его место занял генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев. Смена командиров высокого ранга накануне наступления тоже не лучшим образом сказалась на общем ходе операции.

«В ночь на десятое января, — вспоминал о своем назначении генерал Н. К. Клыков, — меня вызвали в Папоротино, где размещался штаб 2-й ударной армии. Здесь уже находились Мерецков, Запорожец и представитель Ставки Мехлис. Выслушав мой рапорт о прибытии, Мерецков объявил: “Вот ваш новый командующий. Генерал Соколов от должности отстранен. Генерал Клыков, принимайте армию и продолжайте операцию”. Приказ был совершенно неожиданным для меня. Как продолжать? С кем? Я спросил у присутствующего здесь же начальника артиллерии:

- Снаряды есть?
- Нет. Израсходованы, — последовал ответ» [6, с. 63].

Далее Н. К. Клыков рассказывал, как торговался с Мерецковым

из-за каждого снаряда, пока тот не пообещал армии 3 боекомплекта. По штатному расписанию для прорыва обороны противника требовалось 5 боекомплектов и еще по 2 боекомплекта полагалось на каждый последующий день наступления.

Первые бои на Волхове показали, что не только войска не готовы к наступлению. Нечетко работали тыловые службы, отсутствовала нормальная связь, штабы дивизий и бригад не могли оперативно оценивать ситуацию в силу отсутствия достоверной информации о положении дел в полках и батальонах. «Войска уже в бою, а две армии не имеют ни одного полевого госпиталя», — вспоминал главный хирург Волховского фронта А. А. Вишнеvский [4, с. 94].

Германское командование придавало Волховскому участку фронта огромное значение. Так, 5 января 1942 г. командир 422-го полка 126-й пехотной дивизии подполковник барон фон дер Гольц объявил в приказе: «Господин командующий генерал сказал мне вчера, что если мы не удержим Волхов, мы проиграем войну, удержим его — выиграем войну. Это стоит жизни» [6, с. 87].

В немецких источниках встречается разночтение относительно начала Любанской наступательной операции. Так, 3 января 1942 г. 291-й пехотной дивизии и батальо-

нам полка СС «Мертвая голова» с трудом удалось ликвидировать прорыв советских войск в устье реки Тигода. В этих боях 4 января погиб командир полка полковник Ломейер. «Но атака, которую отразили в устье Тигоды, не являлась ожидаемой полномасштабной атакой советских войск. В первые дни после Нового года ожесточенные бои местного значения велись всюду между Киришами и Новгородом», — писал П. Карел [19, с. 344].

«Непрерывные атаки советских войск в районе Киришского плацдарма изматывали рядовых и офицеров 21-й пехотной дивизии. Русские стремились отбросить части дивизии с занимаемых позиций, овладеть западным берегом Волхова. Эта каждодневная борьба стоила им больших жертв. Но были потери и с нашей стороны», — написано в истории 21-й пехотной дивизии [41, с. 342].

Попытку широкомасштабного наступления Волховского фронта 7 января немцы восприняли как разведку боем. «Вражеские разведывательные и ударные отряды с 7 января прощупывали фронт», — отметил в своей работе В. Хаупт [32, с. 139].

В описании боевых действий 4-й полицейской дивизии СС бои с 7 по 10 января не упоминаются совсем. Они воспринимались не как начавшееся крупное наступление Волховского фронта, а как обычные фронтовые стычки за улучшение

позиций противоборствующих сторон. В истории 126-й пехотной дивизии также бои начала января оценивались не как новое наступление, а как продолжение Тихвинской операции [42, с. 143].

Упорные бои шли и в устье реки Тигоды. «Быстро сформированная боевая группа из 505-го полка (291-я пехотная дивизия) и батальон 9-го пехотного полка СС в пронзительно холодную погоду атаковала противника и вынудила его остановиться. Полковник Ломейер, командир боевой группы, носившей название “Львы Либавы”, пал в этом бою», — писал В. Хаупт [32, с. 138]. Но и в этом случае боевые действия советских войск воспринимались противником как частная операция по улучшению своих позиций.

Полковник Х. Польшман также считал, что сражение началось 13 января [28, с. 69]. Только 15 января начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер делает запись в дневнике: «На Волховском фронте отмечается вклинивание противника. На остальных участках фронта группы армий “Север” затишье» [8, с. 592].

Анализ архивных документов, воспоминания участников событий, немецкие источники позволяют сделать вывод, что, во-первых, Любанская наступательная операция 1942 г. не была неожиданностью для противника. Наступление советских войск немцы ожидали и к нему

готовились. «Разведка точно установила создание ударной группировки противника перед фронтом 126-й и перед правым крылом 215-й пехотных дивизий. Было установлено также, что противник готовит атаки на плацдармы Грузино и Кириши, а также на северо-восточный фронт армии по обе стороны Погостье», — сообщалось в немецких документах. Оставался открытым только вопрос, в каком месте будет нанесен главный удар. Этот режим ожидания позволил в штабах группы армий «Север» создать минимальные резервы, которые планировалось направить на кризисный участок фронта, в том числе из-под Ленинграда.

Во-вторых, очевидным представлялся тот факт, что направление главного удара советских войск командованием Волховского фронта было выбрано крайне неудачно. «До сих пор недоумеваю: на что рассчитывало командование, загоняя коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок, и снег лошадям по брюхо? Ведь достаточно было взглянуть на топографическую карту Новгородской области, чтобы понять: эти места за Волховом — настоящий край Мазая — топи да болота», — писал в воспоминаниях ветеран 2-й ударной армии артиллерист И. И. Калабин [31, с. 109]. Планируя прорыв через леса и болота, командующий фронтом К. А. Мерецков не учитывал, что

в немецком тылу оборудованы хорошие дороги, по которым можно быстро перебрасывать подкрепления, имеются укрепленные населенные пункты. Враг мог маневрировать техникой и бесперебойно осуществлять подвоз боеприпасов и продовольствия. Всего этого были лишены войска Мерецкова, загнанные в леса и болота. В этих условиях самим солдатам приходилось нести на себе орудия и боеприпасы.

В-третьих, войска Волховского фронта в силу объективных и субъективных причин были не готовы к наступлению. Дивизии не закончили сосредоточение на исходных позициях, не были подвезены боеприпасы и продовольствие, авиация только подтягивалась к фронту, танкам не хватало горючего.

В-четвертых, сказывалась усталость войск, которые перед началом наступления провели в непрерывных боях три месяца. Те дивизии и бригады, которые прибыли на фронт в составе свежих армий, не имели боевого опыта, не были сплоченными, большинство бойцов и командиров впервые вели действия в лесной зоне и поэтому чувствовали себя крайне неуверенно.

Были и более веские причины в масштабах всей страны, которые объективно влияли на положение дел в Красной Армии и сказывались на ходе сражений в первый год войны. О причинах неудач этого периода писал М. С. Хозин: «Одной из

основных, безусловно, было общее тяжелое состояние, в котором оказалась наша страна и Вооруженные Силы в результате поражений, постигших нас в летне-осенней кампании. Враг подошел к Москве, занял Украину, Крым и Донбасс. Военное производство резко сократилось, на фронте было очень мало танков и авиации, не хватало боеприпасов, горючего и даже стрелкового вооружения. Тяжелая обстановка вынуждала нас вводить в действие резервные соединения и части недостаточно обученными и сколоченными» [33].

К исходу 1941 г. действующие фронты понесли существенные потери в людях, вооружении и боевой технике. И если наличие мобилизационных людских ресурсов в стране позволяло восполнять урон, обеспечить создание новых формирований, то оснастить до штатной численности развертываемые соединения и части вооружением и боевой техникой не представлялось возможным. Промышленность в конце 1941 г. произвела такое количество военной продукции, которое восполняло потери действующей армии в стрелковом вооружении лишь на 30 %, в артиллерии — на 57 %, в танках — на 27 %, в боевых самолетах — на 55 % [5, с. 16].

К началу Любанской наступательной операции еще не была полностью восстановлена боеспособность войск, недоставало значительного количества вооружений на

оснащение развертываемых формирований, которые предназначались для усиления вновь созданного Волховского фронта. Две армии, которые влились в его состав из резерва Ставки ВГК, — 2-я ударная и 59-я общевойсковая — не имели боевого опыта, людьми и артиллерией были укомплектованы на 70–90%. Танковых частей и артиллерийских частей РКК, а также авиации они не имели. В этих армиях на начало операции совсем не было тыловых и обеспечивающих частей и учреждений. Это сказалось на снабжении в первые же дни наступления. В бою воинам советской армии не хватало самого необходимого — оружия, боеприпасов, продовольствия. Технической оснащенности немецкой армии они могли противопоставить только штык и свою храбрость.

Как отмечали авторы работы «Жупел Мясного Бора. О Любанской наступательной операции и выводе из окружения войск 2-й ударной армии в 1942 году» В. В. Гуркин и А. И. Кругликов, «директивы Ставки ВГК Ленин-

градскому и Волховским фронтам, как, впрочем, и другим в декабре 1942 года отдавались без учета объективной оценки боевых возможностей войск действующей армии и качества развертываемых резервных формирований» [11].

Ставка ВГК с недоверием относилась к способности командного состава Красной Армии руководить боевыми операциями. Из Москвы осуществлялась мелочная опека действий не только командующих фронтами, но и армиями, нередко давались прямые указания командирам дивизий. Такими действиями сковывалась инициатива командующих, любые коррективы в план операции, которые требовала обстановка, необходимо было согласовывать с Генеральным штабом Красной Армии, а нередко и лично с И. В. Сталиным. Все это в условиях сражения сказывалось на быстроте принятия решений, неблагоприятно отражалось на общей картине наступательной операции и приводило к трагическим последствиям.

1. *Андрейкович Т. П.* Сражались на Волхове. Л., 1986.
2. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2004.
3. *Верховцева З. П.* Солдаты Сибири. 1941–1945. Кемерово, 1985.
4. *Вишневецкий А. А.* Дневник хирурга. М., 1967.
5. Военно-исторический журнал. 1990. № 3.
6. Вторая ударная в битве за Ленинград. Л., 1983.
7. *Гаврилов Б. И.* Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М., 1999.
8. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Смоленск. 2001.
9. *Герасимов П.* Для советских солдат не было непреодолимых преград // Военно-исторический журнал. 1967. № 7.
10. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.

11. *Гуркин В. В., Кроглов А. И.* Жупел Мясного Бора. О Любанской наступательной операции и выводе войск 2-й ударной армии из окружения в 1942 году // Военно-исторический журнал. 1999. № 5.
12. *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы в 4 т. М., 2005. Т. 3.
13. *Егоров П.* Маршал Мерецков. М., 1974.
14. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969.
15. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970.
16. *Зайцев Д., Егоров П.* Самая «горячая» точка Волховского фронта // Кириши в огне войны. Воспоминания участников боевых действий на территории Киришского района в августе 1941 — сентябре 1943 гг. СПб., 1997.
17. *Исаев А.* Краткий курс истории Великой Отечественной войны: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
18. История второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. М., 1973–1976. Т. 4.
19. *Карел П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003.
20. *Катышкин И. С.* Служили мы в штабе армейском. М., 1979.
21. Книга памяти г. Кириши. Кириши, 1993.
22. *Крупница К.* Боевые действия 2-й ударной армии в Любанской наступательной операции // Любанская наступательная операция (январь–июнь 1942 года). Боевые действия второй ударной армии. СПб., 1994.
23. *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005.
24. Любанская наступательная операция: январь–июнь 1942 года. Боевые действия второй ударной армии. Сборник материалов. СПб., 1994.
25. На Волховском фронте 1941–1944 гг. М., 1982.
26. *Мерецков К. А.* На Волховских рубежах // Военно-исторический журнал. 1965. № 1.
27. *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988.
28. *Польман Х.* Волхов. 900 дней боев за Ленинград. 1941–1944. Воспоминания немецкого полковника. М., 2005.
29. Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 г. М., 1999.
30. Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1978. Т. 5.
31. Трагедия Мясного Бора. СПб., 2005
32. *Хаупт В.* Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005.
33. *Хозин М. С.* Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. 1966. № 2.
34. ЦАМО РФ. Ф. 15а. Оп. 505. Д. 414.
35. ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26.
36. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 108.
37. ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8.
38. ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 195.
39. ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 2218.
40. ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 97. Д. 8.
41. *Allmazer-Beck C.* Die Geschichte der 21 (ostpr./westpr.) Infanterie-Division. Miinchen, 1990.
42. *Loze G.* Die Geschichte 126 Infanterie-Division. Munchen, 1996.
43. *Schelm W., Mehrle H.* Von den Kampfen der 215. Wurttembergisch — badis chen Infanterie Division. Ein Erinnerungswgsbuch. Stuttgart, 1993.
44. NARA. T-311. Roll 118.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД: ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова:

пространство города, личность, творческая личность, блокада

Используя историко-литературный метод изучения городов, автор исследует особенности поведения творческой личности в экстремальных условиях блокадного Ленинграда. Особое внимание уделяется рассмотрению факторов, которые способствовали выживанию человека, сохранению его личностного и творческого потенциала.

Город включает в себя все уровни развития природы, культуры и человека. И каждый такой уровень ранее исследовался своими методами. Учитывая, что личность является сложным организмом, можно изучать ее как комплекс психических процессов, состояний, свойств. Можно рассматривать личность не изолированно от местности, а во взаимосвязи с окружающей средой. Изучение поведения творческой личности в окружающей среде требует иного подхода.

Историко-литературный метод изучения городов, предложенный И. М. Гревсом и Н. П. Анциферовым, неотделим от людей, их населявших. В их методе слились два

Key words:

urban space, personality, creative personality, siege

The author investigates the specific features of a creative personality in the extreme conditions of Leningrad Siege using historical and literary method of city investigation. Special attention is paid to consideration of the issues contributed to human survival and to maintenance of personality and creativity potential.

подхода к исследованию городской среды:

- деятельность города как самостоятельно функционирующего и развивающегося организма, со своим внутренним духовным обликом и внешним архитектурным ансамблем;
- деятельность личности в ее тесной связи с городом, его внешним и внутренним обликом, с событиями, происходившими здесь, с людьми, которые жили и работали в нем.

Использование подобного метода к изучению пространства города как нельзя лучше помогает раскрыть внутреннюю сторону личности горожанина, и, в первую оче-

редь, творческую сторону личности; выявить место творческой личности в городской среде, в культуре города, страны, мира, на уровне космоса.

На протяжении своей истории город, расположенный в устье Невы и на берегах балтийского взморья, нередко находился в тех или иных условиях войн, а также вражеской блокады. Так было в XVIII–XIX вв., во время русско-шведских войн; в 1918–1919 гг., в период Первой мировой и гражданской войны; в 1939–1940 гг., в ходе советско-финляндской войны; в 1941–1944 гг., в годы Великой Отечественной войны.

В каждый обозначенный период стоявшие во главе города личности принимали управленческие решения по обороне города и выходу из военного, блокадного кризиса с учетом многих факторов: политических, экономических, географических, демографических, военных, человеческих.

Человеческий фактор, профессиональные качества личности, принимавшей ответственные решения, всегда играли решающую роль. Мы это видим на примере реформ Петра I и его соратников. Анализируя деятельность императора по основанию города на Неве и отношение горожан к своему новому урбанизированному пространству, первый отечественный исследователь Санкт-Петербурга А. И. Бог-

данов в уникальном историко-культурном труде в середине XVIII в. отмечал: «Сей Град неприятелям страх и стена оным непреодолимая, а союзным государством великая полза» [1, с. 368].

Творческий портрет самого автора исследования о Санкт-Петербурге как творческой личности представляет также определенный интерес. А. И. Богданов составил «Летописный каталог всем российским типографиям и в них какие были напечатаны книги», создал «Книжицу российских пословиц». В 1752 г. он представил в канцелярию Академии наук тщательно переписанную рукопись «Исторические, географические и топографические описания Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 года по 1751 год». Эту работу, созданную более 250 лет тому назад, можно считать первым отечественным рукописным трудом по истории города. В ту пору, в 1752 г., российские академики постановили: отдать работу Богданова для хранения в библиотеку, а автора наградить 50 рублями (сумма годового жалования среднего государственного чиновника).

Градоведение (как и блокадоведение) вынуждено быть «междисциплинарным» и рассматривать личность в общественных отношениях, а также в особых условиях городской среды «комплексно», «системно», «интегрированно».

Многовековая история общественных отношений свидетельствует о том, что до последнего времени мы чаще имели дело с обезличенной массой, чем с личностями. Поэтому наработанные доселе механизмы отношений личности и общества, частного и публичного в последнее время начинают давать сбои только потому, что не всегда учитывается как изменившийся характер аудитории, в которой основным актором стала личность, а не обезличенная масса, так и изменившийся характер сообществ, где актором стала личность творческая.

Личность начинается с характера, который наследуется и воспитывается. Черты характера творческой личности разнообразны. Творческая личность может обладать такими качествами, как нетривиальное мышление, любознательность, чувство нового, социальная ответственность, диалоговая коммуникабельность, свобода мышления и действия, независимость суждения, терпимость, сложность в личных отношениях. Творческая личность обладает определенными психическими, социокультурными способностями, постоянно направлена на творческое действие, создание нового, достижение общественно значимого результата.

Существует целый ряд трактовок понятия «личность». Выделим следующую: личность «выражает обобщенный образ свободного че-

ловека, стремящегося к осуществлению своей родовой сущности и преодолевающего системные ограничения, ущемляющие его права и свободы» [14, с. 175].

Можно согласиться с утверждением исследователя о том, что личность «есть целое», а не часть чего-либо, ибо «она не входит полностью ни в одну из существующих в мире целостностей» [14, с. 178–179]. Личность — явление такое же целое, как государство, общество, город и т. д. Равноправный диалог между личностью и какой-либо другой целостностью возможен лишь на основе равноправия сторон. Только таким образом достигаются партнерские отношения, в том числе в сфере общественных отношений [14, с. 180–181].

В урбанизированном пространстве личность находится в условиях постоянного выбора свободы и ответственности в решении различных профессиональных, семейных, возрастных, имущественных, ценностных и иных вопросов.

Исследование состояния и поведения личности в экстремальных условиях, в условиях ленинградской блокады 1941–1944 гг. представляет особый интерес. Изучение взглядов непосредственных участников блокадных событий [3], мнения исследователей относительно героических, трагических, иных фактов ленинградской блокады [6; 13; 16–18] дают разнообразный

материал для применения различных методов научного осмысления ленинградской эпопеи 1941–1944 гг.

В условиях блокадной действительности человек был поставлен в невыносимые условия выживания или смерти, в его двуединой природной и культурной сущности боролись животная, социальная, разумная и моральная стороны ее содержания. В блокаду в основном погибали те, у кого верх брала одна, та или иная сторона содержания сущности (например, животная). Те, кто находили в себе силы сохранять максимально полную гамму сущностей (разумной, моральной и т. п.), дольше продолжали жить и бороться. Так, в своей книге «Записки блокадного человека» Л. Гинзбург, описывая разговор двух людей, обедавших в ведомственной столовой в дни блокады, передала их разговор и состояние таким образом: «...один из обедающих, увидев, как другой оставляет часть еды для своих домашних, говорит: “А вы можете еще делить? Да? А я не могу. Знаете, я уже не могу делить”. И деливший тогда на мгновение ощутил в себе прилив гордости и силы» [цит. по: 15, с. 30].

Рассматривая основные потребности человека (личности) в экстремальных условиях с точки зрения современной культурной антропологии, мы видим, что на

первый план выходят устремления человека как личности: потребность в самоуважении, которое проявляется в стремлении к независимости. В экстремальных условиях в людях как личностях, в их характерах и поведении на первый план выходят такие проявления, как потребность в безопасности и защите, потребность в сопричастности и солидарности. О состоянии человека в блокадном пространстве постоянно писала и говорила по ленинградскому радио О. Берггольц. Те, кто слышал ее блокадные радиоречи, внутреннюю силу ее голоса, ее простые, идущие из души слова, естественные паузы, когда тяжело говорить, понимают, какой мощи оружие несло ленинградское радио в города и веши России, на фронт, в партизанский тыл, в города Европы и мира. Она просто и правдиво говорила: «Наследники, собратья, вам на вечность народ вручает свой бесценный дар — спасенную от смерти человечность».

Корреспондент фронтовых газет и ТАСС П. Лукницкий на пороге блокады 6 сентября 1941 г. отмечал в своем дневнике: «Нет паники у стен Ленинграда! Есть горе, есть мужество, есть доблесть, есть ярость!» [8, с. 220]. 23 июня 1943 г. он писал: «Всех нас связывает общая судьба — ленинградцев, она развивает и укрепляет в нас дух товарищества и взаимопомощи... Мы часто просто не замечаем ни воз-

душных тревог, ни обстрелов — живем и работаем... зная, что при всех обстоятельствах мы связали себя своей любовью с Ленинградом и будем с ним до конца, до победы, чтобы ни пришлось пережить нам на пути к ней...» [8, с. 243].

Таких людей как О. Берггольц, П. Лукницкий по праву фронтового блокадного братства можно назвать личностями, продукт труда которых пусть не сразу, но получил общественное признание, ибо в решительный момент они делали то, что нужно делать в интересах человеческого общества, его настоящего и будущего. Помнить и хранить былое и на его основе созидать будущее — неотъемлемое свойство личности.

Как говорится, по старой памяти, что по грамоте. Память относительно прошлого — то же, что и догадка относительно будущего. Забудем о героическом, трагическом прошлом — значит, получим беспамятное, равнодушное, безнравственное будущее. Доживем ли мы до тех дней, когда оставшиеся в живых защитники и жители блокадного Ленинграда будут по праву названы почетными гражданами Санкт-Петербурга, ибо они в дни блокады и в послевоенный период внесли выдающийся вклад в развитие города, повышение его роли и авторитета в России и за рубежом? Они и сегодня являются важнейшим фактором воспитания мо-

лодежи, надежной опорой стабильности жизни Санкт-Петербурга. Доживем ли мы до тех дней, когда новорожденным в Санкт-Петербурге вместе со свидетельством о рождении будут выдаваться медали, на которых рядом со словами: «Родившемуся (родившейся) в Санкт-Петербурге» будут начертаны слова: «сын (дочь), или внук (внучка), или правнук (правнучка) жителя блокадного Ленинграда», ибо, как отмечал еще А. И. Герцен: «Кто мог пережить, должен иметь силу помнить»?

Текст (воспоминания, дневники, документы) как зафиксированный факт действительности имеет многомерную структуру:

- реальные события;
- автора текста как посредника между источником информации и приемником данной информации;
- практическую интерпретацию закономерности и причинной обусловленности факта, обладающего качественными и количественными возможностями;
- фиксацию и интерпретацию факта с точки зрения теоретического способа его объяснения.

Анализ управленческих документов блокадного времени свидетельствует о направлениях организаторской работы военных и городских органов власти. В то время были приняты следующие приказы, постановления, распоряжения: о мобилизации военнообязанных,

о местной противовоздушной обороне, об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности, об ответственности граждан и должностных лиц за нарушение правил прописки, о привлечении населения к выполнению работ на оборонительных рубежах, об очистке территорий, по развитию индивидуального огородничества, о возобновлении пассажирского трамвайного движения, о работах по заготовке дров [9, с. 365–385].

В архивных фондах города хранятся документы, свидетельствующие о том, что в начале войны создание народного ополчения в Ленинграде не было разрешено, т. к. считалось, что нельзя сеять панику в городе, что война скоро завершится победой нашей действующей армии. Однако прогнозы не оправдались, народное ополчение потребовалось, и первые ополченческие бригады в городе были созданы до того, как из Москвы поступило разрешение на их формирование.

Оценивая подвиг ленинградцев как «триумф человеческого духа, который будет вечно волновать человеческие сердца», американский публицист Г. Солсбери, работавший в СССР в годы войны корреспондентом, бывал в Ленинграде в 1944 г., встречался с блокадниками, анализировал доступные документы того времени, писал в своей книге «900 дней»: «Причинами страданий Ленинграда были не

только неудачные планы и борьба между высшим военным и партийным руководством. Он также страдал оттого, что у Сталина было против него предубеждение, даже страх перед ним... Сталин, видимо, ощущал, что... этот город способен... подняться против него» [16, с. 5].

Один из исследователей, анализируя практику принятия важнейших политических решений в годы блокады, пишет: «Некоторые документы подчеркивают влияние центральной власти на городские» [11, с. 260]. Обращаясь к опыту управления в блокадные годы, можно отметить, что принцип управления из центра в условиях военной, блокадной поры, нарушенных многообразных коммуникативных связей не всегда срабатывал должным образом. И в этих условиях особую роль играл человеческий, личностный фактор.

Анализ множества печатных документов, литературно-публицистических, научно-популярных текстов, созданных в блокадном, военном Ленинграде, свидетельствует о высокой социально-политической активности творческих личностей города, многосторонней тематике интересов авторов и издателей, ориентировавшихся на потребности читателей в военный период [4, с. 1–160].

Уместно напомнить слова И. М. Гревса, сказанные им в 1900 г.

в своей речи на соискание магистерской степени: «Двигателем истории является личность, связывающая в группы и создающая культуру над властью различных факторов окружающей среды и своей собственной природы» [5, с. 271].

Еще Н. П. Анциферов в своих исследованиях отмечал, что «весь Петербург является коммуникацией своего населения» [12, с. 62] и эта коммуникация, этот диалог города и человека постепенно превращается в идею власти места. Он неоднократно обращал внимание на то, какую силу имеет власть места над сознанием человека.

Место оседлости, место обитания человека, место формирования личности во все времена имело огромное значение для ее деятельности, всегда сопрягалось с качеством и эффективностью этой деятельности. У каждого жителя блокадного Ленинграда, у каждой профессиональной группы блокадников есть в городе и его окрестностях памятное место как знак бытовой исторической памяти. Это место когда-то помогло человеку, людям перебороть страх, голод, холод и выжить. Такие памятные места, как отмечает исследователь, «стали символами исторических событий», что побудило официальные органы и общество «отметить социально значимые исторические даты» [11, с. 255].

Следует подчеркнуть, что с учетом разумной моральной сущности

(ленинградцы защищали родную землю, свой любимый город), а также с учетом привычного для горожан географического и климатического ареала обитания жители осажденного города оказались сильнее захватчиков. Они были сильнее оккупантов также потому, что руководствовались в своих отношениях друг с другом христианской этикой, любовью к ближнему как заложенной генетически данностью. В осажденном городе люди, ограниченные пространством, возможностью передвигаться на большие расстояния, пытались объединиться, съехаться друг с другом, чтобы вместе побороть холод и голод, чтобы выжить. Объединялись друг с другом, в первую очередь, родители и дети, родственники, соседи, сослуживцы.

Обобщая анализ некоторых факторов выживания и поведения человека (личности) в условиях ленинградской блокады, продолжая поиск новых способов изучения этого уникального явления, обратим внимание на следующий тезис представителя философской антропологии: «Важным условием нового подхода к человеку является синхронизация антропологических открытий в области морфологии, палеонтологии, исторической лингвистики с хайдеггеровской экзистенциальной аналитикой. В результате история человека может быть описана как драма формирования им простран-

ства для своего существования, которая не может быть понята без учета истории вещей, как она реконструирована школой исторической антропологии» [10, с. 21].

Восстанавливая целостность блокадных событий, историческую преемственность ленинградских-петербургских традиций, осознавая

духовную самобытность поведения человека, личности в блокадный период, осуществляя все эти процессы на практике, мы двигаемся от простого к сложному, формируем методологические познания культурно-исторических явлений, тесно сопряженных с прошлым, настоящим, будущим.

1. *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга 1749–1751. СПб., 1997.
2. Блокадные дневники и документы. СПб., 2007.
3. *Буров А. В.* Блокада день за днем. Л., 1979.
4. *Быстрова М. Н., Великодворская О. В.* Был город-фронт... СПб, 2005.
5. *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. СПб., 2004.
6. Голоса из блокады. СПб., 1996.
7. И не было судьбы у нас другой... СПб., 2005.
8. *Лукницкая В.* Перед тобой земля. Л., 1988.
9. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944. Т. 1.
10. *Марков Б. В.* Философская антропология. СПб.: Питер, 2008.
11. *Мартин Э.* Блокада: между героизмом и трагедией // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2000. Вып. V.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 27. Ед. хр. 57.
13. Радио. Блокада. Ленинград. СПб., 2005.
14. *Резник Ю. М.* Личность и система в современном обществе: на пути к гражданскому диалогу // Управленческое консультирование. 2008. № 1.
15. *Рубашкин А.* О подвиге и трагедии Ленинграда // Голоса из блокады. СПб., 1996.
16. *Солсбери Г.* 900 дней. М., 1993.
17. Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2000. Вып. V.
18. *Barber J.* The soviet Home Front, 1941–1945. London, 1991.

А. Е. УЖАНОВ

БОЕВОЙ ПУТЬ КОМАНДИРА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Ключевые слова:

*Иван Туркенич, «Молодая гвардия»,
краснодонское подполье,
Герой Советского Союза*

Key words:

*Ivan Turkenich, “Molodaya Gvardia”,
underground in Krasnodon,
the Hero of the Soviet Union*

Автор подробно описывает биографию командира «Молодой гвардии» Ивана Туркенича, события, произошедшие после разгрома подпольной организации. В статье рассказывается о боевом пути героя от момента, когда он, избежав ареста, перешел линию фронта, до его гибели в бою за освобождение Польши.

The author describes in detail the biography of Ivan Turkenich, who was the leader of the “Molodaya Gvardia”, after the defeat of the underground organization. The author traces the military biography of the hero, from the moment when he avoiding the arrest has crossed the front line till his death in a battle for the freedom of Poland.

Личность Ивана Васильевича Туркенича, командира молодежной подпольной организации Краснодона «Молодая гвардия», выпускника предвоенных лет Севастопольского училища зенитной артиллерии уникальна уже хотя бы потому, что за свою короткую, но яркую жизнь и после своей гибели он не единожды представлялся к званию Героя Советского Союза. 15 февраля 2010 г. ему могло бы исполниться 90 лет.

В августе 1942 г. шли тяжелейшие бои на Сталинградском направлении в районе реки Чир. Подразделение, в котором воевал недавний выпускник артучилища лейтенант Иван Туркенич, получило приказ: «Стоять насмерть!» И приказ был

выполнен: пушки стреляли до последнего снаряда. Ивана тяжело ранило, присыпало землей. Когда очнулся, увидел гитлеровцев. Затем были лагерь смерти и дерзкий побег.

Туркенич пытался перейти линию фронта. Это ему не удалось. Тогда окольными путями он возвратился в родной Краснодон, где вскоре связался с подпольем. Учитывая его боевой опыт, товарищи избрали Ивана командиром молодежной организации.

Авторитет 22-летнего Туркенича среди подпольщиков был непрекращаем. В организации он ввел воинскую дисциплину, учил обращаться с оружием, маскироваться, по всем правилам военного дела

разрабатывал боевые операции, сам был непосредственным участником многих из них: разгрома вражеских автомашин, освобождения военнопленных из Волченского лагеря и Первомайской больницы, казни полицейских.

Думается, нет необходимости подробно говорить о подвигах краснодонцев — о них сказано и написано немало. Им посвящена известная книга А. А. Фадеева «Молодая гвардия», которую в советское время изучали в школе. В этом романе правда и вымысел тесно переплелись. Главный руководитель «Молодой гвардии» — ее командир, офицер Советской Армии Иван Туркенич с легкой руки Фадеева оказался как бы не у дел. О нем автор упоминает лишь мимоходом. Логика писателя-соцреалиста понятна: побывавший в немецком плену не может быть героем.

Когда начались аресты участников «Молодой гвардии», Туркенич сумел чудом избежать ареста, незаметно скрыться, перешел линию фронта. Затем последовали бесконечные допросы в «Смерше». Когда все прояснилось, его направили в действующую армию. Он так и не узнал, что в представлении военного совета Юго-Западного фронта молодогвардейцев к высшим званиям он значился под № 1.

Дальнейший боевой путь командира «Молодой гвардии» проходил в составе 99 стрелковой Житомир-

ской Краснознаменной дивизии (в должности помощника начальника штаба 473-го арtpолка, а затем помощника начальника политотдела дивизии по комсомолу) через Запорожье, Днепропетровск, Сумы, Чернигов, Киев и Житомир.

В районе села Раковичи Радомышльского района Житомирской области в декабре 1943 г. Иван Туркенич совершил подвиг, заменив погибший орудийный расчет и уничтожив три фашистских «Тигра». Спустя полвека то самое место, где когда-то стояло это орудие, было доподлинно установлено военными историками и следопытами, увековечено силами сельского совета, средней школы № 22 г. Житомира и личного состава Житомирского гарнизона. Узаконено и название той легендарной местности — Ивановым полем оно зовется и по сей день...

На этом месте был установлен скромный металлический знак с пятиконечной звездой — память о Туркениче. И вот что примечательно. До недавнего времени посреди того же самого поля буквально в километре от памятного сражения возвышался мемориал, выстроенный к одной из юбилейных дат в честь генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, на котором золотом было начертано: «Здесь с 18 по 19 декабря 1943 г. вел пулеметный огонь член военного совета 18-й армии Л. И. Брежнев». То ли времена

изменились, то ли нужда заставила, но тот самый земельный участок, где по роковому стечению обстоятельств свела судьба после смерти в единое соседство память об одном из русских богатырей — И. Туркениче — и руководителе, увы, уже ушедшей в историю мировой державы, был продан. При этом скромный обелиск в честь краснодонского героя отстояли люди как священную память о войне и сегодня продолжают поклоняться тому героическому месту. В то же время не дрогнула рука «новых украинцев», когда сравнивали они с землей легендарный блиндаж, где отличился в годы войны Л. И. Брежнев. Такова жизненная правда...

После кровопролитных боев на Житомирщине 99-я стрелковая дивизия принимала участие в боях под Львовом, и после форсирования реки Сан советские войска вступили на многострадальную польскую землю. Особо тяжелые бои развернулись в первой половине августа 1944 г. в районе города Жешув.

14 августа в один из критических моментов боя И. Туркенич поднял в атаку роту бойцов 206-го полка. Браг (по одной из версий, в сражении участвовали власовцы) открыл огонь по наступающим. Рядом с Туркеничем взорвалась мина, осколок пробил ему грудь...

Похоронили Туркенича в польском городке Глогув, а после войны прах его был перезахоронен в горо-

де Жешув. Забегая вперед, скажем, что на его могиле установлен 7-метровый памятник с надписью на польском и русском языках: «Герою Советского Союза, герою “Молодой гвардии” Ивану Туркеничу. 1920–1944 гг. Граждане Жешувской области».

В том же 1944 г. командование дивизии представило И. Туркенича посмертно к званию Герой Советского Союза. Четыре месяца ходили по разным инстанциям документы, но чья-то властная рука отклонила их. Теперь хорошо понятно, сколь роковую роль здесь сыграла вписанная в личное дело Туркенича строчка: «Был в окружении». Приказом по 60-й армии Туркенич посмертно был награжден лишь орденом Отечественной войны I степени.

Тем не менее, это была не последняя попытка воздать должное памяти бесстрашного офицера-артиллера. Через двадцать лет после окончания войны командование Житомирского военного училища ПВО (в послевоенные годы оно было передислоцировано из Севастополя) отправило в Главное управление кадров Минобороны СССР представление о присвоении своему выпускнику звания Героя Советского Союза. Но это представление постигла та же участь, что и предыдущие, был получен ответ: «Отказать».

Однако этот безжалостный вердикт не убавил энтузиазма житомирцев. Им потребовалось еще дол-

гих 25 лет, чтобы восторжествовала справедливость. Среди людей, восстановивших справедливость — заведующая народным музеем боевой славы училища ПВО Е. Носкова, председатель музейного совета Ю. Мезенцев, руководители патриотической группы «Поиск» С. Фриз, турклуба вуза В. Мочалов, корреспондент киевской радиостанции «Молодая гвардия» Ж. Демина, житомирский учитель-историк А. Субботин, а также первый заместитель мэра Москвы Л. Швецова (в те времена — руководитель наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР), Н. Тимошенко, В. Собчук, Н. Литвиненко, С. Кречетов

и В. Двуреченский, занимающие ныне высокие государственные посты на Украине и в России, многие офицеры и курсанты, которые по крупицам собирали свидетельства тех, кто знал и воевал рядом с И. Туркеничем, архивные материалы и документы.

Обращение в Президиум Верховного Совета СССР, под которым стояло несколько тысяч подписей, наконец-то было услышано. 5 мая 1990 г. — через 45 лет после Победы — президент СССР М. С. Горбачев подписал указ о присвоении звания Герой Советского Союза (посмертно) капитану Ивану Васильевичу Туркеничу.

О. П. ЕГОРШИНА, О. О. ЗАЦЕПА НАРОД КАК ИСТОЧНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Ключевые слова:

народ, государственная власть, федеративное государство, государственный суверенитет, субъект федерации

KEY WORDS:

public, state power, federal state, state sovereignty, subject of federation

Авторы обсуждают проблемы, связанные с конституционно-правовым определением понятия «народ». Особое внимание уделяется характеристике народа применительно к федеративному государству. Авторы утверждают, что понятие «народ» может быть использовано только в отношении всей совокупности граждан федеративного государства.

The authors discuss the problems concerned with constitutional legal definition of the concept «public». Special attention is paid to characteristic of public in relation to federal state. The authors state that concept «public» may be used only in relation to the whole entity of federal state citizen and the term “public of subject of federation” is legislatively incorrect.

Со времени, когда законодательство стран Европы и Северной Америки определило народ в качестве носителя государственного суверенитета и источника власти, категория «народ» стала объектом исследования для ученых-юристов.

Как в трудах по теории права и государства, так и в работах государствоведов рассматриваются юридические характеристики народа как субъекта государственных отношений. При этом различные авторы характеризуют народ и как субъект государственной власти, и как подвластный субъект, и даже как объект,

на который направлено воздействие государственного аппарата.

Так, А. Б. Артемьев представляет властное отношение как «опосредованную связь властвующего субъекта — объекта (общественные отношения) — подвластного субъекта, причем оба субъекта оказывают воздействие на объект власти, который в свою очередь, оказывает обратное воздействие на субъектов. В каждый конкретный период времени властвует тот, кто оказывает более мощное воздействие на общественные отношения и на которого сами общественные отношения оказыва-

ют минимальное воздействие. Отсюда власть — есть постоянное отношение между двумя субъектами, при котором они взаимно оказывают воздействие на объект, вызывая в нем изменения, в свою очередь вызывающие изменения в социальном положении субъектов и в самих субъектах» [1, с. 18].

Иной позиции придерживается, например, Н. А. Колоколов, полагающий, что «властеотношение принципиально отличается от тех отношений, в которых допустима связь “субъект — субъект”, поскольку во властеотношении равноправие действующих лиц изначально невозможно, для него характерна только связь “субъект — объект”, которыми могут быть как отдельные лица, так и их группы» [5]. В качестве наиболее широкой по составу подвластной группы, вероятно, следует понимать именно народ.

Аналогичной точки зрения придерживается С. С. Митин, утверждающий, что государственную власть можно определять, в том числе, и как «отношение субъекта и объекта властвования» [6, с. 12].

Представляется, что предлагаемый указанными авторами в контексте исследования категорий «власть» и «властеотношения» подход к определению народа как «объекта властеотношений» является не вполне корректным. «Любое правовое отношение, — пишет А. В. Поляков, — по своему эйдетическому

смыслу предполагает участников, деятелей, которые в правовой теории называются субъектами. Правоотношение может возникнуть лишь между такими субъектами, которые обладают правосубъектностью, т. е. правоспособностью как способностью быть носителями субъективных прав и обязанностей и самостоятельно их приобретать и осуществлять (вступать в правовую коммуникацию)» [8, с. 756–757].

Учитывая, что народ в отношениях с государственным аппаратом обладает как правами, так и обязанностями, более того — именно народ напрямую либо опосредованно делегирует власть государственным органам, его статус как специфического субъекта государственно-правовых отношений представляется нам неоспоримым.

В юридической науке обсуждаются такие проблемы, как соотношение понятий «народ» и «население», сравнительная характеристика народа и избирательного корпуса, особенности народа как источника власти в федеративном государстве.

В общей теории права и в науке конституционного права существует плюрализм понятий «народ» (применительно к кругу лиц, его образующих). Часто под народом как государственно-правовым субъектом понимается совокупность граждан, способных своими позитивными действиями участвовать

в процессе отправления народовластия (т. е. фактически — совокупность граждан, обладающих активным избирательным правом).

При таком подходе, если руководствоваться законодательством большинства государств мира, категория «народ» не будет охватывать следующие группы граждан:

- несовершеннолетние;
- отбывающие наказание в виде лишения свободы;
- признанные в установленном порядке недееспособными.

Такой подход является, с нашей точки зрения, не вполне верным. Мы полагаем, что отождествление понятий «народ» и «избирательный корпус» не отражает юридических характеристик народа. Под народом следует понимать совокупность граждан, обладающих конституционно-правовой правоспособностью.

Данная позиция нашла отражение как в советской, так и современной отечественной правовой науке. В частности, В. Я. Бойцов указывает на то, что понятие «народ» нельзя сводить к совокупности лиц, обладающих избирательным правом, а критерием, по которому можно отнести конкретного индивида к народу, является факт государственно-правовой связи человека с государством, т. е. гражданство [2, с. 89].

По мнению В. В. Хевсакова, «электорат — лишь часть народа,

которая выбирает органы государственной власти. Конституционное же понятие “народ” включает в себя такой аспект, как “народ-избиратель”, но не ограничивается им. Отождествление народа с избирательным корпусом государства исключает, например, такие важные аспекты конституционного понятия “народ”, как народ — цель власти, народ — учредитель и легитиматор власти, народ — источник власти. Именно воля народа является источником всей организации распределения власти в обществе, власти, полученной с согласия народа» [9].

Ввиду изложенного представляется, что более близка понятию «народ» такая широко употребляемая категория, как «население государства». Вместе с тем, необходимо учитывать, что понятие «население» также используется в нескольких значениях. В этой связи В. В. Хевсаков и А. Ю. Величко отмечают, что понятия «народ», «нация», «население» не тождественны, хотя в отдельные исторические периоды могут и совпадать.

Данные авторы полагают, что, рассматривая понятие «народ», следует исходить из того, что это совокупность физических лиц, имеющих правовую связь с государством в виде гражданства, в то время как население включает в себя всех лиц, проживающих на территории определенного государства: как собственных граждан, так и граждан

иностранных государств, а также лиц без гражданства (апатридов). Таким образом, фактическое население может быть примерно равно, а может и превышать народ государства в зависимости от участия иностранцев и лиц без гражданства в решении стоящих перед государством задач [10].

Исходя из приведенной выше позиции, мы можем заключить, что народ (в государственно-правовом смысле) является лишь частью населения государства, хотя, как правило, и подавляющей. Кроме того, наряду с индивидами, входящими в состав населения, но не являющимися частью народа, любое государство имеет и некоторую часть народа, не составляющую его население. Речь в данном случае идет о гражданах, проживающих за пределами государства, но не утрачивающих с ним правовой связи.

В то же время авторы некоторых работ по теории права и конституционному праву, характеризуя население, описывают его именно как субъект народовластия. При таком подходе граница между понятиями «народ» и «население» фактически стирается.

Так, Е. С. Бугурлина отмечает, что наукой теории права и государства предлагается определение населения как совокупности индивидов, объединенных естественными причинами в исторически сложившиеся социальные и иные общно-

сти, различающиеся по национальным, половозрастным, профессиональным признакам, политическим убеждениям, верованиям и другим качествам, выполняющих различные функции и образующих в конечном итоге единую социально-экономическую и политическую государственно-организованную общность людей [3, с. 9].

Приведенное определение населения по своему содержанию наиболее близко к понятию народа как субъекта государственно-правовых отношений и не охватывает лишь небольшую часть народа, проживающую за рубежом государства. Вместе с тем, применение для обозначения носителя суверенитета и источника власти именно термина «народ» представляется нам более корректным, поскольку категория «население» зачастую используется и в значениях, отличных от упомянутого выше, и не учитывает политические права граждан, составляющих народ. Полагаем, что понятие «население» в его общеупотребительном смысле должно принадлежать скорее к категориальному аппарату социологии и экономической географии, нежели конституционного права.

Также одним из широко обсуждаемых вопросов, связанных с юридическим содержанием понятия «народ», является характеристика народа применительно к федеративному государству. Исследовате-

ли расходятся во мнении, возможно ли говорить о народе субъекта Российской Федерации.

Конституции и уставы субъектов Российской Федерации содержат различные юридические характеристики населения соответствующих регионов. Так, Устав Самарской области включает понятие «народ Самарской области», в то время как Устав Магаданской области указывает на то, что источником власти в данном регионе является население Магаданской области. Устав Санкт-Петербурга содержит упоминание о жителях Санкт-Петербурга как источнике власти в городе.

В связи с приведенными примерами законодательного решения вопроса об источнике власти в субъектах Российской Федерации интересной представляется позиция Е. И. Козловой: «Думается, что положение ст. 3 Конституции РФ о том, что единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, исключает необходимость постановки вопроса об источнике власти в субъекте РФ. Представляется правомерным сделанное недавно исключение из Конституции Республики Алтай, из Устава Московской области положений об источнике власти. Следует исходить из того, что Конституция РФ, федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ, прямое действие и применяются

на всей территории РФ; осуществление полномочий федеральной государственной власти обеспечивается на всей территории РФ; что принципом федеративного устройства является единство системы государственной власти. Уже в силу этих факторов нельзя усматривать в населении, гражданах области, в народе республики единственного источника власти в субъекте РФ» [4, с. 8–9]. Данное мнение, как нам представляется, имеет под собой серьезные основания. Более того, логически продолжая приведенную выше позицию, следует рассмотреть оправданность применения в законодательстве и литературе самого термина «народ субъекта Российской Федерации».

В отечественной юридической литературе можно найти примеры упоминания народа субъекта Российской Федерации как специфического публично-правового субъекта. Так, И. А. Умнова отмечает, что «под народом области (края) понимаются граждане Российской Федерации, проживающие на территории данного государственно-территориального образования и реализующие политические права и свободы в пределах области (края) в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законами области (края). Народ области (края) рассматривается как источник и субъект государственной власти, осуществляемой им непосредствен-

но или органами государственной власти области (края) от его имени. Следовательно, народ области (края) должен быть наделен особым статусом и его правосубъектность необходимо гарантировать в уставе как основном законе области (края)» [11, с. 37]. Примечательно, что И. А. Умнова говорит даже не о народе республик в составе Российской Федерации, которые, как известно, в Конституции России названы «государствами», а о народе краев и областей. Приведенная точка зрения представляется нам необоснованной.

Безусловно, в условиях федеративного государства принцип народовластия должен реализовываться и на уровне субъектов Федерации, что, впрочем, отнюдь не означает необходимость точного копирования механизма федеральной власти в регионах. В связи с этим господствующей в российской юридической науке является точка зрения, согласно которой носителем суверенитета в государстве является народ в целом. Суверенитет является неделимым, в том числе и в федеративном государстве, а население отдельно взятого субъекта Федерации не обладает характеристиками народа как субъекта публичного права.

В частности, В. В. Хевсаков в этой связи отмечает, что Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме в 1993 г.,

закрепляет в ч. 1 ст. 3, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Соответственно, не какая-то отдельная нация, народность, иная этническая общность могут выступать в качестве носителя и источника власти в Российском государстве, а исключительно российский народ в целом как многонациональная общность [9].

Данный вывод подтверждается также и тем, что исключительно государство в целом, а не его отдельные территории, является субъектом международного права, при том что правосубъектность народа зиждется на совокупности его суверенных прав как в государственно-правовой, так и в международно-правовой сфере. Иными словами, социальная общность, именуемая народом, не может быть участником государственно-правовых отношений (т. е. субъектом народовластия), не обладая в то же время международной правосубъектностью [12, с. 346]. Таким образом, население субъекта Федерации является частью народа государства в целом, а не народом отдельно взятого региона в конституционно-правовом смысле этого термина.

Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации до настоящего момента не высказывал правовых позиций относительно некорректности самого понятия «на-

род субъекта Российской Федерации», по нашему мнению, выстраивание подобного рода «иерархии народов» является, по меньшей мере, нежелательным. Косвенным подтверждением нашего мнения является позиция Конституционного Суда России о недопустимости учреждения института гражданства субъекта Российской Федерации (включая республики) [7].

В законодательстве иностранных государств встречается понятие «народ субъекта федерации» (штата, земли). Впрочем, важно отметить, что, в частности, американская юридическая наука не отрицает или, по крайней мере, в прошлом не отрицала и суверенитет штатов. Данная точка зрения высказывалась

основателями американского государства: Мэдисоном, Гамильтоном и др. Таким образом, понятие «народ штата», широко используемое в законодательстве и правовой доктрине США, является скорее данью истории, чем правовой характеристикой совокупности граждан США, проживающих в границах того или иного штата.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что более обоснованным является подход, согласно которому понятие «народ» применительно к федеративному государству можно использовать только в отношении всей совокупности его граждан. Термин «народ субъекта Федерации» является, с нашей точки зрения, юридически некорректным.

1. *Артемьев А. Б.* Теоретическое исследование природы власти (эволюционный подход). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
2. *Бойцов В. Я.* Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972.
3. *Бутурлина Е. С.* Население как признак государства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
4. *Козлова Е. И.* К вопросу о правовом закреплении принципа народовластия в РФ // Проблемы эффективности публичной власти в Российской Федерации: материалы научно-практической конференции. Ростов-н/Д. 2003. С. 8–9.
5. *Колоколов Н. А.* Судебная власть как общеправовой феномен. Дисс. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
6. *Митин С. С.* Государственная власть: понятие и закономерности организации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2001 г. № 250-О по запросу Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс».
8. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб, 2004.
9. *Умнова И. А.* Устав области (края): первый опыт. М., 1995.
10. *Хевсаков В. В., Величко А. Ю.* Демократия и народовластие: к проблеме разграничения понятий // Гражданин и право. 2007. № 5.
11. *Хевсаков В. В.* Многонациональный народ Российской Федерации как субъект непосредственной демократии // Гражданин и право. 2007. № 7.
12. *Эбзеев Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.

А. В. КЛЮЕВ, И. С. УРСУ

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*муниципальная власть,
население территорий, обратная связь,
местное самоуправление*

Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия органов государственной власти и населения конкретной территории. В работе приведены данные социологических исследований, посвященных оценке эффективности и качества работы органов местного самоуправления, а также уровня взаимодействия последних с муниципальными властями.

В современных условиях становится все более очевидной проблема недостаточного использования потенциала местного самоуправления. Муниципальная власть является своего рода первоосновой федеральной и региональной власти. Именно она непосредственно связана с местным сообществом, отражает его интересы и опирается на него в своей деятельности. Но в практике взаимоотношений органов муниципальной власти и местного социума сохраняется множество нерешенных вопросов организационного порядка, а также проблем, связанных с продуктивным выполнением

KEY WORDS:

*municipal power, population of the territory,
feedback, local self-administration*

The article is concerned with the problem of coordination between state public authorities and population of the territory. Data of sociological investigations are shown which are devoted to the estimation of effectiveness and performance quality of local authorities as well as to estimation of coordination level of the latter with municipal power administrations.

общественно-политических функций основными политическими субъектами. Для решения конкретных социально-экономических задач необходимо тесное взаимодействие и взаимовлияние органов муниципальной власти и населения конкретной территории.

Можно сказать, что актуальность этих вопросов обусловлена необходимостью более эффективной работы муниципальных органов власти, а также привлечения широких слоев населения к участию в наиболее значимых проектах, реализуемых по месту жительства, и повышения социально-политической активности различных социальных групп.

Общепринятая схема, связанная с пониманием управления как воздействия субъекта на объект, приведением его в желаемое состояние в практической жизни, далеко не всегда реализуется. Особенно это относится к системе местного самоуправления, в которую включены два основных компонента: органы муниципальной власти и население, которые должны находиться в тесном взаимодействии.

Первый компонент в силу своего статуса является субъектом действия и призван выполнять возложенные на него законом функции.

О населении же пока приходится говорить лишь как о потенциальном субъекте самоуправления. Оно может включаться в процесс управления в качестве субъекта только в том случае, если будет выражать готовность к действию, направлять свои усилия на решение конкретных вопросов своего жизнеобеспечения. Пока его мотивация на участие в самоуправлении невысока. Причины этого обусловлены не только недостатком гражданской ответственности, но и тем, что население зачастую не видит в местном самоуправлении механизма решения актуальных жизненных проблем.

Между тем, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предоставляет

гражданам право влиять на деятельность органов МСУ. Они, например, имеют возможность выступать с правотворческой инициативой, проводить публичные слушания, брать под свою ответственность реализацию собственных инициатив по вопросам местного значения.

Для характеристики населения, потенциально или реально участвующего в самоуправлении, целесообразно использовать понятие «местное сообщество».

Можно сказать, что с законодательно-юридической точки зрения в систему самоуправления входят муниципальные образования, включающие городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородскую территорию города федерального значения. Но фактическими участниками МСУ являются реальные люди, т. е. местное сообщество, определение которого, однако, имеет неоднозначную трактовку.

В частности, местное сообщество отражает состояние повседневных практик жителей конкретной территории. В широком смысле местное сообщество означает наличие какой-либо общности, чего-либо общего для определенной группы людей [см.: 2].

Но существует разная степень развития местного сообщества, которая определяется на основе целого ряда признаков. К основным таким признакам относятся: взаи-

модействие социальных групп, самоорганизация, консолидация, мобилизованность населения на защиту своих интересов и т. д. В условиях современного российского общества лишь намечаются некоторые тенденции формирования местного сообщества, способного самостоятельно решать вопросы местного значения. Однако в данном случае мы используем понятие «местное сообщество» в его более общей трактовке, т. е. как группу людей, проживающих на определенной территории и имеющих общие интересы. Это позволяет рассматривать население территории как реальный и потенциальный актер местного самоуправления.

Включенность местного сообщества в общественно-политические процессы может происходить на различных уровнях, вплоть до общегосударственного. Но непосредственные мотивы политического участия граждан все-таки осуществляются на местном уровне, поскольку формирование их интересов обусловлено теми условиями, в которых они живут. Осознанные интересы побуждают людей к действию, которое наиболее полно может быть реализовано в рамках местного самоуправления.

Развитие местного сообщества не происходит автоматически. Как показывает мировой опыт, более эффективной представляется модель, согласно которой со стороны

государства осуществляется оптимальная поддержка инициатив граждан и создание условий для деятельности самоуправляемых ассоциаций.

Согласно принципам Европейской хартии местного самоуправления, большинство западных стран осуществило перераспределение полномочий и ответственности между различными уровнями власти.

Децентрализация власти позволила повысить уровень самоуправления, передать часть полномочий местным органам власти.

Попытки решения данной проблемы предпринимаются и в условиях российского общества. Однако опыт закрепления за местными властями некоторых государственных полномочий представляется весьма противоречивым.

С целью получения данных о состоянии местного самоуправления (МСУ) и взаимодействии органов муниципальной власти и местного сообщества кафедрой социологии и социальной работы Северо-Западной академии государственной службы в 2008 г. был проведен опрос руководителей высшего и среднего звена МСУ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В ходе исследования было опрошено 85 респондентов на предмет определения мотивации участия населения в разных формах МСУ, выявления причин недостаточного исполь-

зования потенциала населения, оценки уровня активности жителей различных муниципальных образований.

Для определения состояния и основных тенденций развития и функционирования МСУ были использованы следующие критерии и показатели:

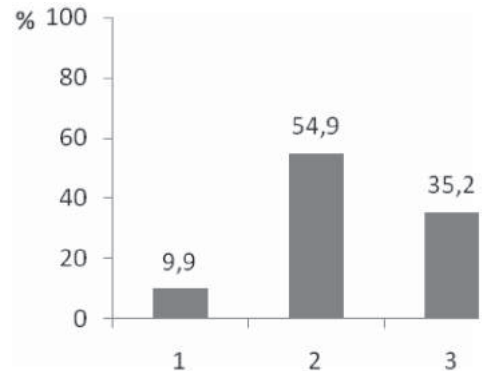
- социально-политическая активность населения муниципального образования (МО);
- готовность и способность населения МО самостоятельно решать жизненные проблемы;
- понимание населением МО необходимости и значимости МСУ;
- удовлетворенность населения МО эффективностью и качеством работы государственных и общественных органов управления;
- компетентность представителей государственных и общественных органов управления;
- информированность населения и др.

Проведенное социологическое исследование позволило сделать вывод о состоянии взаимодействия муниципальной власти и местного самоуправления.

Большинство опрошенных лишь частично удовлетворены характером и содержанием взаимодействия органов государственной власти и органов управления МО. Основными причинами неудовлетворен-

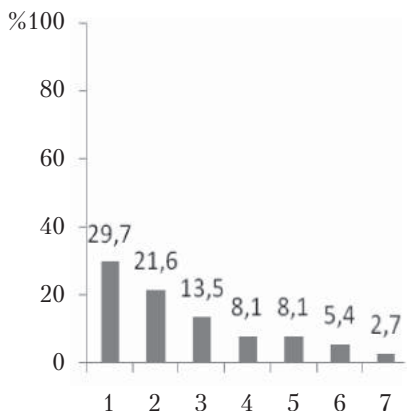
ности респондентов взаимодействием субъектов социальной организации низового уровня являются низкий уровень системы информации, самоорганизации населения относительно совместной социальной жизни, недостаточная эффективность решения проблем населения и др. (см. рис. 1 и 2).

Не лучшим образом обстоят дела с оказываемой органами государственной власти помощью органам местного самоуправления. Всего лишь 22,8% респондентов отметили оказанную политико-правовую помощь. Еще меньше оказались доли тех, кто ответил, что органам общественного управления оказывается информационно-просветительская (21,5%), финансово-экономическая (17,5%), органи-

- 1 — полностью удовлетворены
 2 — частично
 3 — доля респондентов, заполнивших графу «затрудняюсь ответить»

Рис. 1. Удовлетворенность респондентов состоянием взаимодействия органов государственной власти и МСУ МО (в %)

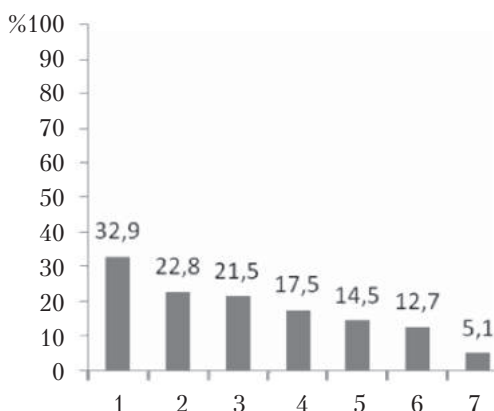

- 1 — низкий уровень взаимодействия
- 2 — система информации
- 3 — самоорганизация населения
- 4 — качество решения проблем населения
- 5 — доля респондентов, заполнивших графу «затрудняюсь ответить»
- 6 — другие причины
- 7 — финансирование МСУ МО

Рис. 2. Причины неудовлетворенности респондентов характером и содержанием взаимодействия органов государственной власти и МСУ МО (в %)

заочно-методическая (14,5%) и кадровая (12,7%) помощь (рис. 3).

Эффективность, качество и удовлетворенность населения проводимой органами МСУ работой в значительной степени определяются наличием необходимой социальной информации. Одним из ее источников является изучение общественного мнения населения МО по актуальным для него проблемам. На вопрос о том, как часто органы государственной власти и местного самоуправления МО изучают мнение

- 1 — доля респондентов, заполнивших графу «затрудняюсь ответить»
- 2 — политико-правовая
- 3 — информационно-просветительская
- 4 — финансово-экономическая
- 5 — организационно-методическая
- 6 — помощь не оказывается
- 7 — кадровая

Рис. 3. Оказываемая помощь органами государственной власти органам МСУ МО (в %)

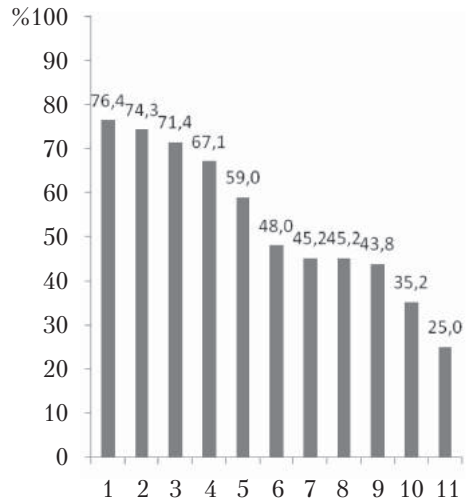
людей, только 6,0% выбрали вариант «постоянно изучают», а 16,9% — иногда. Остальные же (72,3%) ответили, что общественное мнение населения МО изучается редко (34,9%) или что оно совсем не изучалось (37,4%). Еще 4,8% анкетированных заняли нейтральную позицию — «затрудняюсь ответить».

Параллельно с вопросом о частоте изучения общественного мнения конкретизировалась и тематика подобных социальных исследований. Респондентам предлага-

лось ответить на открытый вопрос: «Если за последние два-три года мнение населения вашего МО изучалось, то каким конкретным вопросам оно было посвящено?» В конечном итоге были перечислены 13 пунктов, включая позицию «другие проблемы». На первом месте оказалась проблема «жилищно-коммунальное хозяйство» (20,7%), на последнем – свободное время и досуг населения (1,7%). За ЖКХ следуют «социально-экономические проблемы МО» (17,2%), «жилищное строительство» (12,1%), «благоустройство территории» (8,6%) и др. Более же одной трети респондентов (или 36,2%) ответили, что в их МО специальные социальные исследования не проводились.

О реальной практике взаимодействия населения и органов МСУ свидетельствует выявление конкретных типичных форм общественно-политического участия в муниципальном образовании. Результаты опроса показали достаточно низкую социальную активность граждан и ее слабое инициирование со стороны муниципальных органов. Например, отсутствие практики проведения местных референдумов составляет 76,4%, голосования населения по отзыву депутатов – 71,4%, правотворческой инициативы граждан – 45,2% и т. д. (рис. 4).

По ходу опроса изучалось наличие и эффективность работы госу-

- 1 — местный референдум
- 2 — муниципальные выборы депутатов местного Совета
- 3 — голосование населения по отзыву депутатов
- 4 — голосование населения по отзыву членов выборного органа
- 5 — голосование населения по отзыву членов выборного должностного лица
- 6 — голосование населения по вопросу изменения границ МО или его преобразования
- 7 — правотворческая инициатива граждан
- 8 — публичные слушания проекта устава МО
- 9 — публичные слушания проекта местного бюджета
- 10 — публичные слушания планов и программ развития МО
- 11 — конференции, собрания, сходы граждан

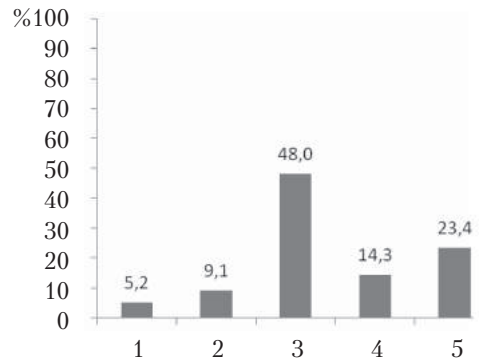
Рис. 4. Недостаточно используемые, по мнению респондентов, формы работы в практической деятельности органов МСУ МО (в %)

дарственных и общественных органов управления. Из числа органов самоуправления в собственном смысле этого слова назывались ТСЖ (22,2%) и ТОС (16,7%). При

этом чуть менее 50% от общей численности респондентов ответили, что в пределах их МО созданы и действуют предусмотренные ФЗ-131 органы МСУ. Среди реально существующих, эффективно действующих и значимых (необходимых) для сообщества МО чаще всего перечислялись следующие органы МСУ: местная администрация (40,0%), глава местной администрации (38,8%), глава муниципального совета (33,8%), муниципальный совет (22,5%) и контрольно-счетная палата (18,4%).

К сказанному добавим, что только 15,4% респондентов считают, что проводимая работа органов МСУ МО *полностью* соответствует положениям Федерального закона № 131. Еще 5,2% оценивают эту работу как полностью соответствующую *целям* Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (рис. 5).

Оценка эффективности и качества работы органов МСУ предполагает обращение к существующим реальным проблемам населения МО. Данный аспект изучался посредством целого ряда специальных вопросов, позволяющих определить наиболее острые проблемы МО, нацеленность муниципальных органов власти на их решение, наличие в МО специальных программ и др. Участвующим в опросе респондентам предлагалось не только пере-

- 1 — полное соответствие
- 2 — результаты выше ожидаемых
- 3 — результаты ниже ожидаемых
- 4 — результаты полностью не соответствуют целям
- 5 — доля респондентов, ответивших «затрудняюсь ответить»

Рис. 5. Соответствие результатов работы органов МСУ МО целям ФЗ-131 (в %)

числить наиболее острые социально-экономические проблемы и реализуемые в пределах их МО адресные социально-экономические программы, но и обозначить основные направления деятельности органов МСУ в предыдущем и текущем годах. Респонденты перечислили около 15 наиболее острых проблем, среди которых следует выделить: «жилищно-коммунальное хозяйство» (39,5%), «транспорт, дороги, движение» (29,5%), «благоустройство территории» (21,3), «работа правоохранительных органов» и «жилищное строительство» (по 14,7%), «физкультура и спорт» (1,6%), «культура поведения и общения людей в общественных местах» (3,3%),

«самоорганизация населения МО» (3,3%), «свободное время и досуг населения» (4,9%) и «работа органов государственного и общественного управления» (4,9%).

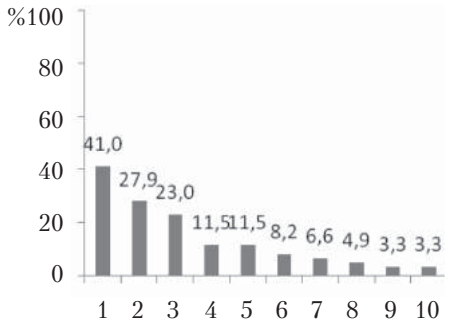
Среди реализуемых в МО адресных программ респонденты назвали следующие:

- программа комплексного социально-экономического развития МО (41,0%),
- программа охраны окружающей среды (23,0%);
- программа развития физкультуры и спорта (11,5%);
- другие программы (досуг населения, образования и воспитания, семьи и детства, борьба с преступностью и др.) (29,6%)

Интересной в этом отношении является оценка информированности населения об актуальных проблемах своего муниципального образования. Как показал опрос, осведомленность населения относительно существования острых проблем не высока (рис. 7).

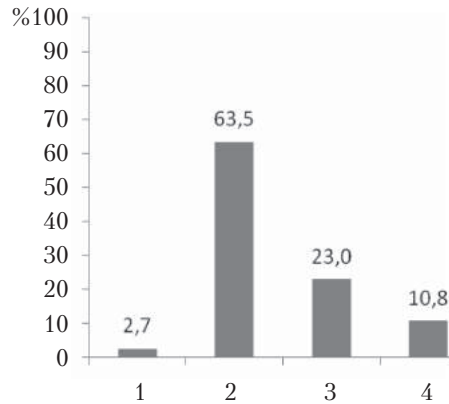
Проведенный замер факторов и субъектов, влияющих на позитивные результаты работы в муниципальном образовании, показал, что наиболее эффективными являются совместные работы государствен-

ных органов и субъектов, влияющих на позитивные результаты работы в муниципальном образовании, показал, что наиболее эффективными являются совместные работы государствен-

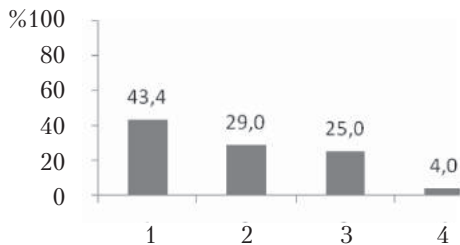
- 1 — социально-экономическое развитие МО
- 2 — охрана окружающей среды
- 3 — доля респондентов, заполнивших графу «затрудняюсь ответить»
- 4 — физкультура и спорт
- 5 — досуг
- 6 — нет программ
- 8 — семья, дети
- 9 — другие программы
- 10 — борьба с преступностью

Рис. 6. Реализуемые в МО адресные социально-экономические программы (в %)

- 1 — удовлетворены полностью
- 2 — частично
- 3 — не удовлетворены
- 4 — доля респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить»

Рис. 7. Удовлетворенность населения МО работой городских (областных) органов управления (в %)

- 1 — совместная работа государственной и общественной власти
- 2 — доля респондентов, заполнивших графу «затрудняюсь ответить»
- 3 — работа органов государственной власти
- 4 — самоорганизация населения

Рис. 8. Основные факторы позитивных результатов работы МСУ МО (в %)

ной и муниципальной власти (43,4%), а наименее — самоорганизация населения (рис. 8).

Несмотря на определенную специфику результатов опроса представителей муниципальных органов власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области, они в целом совпадают с аналогичными исследованиями, проведенными в Москве, Татарстане и других регионах РФ [см., напр.: 1]. Полученные данные позволяют сформулировать ряд обобщаю-

щих выводов, содержащих очевидные рекомендации по совершенствованию системы самоуправления.

Первый вывод следует сделать о явном несоответствии социальной активности местных сообществ требованиям общественного развития. Это проявляется в пассивном (и негативном) отношении населения к формированию органов местного самоуправления, в незнании острых проблем, в отсутствии у рядовых граждан представления о функциональных обязанностях органов местного самоуправления, в низкой удовлетворенности людей результатами их деятельности и др.

Второй вывод связан с очевидным несовпадением интересов органов местного самоуправления с потребностями населения. Данное противоречие порождено пробелами в профессиональной подготовке представителей органов местного самоуправления, ориентацией их деятельности на решение узкого круга проблем, подменой общественных интересов личными потребностями и др.

1. *Васецкий А. А., Шубина Н. В.* Проблемы развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008. С. 237–264.
2. *Халий И.* Местные сообщества в России — носители инноваций и традиционализма // *Власть*. 2008. № 5. С. 19–25.

А. В. ТИХОНОВ

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова:

институционализация управления, социальный институт, синкретизм, постиндустриальный тип управления, социальная трансформация

Key words:

institutionalization of management, social institute, post-industrial type of management, social transformation

Статья посвящена институционализации управления в России. Автор рассматривает проблемы синкретизма власти, собственности и управления, обосновывает необходимость их структурной дифференциации. Анализируются условия, необходимые для институционализации управления.

The article is devoted to the institutionalization of the state management in Russia. The author considers problems of the syncretism of the authority, property and management, proves necessity of their structural differentiation. The conditions necessary for institutionalization of management are analyzed.

Формирование в России социального института управления постиндустриального типа является едва ли не самой насущной исторической задачей. Читатели могут резонно заметить: о каком постиндустриальном типе управления у нас можно говорить, когда наша «суверенная демократия» далека от западных образцов, когда наша рыночная экономика еще не совсем рыночная, когда не созрело гражданское общество и не вырос средний класс, когда за чертой бедности живет более трети населения, когда нам грозит элементарная депопуляция и еще, как встарь, остаются проблемы: «дороги», «дураки» и «воруют». Все это так, но достаточно ли этих расхожих представле-

ний о бедах России, чтобы делать пессимистические выводы об использовании имеющегося у нашей страны немалого потенциала?

Институционализация управления — наш асимметричный ответ на глобальные вызовы

В геополитической логике «вызовов и ответов» наш ответ на четвертую за всю историю России катастрофу, которая сопровождалась теми же потерями, что и первые три¹,

¹ Имеется в виду: 1) монгольское нашествие 1237–1247 гг.; 2) «смутное время» и польско-шведская интервенция начала XVII в.; 3) Первая мировая война, интервенция и разруха 1914–1924 гг. Все они сопровож-

совсем не обязательно должен соответствовать рецептам «мейнстрима». Он может быть интеллектуально-асимметричным, отвечающим уникальному опыту пережитых нами потрясений, которого просто нет у «продвинутого» Запада. Здесь нам друг друга, возможно, и не понять. Но и руководствоваться взаимным «перечнем бед и обид» нет никакого смысла. У нас есть свои преимущества, и они находятся совсем не в той сфере, в которой привыкли искать «дополнительные ресурсы» политики и экономисты. Они в природной смекалке, изобретательности наших людей, в способности к адаптации к самым невероятным природным и социальным условиям и к самомобилизации в трудный исторический период. Сегодня наши резервы — в запущенных в производство продуктах научно-технического творчества и изобретательства, в неиспользуемых идеях исторических и социально-гуманитарных наук, в теневой экономике, в мошеннических подделках рыночных продуктов талантливыми людьми, не нашедшими своего применения в легальном малом и среднем бизнесе, в профессиях высокого уровня, не работающих по своему призванию и специальности, в отчужденном труде, в обостренном требовании справед-

дались потерями территории, населения, разрушением политической системы, управления, деградацией культуры.

ливости. Поражает не то, что начало многим достижениям мирового научно-технического и социального прогресса (радио, телевидение, авиация, космонавтика, биотехнологии, медицина, воспитание и обучение, социальное планирование) положено трудом отечественных новаторов, а то, что они не находят своевременной поддержки и массового внедрения в практику у себя на Родине, не превращаются в фактор ускорения социально-экономического развития и повышения уровня жизни.

Такая невосприимчивость социально-политической системы к научно-техническим и социально-культурным инновациям не только в текущий период, но и на протяжении веков не может быть простой случайностью. Удивляет и то, что многократно повторяется одна и та же закономерность: всем известные в истории модернизация и реформирование в России проводились «сверху», путем силового давления, начиная с крещения Руси и петровских реформ, и кончая институтами рыночной экономики. Нельзя себе представить, чтобы наличие этих странностей и парадоксов нашей истории не стало предметом осмысления хотя бы частью российского общества, думающей о судьбах своей страны. Дело, наверное, не в особом менталитете (с этим менталитетом многие наши соотечественники добиваются успехов во всех странах, в том числе в США и в Запад-

ной Европе, куда их забрасывает судьба) и не в «загадочной» русской душе, которая бьется над вечными вопросами бытия, а в том типе социальной организации, которая влияет на нашу жизнь. Было бы ненаучно считать, что для нас и для Запада существуют различные закономерности социально-исторического развития, тем более если придерживаться концепции универсального эволюционизма. Все народы, особенно сегодня, в условиях глобализации, заимствуют друг у друга достижения культуры, адаптируют их к своим условиям путем свободной ассимиляции, но трудно назвать другие народы, которые были бы так травмированы насильственным насаждением определенных социальных преобразований, как народы России.

Достаточно вспомнить раскулаченных, репатриированных и других жертв сталинских репрессий, диссидентов, обманутых чековой приватизацией и так же «обманутых вкладчиков», и многих других обиженных реформами, чтобы составить длинный перечень травмированных «социальных тел», реально живущих и действующих в социальном организме большой страны.

Проблема синкретизма власти, собственности и управления

Причина — в исторически преходящем, но задержавшемся и закрепившемся в практике государ-

ственного строительства силового механизма организации общественной жизни, ошибочно принимаемого многими учеными и практиками за подлинное социальное управление, в синкретическом, спаянном механизме власти и правления, собственности и управления. Власть, как и собственность, можно захватить, продать, уступить, разделить, обменять, потерять, а управление — как цивилизованный и рациональный способ регуляции действий и взаимодействий людей — можно только построить с их согласия и с их участием, применить хорошо, средне или плохо. Процесс управления уже зависит от нашей способности организовать социальную жизнь: и власть, и собственность, и управление.

Пользуясь представлениями о трех реальностях, в которых живет и действует человек, можно сказать, что если собственность относится к физической реальности, а власть — к социальной, то управление — больше к ментальной, к интеллектуальной. Эти реальности могут и должны успешно взаимодействовать. Но если власти или собственности удастся подмять ментальность (управление) под себя, то этот механизм теряет свои свойства и предназначение. Социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, просто перестает быть управлением и становится элементарной и безза-

стенчивой манипуляцией людьми, фактором отчуждения людей от общих задач, интересов и, в конечном итоге, как писал К. Маркс, от своей родовой сущности.

И. Г. Яковенко, исследовавший историю российской государственности с позиции социокультурного анализа, считает, что синкрезис как представление (образ) о нерасчлененной целостности окружающего мира² генетически восходит еще к родовому сознанию. «Так сращивание власти и собственности оказывается исключительно устойчивым, поскольку ближе к синкрезису, нежели разведение этих социальных отношений. Отсюда — любые формы коррупции и мафия. Отсюда особенности российского рынка и капитала. Капитала неконкурентоспособного, срастающегося с властью, живущего на дотациях и госзаказах, в условиях преференций. Эти характеристики российского капитала фиксируют как историки предреволюционной эпохи, так и современные аналитики» [21, с. 175]. Синкрезисом И. Г. Яковенко объясняет многие явления культурной реальности, в которой существует российская государственность.

К ним относится и «загадочность» русской души, ее исконный

эсхатологизм, неприятие реального, немифологизированного государства, не сводимого к образу «народного царя», тяга к личным контактам, неприятие формализованных процедур, бунт, смирение, бегство от власти, конфликт установок сердечной привязанности и рационализма, что ведет к неупорядоченности культурного пространства, его хаотизации.

«Чрезвычайщина» как одна из ярких и наблюдаемых особенностей российской жизни как раз связана с появлением жесткого политического режима, с особым стилем своеволия у политиков, считающих принуждение единственно возможной стратегией борьбы с хаосом. В эту логику укладываются и причина, и сталинский террор.

Для укрепления власти используется чиновничество, быстро (после окончания эпохи перемен) превращающееся в своекорыстную корпорацию. Новые люди, приходящие во власть, легко осваивают традиционные модели корпоративного поведения (этоса) и лишь актуализируют (подсознательно) соответствующий сценарий поведения. За ними следуют вполне предсказуемые политические и социальные потрясения. В итоге воспроизводится отчуждение власти от общества.

И, наконец, И. Г. Яковенко объясняет, почему для российской государственности характерна слабая расчлененность функций в системе

² Синкрезис — одно из центральных понятий культурологии, описывающее то слитное, первоначальное состояние социокультурного организма, в котором те или иные явления не вычлениаются из исходного целого.

аппарата управления, его институциональная аморфность. Дело в том, что институционализация дробит и расчленяет привычное синкретичное пространство, как и всякое упорядочивание. Устойчивость административных образований имеет собственную логику, в которую не попадает чужеродная рациональность. После очередных реорганизаций все возвращается в исходное состояние. То же происходит и с системой права. В отличие от Запада, законы в России переписываются с каждым новым правителем.

В окончании статьи звучит некоторая неопределенность. С одной стороны, И. Г. Яковенко считает, что традиционная российская государственность находится на переломе, ее адаптивные возможности исчерпаны; с другой стороны, он не знает, будет ли это лишь смена модальности или появится новое системное качество.

Мы считаем, что социокультурный анализ синкретизма значительно дополняет оценку проблемной ситуации формирования в нашей стране института управления постиндустриального типа, характеризует происходящую трансформацию власти и управления как сложный и неоднозначный процесс. Синкретизм как феномен культуры описывает и объясняет ментальный аспект проблемы, но не социальные особенности синкретизма власти, собственности и управления. Само-

управление как элемент и качество этой структуры, за которое ратует писатель А. И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию», здесь не рассматривается как исторически развивающийся и имеющий культурные корни способ построения управления. Разделение власти, собственности и управления — вопрос не только культуры, но и разделения труда, прав и обязанностей между различными субъектами, несущими самостоятельную ответственность за выживание общества и конструирование его перспектив. При этом, как мы полагаем, власть неизбежно уступит управлению доминирующую роль в постиндустриальном типе социальной организации, поскольку может быть изменен и сам принцип ее образования³. Социальная целостность может поддерживаться и новым синкретизмом, синкретизмом организации и самоорганизации, управления и самоуправления.

То, что такой скачок может произойти у нас, имеет серьезные предпосылки.

Во-первых, мы попадаем в пересечение нескольких благоприятствующих для России процессов: а) новый виток поздней либерализации экономики (начальный этап ли-

³ Мы имеем в виду «принцип субсидиарности», согласно которому разграничение компетенций идет не сверху вниз, а снизу вверх, оставляя верховной власти ту часть управленческих функций, которую самостоятельно не могут выполнить нижние уровни.

берализации относится ко времени правления Александра II и с перерывами длился до 1990 г.); б) соотношение порядка и хаоса (управляемости общества властной вертикалью и хаотический беспредел самоорганизации) в своих инверсионных поворотах первой четверти XXI в. указывает на вектор порядка [6].

Во-вторых, нужно учесть, что мы находимся не только на этапе упорядочения общественной жизни, но и на этапе строительства новой государственности, что ставит нас в более выгодное новаторское положение на фоне устаревающих государств Запада и кризиса их урбано-индустриальной цивилизации в целом [22].

В-третьих, по прогнозу П. Друкера, примерно до 2020 г. будет происходить мировая революция управления, что попадает в резонанс с завершением третьего управленческого бума в России (о первых двух речь будет идти далее).

В-четвертых, российский опыт, особенно XX в., требует еще обобщения и осмысления: ведь практически все годы так называемого «социалистического строительства» в России (СССР) проблемы совершенствования системы управления народным хозяйством, государственным аппаратом и обществом в целом не сходили с повестки дня⁴.

⁴ Напомним имена только нескольких авторов монографий, в основном юристов и экономистов: В. Г. Афанасьев, Г. Х. Попов,

Очень важно понять, что из этого опыта осталось актуальным, а что должно послужить уроком для практики и поводом для научных обобщений. Но был еще и дореволюционный опыт, и трехвековая история самодержавного правления⁴.

В-пятых, в связи с включением управления как проблемы в «человекоразмерные объекты» постнеклассической науки, назревает пересмотр оснований во всех социально-гуманитарных науках (и в частности — в социологии), отход от ставших привычными парадигм индустриальной эпохи.

Ниже мы рассмотрим процесс институционализации управления в стране как проблему социетальную, затрагивающую все стороны и сферы общества, как проблему практическую, решение которой требует большого научного и общественного внимания.

Недооценка роли управления в социальной трансформации страны

Ее суть состоит в недооценке особой роли управления в пережи-

Ю. М. Козлов, С. С. Алексеев, Ю. А. Тихомиров, В. И. Олитин-Нестеров, А. А. Годунов, О. А. Дейнего, С. Каменуцер и др. Нужно отметить повышение внимания к истории управления в России в литературе последующих лет: работы Н. И. Лапина, В. И. Франчука, Н. В. Мысина, А. И. Кравченко и И. О. Тюриной, Д. С. Клементьева, В. Н. Иванова, Е. И. Рабиновича, Л. Б. Когана и др.

ваемой нами социетальной трансформации как со стороны властных структур, взявших на себя ответственность за проведение радикальных реформ политической системы, экономики и социальной сферы, так и со стороны общественного мнения (научных кругов, СМИ, Общественной палаты, партий, некоммерческих организаций и т. д.), традиционно связывающего управление с исполнительной функцией власти, с технологиями ее осуществления и, якобы, не представляющей по этой причине самостоятельного интереса. В результате из поля зрения выпадает фундаментальная (социальная, политическая, экономическая и т. д.) проблема — проблема управляемости социальных процессов и прогнозирования новых кризисных состояний.

Из новейшей истории хорошо известно, что потеря управляемости выступает верным симптомом надвигающегося политического кризиса, а после выхода из кризиса, вслед за политической стабилизацией, наступает период строительства новой системы управления. Вспомним слова В. И. Ленина после Гражданской войны: «После того как мы Россию завоевали, убедили, мы должны научиться Россией управлять» [8, с. 172]. Если о современном политическом классе с определенной натяжкой еще можно сказать, что он Россию «завоевал», то в отношении «убедил» и тем более «научился Рос-

сией управлять» этого сказать нельзя. Примеров можно привести много: это принятие закона о монетизации льгот, реформа ЖКХ, реформа местного самоуправления, реформа науки и образования и др. На этапе реализации находится инициатива Администрации Президента РФ по национальным программам (здравоохранение, образование, доступное жилье, сельское хозяйство), осуществление которых отдается по старому на откуп «административному ресурсу». Налицо осознанное стремление верховной власти взяться за решение проблем послекризисного развития и в то же время отсутствие адекватных механизмов их реализации, недооценка значения соответствующих технологий социального управления, приспособленных к новым реалиям.

Странно, что когда говорится об инновационном, технико-технологическом «прорыве» на мировой конкурентный рынок, признается, что помимо финансов для этого требуется определенная научно-техническая политика, научно-производственные комплексы (типа «силиконовой долины»), новые рыночные институты и готовность значительного числа социальных акторов (от ученых и разработчиков технологий до производителей и потребителей) участвовать в инновационном процессе. В США, например, в 1980 гг. перед массовым производством информационных

технологий работала целая программа по подготовке населения страны к нововведениям, исследовалась «готовность нации» к инновационному характеру жизни. У нас же, затеявая радикальные либеральные реформы и делая последующие шаги по ликвидации их разрушительных последствий в виде перечисленных выше социальных программ, никто из инициаторов не принимал во внимание тот факт, что общество устроено несколько сложнее, чем силовые структуры или корпорации, а социальные инновации по значимости, по наукоемкости и трудоемкости не менее масштабны и эффективны, чем технические.

Использование «административного ресурса» вместо полноценных технологий социального управления — плохая идея. Она только умножает непредсказуемые следствия реформаторских вмешательств, не соединяет и не организует социальное пространство, а деформирует и разрывает тонкую ткань социальности. Это становится очевидным не только для ученых, но и для массового сознания, которое с опаской и недоверием воспринимает любые декларации о благих намерениях властей и предпринимаемые ими практические шаги. И на это есть основания.

Так в чем же дело? Почему не обсуждаются такие важные для выживания страны вопросы, как со-

стояние отечественной системы управления? Ответов может быть несколько. Скажем только, что все они так или иначе связаны с непониманием необходимости институционализации управления, с выделением его в самостоятельный и эффективный фактор исторического развития. Это, конечно, длительный процесс. Сутью его является мучительное преодоление доставшегося нам в наследство от прошлых эпох синкретизма власти, собственности и управления, их слитного протоинституционального состояния. Эту проблему в свое время пришлось решать странам западной цивилизации, придется рано или поздно решать странам Востока, а для нас это повестка сегодняшнего дня.

Институционализация управления как этап структурной дифференциации

В соответствии с неоеволюционной теорией для описания общества как процесса усложнения и структурирования социальных связей и отношений используется понятие «структурная дифференциация». В своей последней работе («Система современных обществ», 1971) Т. Парсонс исследовал движение примитивных обществ к цивилизации через дифференциацию социальных сфер и структур. К наиболее существенным сторонам этого про-

цесса он относил отделение культуры от социально-политических отношений, церкви и права от государства, исполнительной власти от законодательной, выделение рыночной экономики; наконец, исследовал формирование самой власти как представительного органа всего населения. Если спроектировать эти самые общие институциональные критерии цивилизационного развития на российское общество, то путем привлечения материалов исторических, этнографических, экономических и политологических исследований можно было бы буквально по годам установить «продвинутость» нашего социума по каждому из них. В итоге такого анализа мы бы с сожалением обнаружили, что по многим из этих критериев мы находимся на протоинституциональной стадии структурной дифференциации.

Возможно, в числе первых признали этот удручающий факт наши экономисты, которые на пути разгосударствления собственности столкнулись с отсутствием рыночных институтов как регуляторов новых отношений производства и обмена и их ресурсного обеспечения. Вскоре пришлось признать и то, что рыночные институты без ответственных институтов государственной власти и управления «не работают»; вернее, работают, но только как теневые и криминальные. Более того, имплантация за-

падных институтов на российскую почву также не приносит положительных результатов. Это относится как к западным институтам представительной демократии, так и к западному менеджменту. Последнее хорошо видно на примере попыток внедрения у нас стандарта ИСО 9001 : 2000. Кроме чисто внешней, декоративной функции этот стандарт никакой роли в улучшении реальной системы управления на наших предприятиях и фирмах не играет, разве что «упаковывает» товары в приемлемые для мирового рынка сертификаты. Происходит то, о чем еще В. О. Ключевский говорил в своих лекциях о культурных заимствованиях Петровской эпохи. Они, по его мнению, заключались в стремлении заимствовать западную технику без западной технологии и западную технологию без западной культуры.

Мысль о том, что надо переходить к «выращиванию» социальных институтов на нашей собственной социокультурной почве, уже ближе к реальности. Остается только понять, как правильно расставить приоритеты, определить, кто и как этим будет заниматься, и запастись терпением, чтобы выдержать естественный жизненный цикл такого «выращивания».

Социальные институты — это такие установления, которые не только проектируются «сверху», но и прорастают «снизу» естественным

путем спонтанной самоорганизации различных социальных групп и слоев населения, непосредственно применяющих те или иные нормы и правила в повседневной практике. Последнее 15-летие показало, что законы и решения, принимаемые новыми представительными и исполнительными органами власти, готовятся и реализуются по старым схемам и технологиям административно-командной системы. Основная масса населения как была, так и осталась объектом манипулирования со стороны разросшегося бюрократического аппарата, почти открыто и нагло преследующего свой частный интерес, и самовластного командования новых собственников, чему, кстати, способствует и новый трудовой кодекс.

Среди причин непомерно высокой коррумпированности российского чиновничества не называют главной: институциональную неразделенность власти, собственности и управления, что дает возможность каждому чиновнику относительно безнаказанно конвертировать свои служебные обязанности во властные и коммерческие функции. Предлагаются правовые, силовые и общественные меры (что вроде «народного контроля») борьбы с коррупцией. Однако это меры из прошлого века, все они уже были применены в советское время и только укрепляли властную вертикаль. Парадоксально, но факт:

введение института частной собственности несколько не улучшило ситуацию. Наоборот, чиновники получили еще более широкое поле возможностей для конвертации своих служебных обязанностей и во власть, и в предпринимательский доход путем «откатов» и создания подставных фирм.

Приходится констатировать: после нескольких лет спонтанной трансформации в стране восстановился традиционный для России синкретизм власти, собственности и управления на квазирыночной основе как латентный механизм регуляции реальных связей и отношений. Поэтому никакого другого варианта цивилизационного развития, кроме институционального разделения сторон этого «синкретического треугольника», у нас нет. Либо мы разделим сакральное единство регулятивных механизмов на составляющие части и установим контроль над их отдельным и полезным для общества функционированием, либо нам придется надолго распрощаться с идеей войти в число стран постиндустриального типа.

Причины, по которым мы должны заняться проблемой институционализации управления

Пока мы жили среди традиционных и полутрадиционных обществ,

наше отставание имело историческое оправдание и не ставило нас на грань существования. Ригидность системы «власть–собственность–управление» была своего рода охранной грамотой от внутреннего распада и внешних посягательств. Холопская культура, подчиненная властному беспределу, возникла из оправдания главенства общенациональных интересов, защиты от угрозы распада государственной целостности. Сейчас, в условиях нового миропорядка, выживают и развиваются те общества, которые способны не просто адаптироваться к ускорившимся темпам социальных изменений, но и сами создают благоприятную для себя внешнюю среду, перестраивают ее в своих интересах. Это хорошо видно по активизации США, ЕС и НАТО в отношении стран бывшего СССР (да и в отношении России), которым все еще отводят роль сырьевого придатка. Поэтому в общенациональных интересах важно, прежде всего, покончить с синкретизмом базовых регулятивных механизмов и за счет социальной дифференциации этих видов деятельности создать новые «правила игры» для выживания и адекватного реагирования на вызовы ближнего и дальнего окружения.

Есть несколько причин для того чтобы обратиться, прежде всего, к проблеме институализации управления.

Во-первых, потому, что среди регуляторов «синкретичного треугольника» управление представляет собой единственный институт, который отвечает за планирование и проектирование будущего, за конструирование новой реальности.

Во-вторых, управление рассматривает власть и собственность как ресурс для решения задач цивилизационного развития в меняющихся условиях внешней среды.

В-третьих, управление не столько разрушает, сколько создает новые связи и отношения, стремясь ввести спонтанные процессы самоорганизации в рациональные рамки управляемости.

В-четвертых, управление, в отличие от власти, не использует методы насилия и манипуляций, а строится на участии всех заинтересованных субъектов в совместной деятельности по субъект-субъектной модели.

В-пятых, в отличие от владельцев капиталов, управленцы отличаются профессиональной подготовкой и способностью к использованию научных знаний, рекомендаций для рационализации социальных отношений на долговременной основе.

В-шестых, управление пользуется социальными технологиями, которые могут быть исследованы, реконструированы и имплантированы в системы управления различных уровней с учетом социокуль-

турных особенностей организационной среды.

В-седьмых, отношения управления пронизывают все уровни общества (социетальный, институциональный, региональный, менеджурально-корпоративный и уровень местного самоуправления) и в этом смысле образуют суперинститут, в деятельность которого вовлечены все активно действующие социальные группы и слои.

Выращивать, холить и лелеять этот суперинститут — дело не только политического управления и широких слоев общественности, но и научно-педагогических кадров. Правда, отношения между политическим классом и отечественной наукой пока складываются не в пользу науки. Как нет пророка в своем отечестве, так и нет заказа от государства и бизнеса своим ученым на исследования в области социогуманитарных проблем управления. По опубликованным данным, если в 2005 г. США затратили на гуманитарные исследования 1,93 млрд долларов, а Германия 1,15 млрд, то Россия — 0,090 млрд, а наши федеральные расходы и того меньше — 0,043 млрд долларов США [14]. Причем структура этих расходов такова, что они идут на финансирование институтов и учебных заведений, на ведомственную экспертизу, а не на исследовательские программы.

Привлечение ученых, в том числе зарубежных, в качестве экспер-

тов, при разработке законов и программ, касающихся социально-экономической сферы, на самом деле не решает проблемы создания современной системы управления, т. к. такие ее неотъемлемые элементы, как социальная диагностика, прогнозирование и проектирование, требуют фундаментального знания относительно управляемости социальных процессов и последствий организованных вмешательств (*social intervention*), что нельзя получить путем точечных экспертных оценок. Это видно из последствий реализации Федерального закона РФ № 122 о монетизации льгот⁵. Кстати, мы официально предлагали свои услуги Администрации Президента на стадии реализации этого закона, но вразумительного ответа не дождалась. То же самое произошло и с нашим предложением провести силами РОС (Российское общество социологов) исследование проблем реформирования отечественной науки, чтобы не получилось

⁵ См.: Федеральный закон от 5 августа 2004 г. № 122 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

так, что будет запущена программа без учета мнений и пожеланий самих ученых. Но, скорее всего, так оно и произойдет. Есть и другие примеры. Все они свидетельствуют о том, что построение системы управления в нашей стране еще не приняло форму осознанной и целенаправленной институциональной политики и носит преимущественно административный характер.

Но доминирующий политический класс недолго будет оставаться «классом в себе». Логика выживания превратит его в «класс для себя», а если история постарается, то и «для нас». Феодалские пережитки синкретизма власти, собственности и управления, так или иначе, будут преодолены и интеллектуально, и практически. Это лишь вопрос времени и расстановки социально-политических сил. В этом контексте институционализация управления постиндустриального типа является неизбежной, но способы осуществления могут быть разными. Либо она будет носить по-прежнему спонтанно-либеральный характер и на каком-то этапе, как это было в США после Великого кризиса, сама по себе приведет к «революции менеджеров» в российском варианте; либо из желания ускорить процесс будет использован все тот же «административный ресурс», что заранее можно отнести к историческим курьезам; либо она произойдет (и это было бы самым

трезвым и разумным решением) на основе разработанной вместе с наукой и при активном участии самих управленцев и широких слоев общественности национальной программы институционализации управления.

Готовность науки к разработке национальной программы институционализации управления

Готовность к разработке такой программы со стороны отечественной науки есть. Предпосылкой является уникальная и всесторонняя диагностика российского кризиса, проведенная в мониторинговом режиме лучшими научными силами страны⁶. Только в сети Интернет содержится более 50 тыс. публикаций на эту тему. Нет ни одного известного ученого, который бы так или иначе не заявил свою позицию относительно постигшей нас катастрофы, получившей в литературе самые разные названия: кризис тотальный, системный, патологический, революционный и контрреволюционный, модернистский, би-

⁶ Имеются в виду, прежде всего, фундаментальные исследования Н. И. Лапина [7], А. Г. Здравомыслова [5], О. И. Шкаратана [19], А. Г. Аганбегяна [1], Р. В. Рывкиной [11], Е. Т. Гайдара [3], «Социальные трансформации в России» под ред. В. А. Ядова [13] и обобщающая многолетние дискуссии на тему «Куда идет Россия?» работа Т. И. Заславской [4].

фуркационный, цивилизационный и т. д. Добавим, что это был и кризис традиционного синкретизма регулятивных механизмов управления страной, тревожный звоночек о том, что так дальше жить нельзя.

В фундаментальной работе Н. И. Лапина «Пути России», где подробно исследуются тенденции трансформации стран Запада и России от традиционализма к либерализации, отмечается неравномерность этого движения и у нас, и в Европе (продвижение вперед не раз сопровождалась рецидивами отката в прошлое). Однако только в России дело дошло до крайней точки — до «тотально-отчуждающейся традиционализации» как «инобытия свободы», этой высшей человеческой ценности [7, с. 80]. Исходным, как пишет автор, стало отчуждение подавляющего числа населения от участия в управлении страной, от власти. Тотальная централизация политической и хозяйственной власти опиралась на специфический слой бюрократии, получивший название «номенклатура», образуя партийную административно-командную систему. Сутью ее, по нашему мнению, являлось невероятно плотное сращивание власти, собственности и управления. Это сращивание явилось причиной системного, патологического, социокультурного и цивилизационного кризиса, поставившего страну на грань катастрофы.

Соглашаясь в основном с диагностикой кризиса, данной Н. И. Лапиным, А. Г. Здравомыслов в «Социологии российского кризиса» обращает внимание на порождение этой системой трех базовых социальных конфликтов, которые советская власть не смогла разрешить и оставила в наследство новому политическому классу. Это конфликт диспропорциональности экономического развития из-за неподъемной милитаризации, конфликт между декларативным идеологизированным фасадом и реальными повседневными интересами людей и конфликт в системе властных отношений и отношений управления, названный им проблемой «бюрократизации власти» [5, с. 28–29].

Однако решение этих конфликтов пришлось на другую эпоху. По оценке Е. Т. Гайдара, самым важным результатом разразившегося кризиса является возвращение России в современный мир, правда, «отнодью не триумфальное и еще не вполне завершенное» [3, с. 8]. Страна оказалась в условиях быстрых изменений индустриального и особенно постиндустриального глобального мира и должна найти свой путь обеспечения непрерывного экономического роста путем слома старых, обладающих известной инерционностью, и построения новых социальных институтов, занять тем самым свое место в ряду свободных и преуспевающих государств.

Такой же благоприятной либеральной перспективы для страны желает и другой авторитетный экономист, академик А. Г. Аганбегян. Отвечая на вопрос: в какой социально-экономической системе мы сегодня живем, он пишет: «В смешанной системе переходного периода от социализма к капитализму, от всеобщего огосударствления и деспотизма к демократическому гражданскому обществу» [1, с. 63]. По разработанному им «оптимистическому сценарию» Россия уже к 2030 г. по объему ВВП перегонит Италию, Францию, Великобританию, Германию и, возможно, Индию и займет достойное место в мире после США, Китая и Японии. Среднемесячный доход на душу населения составит в среднем 1000 долларов, численность среднего класса вырастет до 65–70% от численности населения, а минимальная заработная плата будет составлять 300 долларов США [1, с. 92–95]. При этом автор предполагает, что основные институциональные проблемы к этому времени будут как-то решены. Сила и эффективность государства будут проявляться не в насилии над предпринимателями, не в попытках перераспределить собственность в свою пользу и вершить бизнес руками чиновников, а в наилучшем выполнении им общественных функций, ради которых оно и существует [1].

Как пожелание это можно принять, но предположить, что госу-

дарственное управление само по себе станет эффективным, крайне сомнительно без институционального разделения власти, собственности и управления. Здесь позиции ученых разошлись. Ряд экономистов увидели проблему, прежде всего, в разделении власти и бизнеса, государства и рынка, в необходимости формирования институтов рыночной экономики и гражданского общества (А. Г. Аганбегян, Г. Б. Клейнер, Е. Т. Гайдар). Другие абсолютизировали специфику нашего социально-экономического развития, определенного еще К. Марксом как «азиатский способ производства», и выдвинули теорию «институциональных матриц» (С. Кирдина, О. Бессонова, О. Шкаратан), согласно которой все социальные институты в России заранее обречены на зависимость от властной иерархии, от традиционного этатизма. Словом, Восток есть Восток, Запад есть Запад, и вместе им никогда не сойтись, а значит, и наши реформы не могут привести к цивилизованным сдвигам, по крайней мере, до них еще очень далеко.

Более взвешенную позицию занимают те, кто исследует изменения в социальной структуре нашего общества с позиции расстановки социально-политических сил, среди которых есть заинтересованные и в экономическом росте, и в установлении демократического социального порядка, снимающего тради-

ционное отчуждение власти от общества (Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, Р. В. Рывкина). В соответствии с этой позицией сегодняшнее состояние нашей социетальной трансформации (квазирыночный этатизм, управляемая демократия, государственный капитализм) считается промежуточной формой движения к вполне достижимой для нас постиндустриальной цивилизации, хотя и на наш собственный манер. Единственное, на что следует обратить внимание, — при этом подходе институционализация управления и само расчленение «синкретического треугольника» не рассматриваются как теоретическая проблема и практическая задача.

Нужно учесть, что в отечественной научной литературе сложилось целое направление, которое рассматривает управление как сложный и многофункциональный социальный феномен. Сегодня исследование этого явления проводятся на социально-философском уровне [17], на уровне таких общенаучных дисциплин, как системный анализ, синергетический подход [2; 13], и таких специальных дисциплин, как социология, экономика и психология [9; 15; 16; 18; 20].

Но период декларирования управления как актуальной проблемы, на наш взгляд, закончился. Настало время исследования процесса институционализации в реальных условиях послекризисных транс-

формационных изменений с учетом достижений социогуманитарных наук. В соединении науки с практикой управления и практикой управленческого консультирования мы все же имеем шанс превратить третью волну управленческого бума в нашей стране в фактор решения реальных проблем нашего цивилизационного развития. Важную роль здесь смогла бы сыграть национальная программа институционализации управления.

Эта программа могла бы соединить в себе проблемы должного и сущего в нашей социетальной трансформации, перевести спонтанную трансформацию российского общества в управляемую, отделить и в мониторинговом режиме проконтролировать наше развитие в пределах управляемости. Эти пределы должны задавать институциональные рамки поведения властям, собственникам и рядовым гражданам. В правовом поле и в неформальном социокультурном контексте ни власть, ни собственность не должны переходить эти границы, дабы снова не ввергнуть страну в тотальную заорганизованность или в либерально-анархический беспредел. Институциональные правила игры власти, собственности и управления должны быть эксплицированы, разведены и соединены в новой, подконтрольной обществу конструкции.

Это требует пересмотра и уточнения сложившегося у нас типа разделения властей: разделения государственной власти и государственного управления на федеральном, региональном и местном уровнях, разделения функций владения собственностью и управления в корпорациях, фирмах и учреждениях, а также управления и самоуправления во всех формах общественной самоорганизации. В социальном управлении (по всем фазам управленческого цикла) должны быть институционализированы де-юре и де-факто современные технологии социального участия граждан в разработке, принятии и реализа-

ции управленческих решений и программ. В этой связи важно актуализировать работу по научной организации труда на рабочих местах и по социальному планированию на предприятиях.

Социология организаций и управления может сыграть немалую роль как в исследовании самого процесса институционализации управления в стране, так и в разработке практически применимых технологий социальной диагностики, управленческого консультирования, социально-прогнозного проектирования в сочетании с достижениями современных информационных технологий.

1. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2004.
2. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума. СПб., 2002.
3. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.
4. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004.
5. Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса. М., 1999.
6. Лапин Н. И. Общая социология. М, 2006.
7. Лапин Н. И. Пути России. М, 2000.
8. Ленин В. И. ПСС. Т. 36.
9. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003.
10. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
11. Рывкина Р. В. Драма перемен. М., 2004.
12. Социальное управление: в 2-х ч. / под ред. В. П. Иванова, В. И. Патрушева и др. М., 2004.
13. Социальные трансформации в России. Теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. М., 2005.
14. Субботин А. К. Приоритеты и финансирование исследований. М., 2004.
15. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб., 2000.
16. Тощенко Ж. Т. Социология труда: новое прочтение. М., 2005.
17. Управление. Социально-философские проблемы методологии и практики / под. ред. О. Я. Гелиха, А. В. Тихонова и др. СПб., 2005.
18. Франчук В. И. Общая теория социальных организаций. М., 2001.
19. Шкартан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2001.
20. Щербина В. В. Социальная теория организаций. Словарь. М., 2000.
21. Яковенко И. Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
22. Яковлев И. А. История человечества. СПб., 2006.

С. Э. ЗУЕВ, А. А. ВАСЕЦКИЙ КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова:

культурная индустрия, культурная политика, экономический рост, структура занятости, медиаиндустрия

Key words:

cultural industry, cultural policy, economical growth, employment pattern, mediaindustry

Авторы рассматривают различные смысловые определения и области применения понятия «культурная индустрия». Особое внимание уделяется анализу способов воздействия культурных индустрий на развитие мировых экономических процессов и культурной политики. Авторы утверждают, что развитие культурных индустрий будет помогать сохранению культурного пространства России, а также способствовать продвижению новаторства и экспериментов в культуре, к которым призывает политическое руководство страны.

The authors consider different notional definitions and sphere of application of the concept “cultural industry”. Special attention is paid to the analysis of the cultural industries’ effect on the development of the world economical processes and cultural policy. The authors state that cultural industries development will contribute to maintenance of Russian cultural sphere and also will promote innovation and experiments in culture, called on by the political guidance of the country.

Представление о культурных индустриях прошло ряд эволюций, начиная с 1950 гг. Первым данное понятие ввел Теодор Адорно, критикуя процессы массовизации и тиражирования «культурного производства» в послевоенной Америке [4]. Предметом его исследования стала стандартизация культурной жизни, связанная с быстрым превращением культурно-художественных продуктов в потребительскую ценность. Концептуальным

основанием для подобной трактовки культурного производства было принципиальное различие высокой и массовой культуры, что повлекло за собой растянувшуюся на десятилетия дискуссию о массовых коммуникациях, экономике свободного времени и «новой социологии общества», в основе которой лежат новые форматы культурного потребления. Масштаб понятия «культурных индустрий» был связан, прежде всего, с каналами распро-

странения, именно этим обстоятельством объясняется внимание к средствам массовой коммуникации — кино, телевидению, радио, а также к рекламе и иным формам донесения информации.

Новый этап осмысления феномена культурной индустрии относится к 1960–1980 гг., когда отчетливым образом оформился интерес политиков к технологиям развития среды, прежде всего среды современного города¹. Это было обусловлено как растущей ролью сферы досуга и услуг, так и пониманием того, что инвестиционная привлекательность территории часто находится в прямой зависимости от качества среды и качества жизни на этой территории. Таким образом, вложения в сферу сервиса и инфраструктуры становятся экономически целесообразными с точки зрения осуществления стратегий городского или регионального развития. Именно к этому времени, если говорить о Европе и США, происходит лавинообразный рост центров развлечений, тематических кафе, клубов и иных элементов культурной среды. Новый толчок получает стратегия развития городских кварталов и центров, вплоть до создания райо-

нов, концентрирующих разные виды социально-культурной активности и программ возрождения городов через культурные и исторические ресурсы.

В целом, качественное отличие представлений этого периода о культурной индустрии от трактовок предыдущего этапа изучения этого явления состояло в том, что происходил сдвиг от негативного предмета социальной критики к «позитивной» системе профессионально-проектных установок. Иначе говоря, термин «культурная индустрия» использовался преимущественно не для критического анализа социальных противоречий и разрывов, а в качестве понятия для описания работ по изменению некоторых элементов социальной среды.

Таким образом, начинало складываться особое деятельностное пространство, где символ «культурная индустрия», предложенный в философском мышлении, «обратал» дополнительным слоем значений и смыслов, складывавшихся в проектные и затем уже в профессиональные нормы. С этого момента употребление термина во множественном числе, которое подчеркивает различные форматы практического применения, стало общепринятой нормой.

Собственно, подобное перетекание в систему «позитивных» значений и дает возможность рассматривать «культурные индустрии»

¹ Переход от «негативистской» трактовки культурной индустрии Адорно к прикладному содержанию понятия (как описывающего ряд видов деятельности), имевшему позитивный окрас, связано с исследованиями французских социологов 1960–1970 гг. См. об этом подробнее: [5, р. 273–289].

наряду с прочими механизмами политического, экономического, социального и культурного влияния. В той мере, в какой практическая эффективность явления не вызывает сомнения, к нему применимы политические, социально-экономические и иные критерии оценки и анализа.

Наконец, третья волна интереса к культурным индустриям, начавшаяся в относительно недавнем прошлом, связана с тем, что Джереми Рифкин обозначил как «культурный капитализм» [9].

Именно в начале этого этапа получает распространение и становится влиятельной идея «экономики услуг». Суть ее состоит в том, что классическая теория рынка — как места обмена товаров — перерастает в концепцию более «персонализированной» экономики, предусматривающей, что предложение услуги оказывается более востребованным и, следовательно, более выгодным. Не товар как «вещь», а именно услуга, предполагающая тот или иной формат отношений между продавцом и покупателем, способ ее предложения и распространения и, в конечном счете, выход на ее многократное воспроизводство в рамках потребностей потребителя, определяет успешность любого предпринимательского действия².

² В одном из исследований, посвященном этой теме, рассказывается, как некая компьютерная фирма (предположительно IBM)

Акцент предпринимательской активности смещается от собственно товара или даже услуги, которые предлагаются для потребления, к тем сервисам, которые этот товар или услугу сопровождают на протяжении достаточно длительного времени. В условиях классического рынка, где пиком активности является акт продажи, обмена или разовая встреча производителя и потребителя, сам способ подобного взаимодействия не столь существенен, поскольку имеет достаточно случайный характер. Но если между ними выстраивается долгосрочная логика взаимоотношений, когда они растягиваются во времени, а сам дизайн этих отношений становится условием предпринимательского успеха, — тогда уже вопрос такого рода коммуникации приобретает первостепенную важность и значение. Отсюда и интерес к социально-культурным традициям, к кодам, определяющим поведение человека на протяжении всей его жизни. В дело вступают социально-культурные параметры, а предметом продажи становится не товар и услуга, а стиль и образ жизни.

предлагала потенциальным клиентам выкупить их «железо», но с условием стать постоянными заказчиками на сервисные услуги и обновление программ. Вторичность «продукта» по сравнению с «услугой» проявляется здесь в полной мере. На этом же принципе основаны «ценовые войны» крупных фирм-производителей, для которых цена на товар оказывается все менее существенной.

В этом, третьем, смысле определение культурных индустрий оказывается предельно широким и относится ко всем механизмам формирования образа и стиля жизни — как отдельного человека, так и больших социальных групп.

Так, не случайно наблюдается почти полное временное совпадение последней «версии культурных индустрий» с этапом концептуального господства пост-модернизма. Сосуществование в одном пространстве и времени различных культур, стилей и способов жизни способствует их превращению в товар на глобальных рынках «образов жизни», подрывая самые основы классических форм идентичности. В этой связи закономерен проявившийся в последние 15–20 лет интерес к региональной культурной политике, новым формам и способам образования, к самодеятельной, здесь и сейчас возникающей культуре. Все это институты, позволяющие сохранять и преобразовывать собственную идентичность в условиях глобального культурного рынка³.

³ Здесь происходит эвристичное во многих отношениях переплетение экономической и культурной политики. Особенно это относится к региональному и городскому фокусам управления, в том смысле, что региональное управление стремится разрешить противоречие между глобальной логикой капитала, ищущего точки для роста, и пространственно ограниченной логикой территорий, стремящихся «связать капитал» на местном уровне. Нужно заметить, что зави-

Все три области применения понятия «культурных индустрий» сохраняют свою значимость для современной социально-культурной ситуации. Но речь идет об адекватном их понимании и применении — в зависимости от того, какие политические, экономические, социальные или собственно культурные цели ставит перед собой действующие в этом поле акторы. В конечном счете, мы говорим об индустриях-технологиях, об инструментах деятельности, цели и ценности которой могут быть предельно различными.

В результате термин «культурные индустрии» оказался перегруженным большим числом смыслов, которые блокируют любое сколько-нибудь систематическое понимание явления. Если рассматривать «культурное основание» этих индустрий в самом широком смысле, как целостный образ жизни отдельных людей и социальных групп, то приходится считать, что все индустрии — культурные, в том смысле, что все они являются средством

симости территории от капитала здесь значительно выше, чем наоборот. И поскольку государство все в большей степени теряет контроль над этим балансом, цели регионального и городского развития становятся все более очевидными. В экономической политике роль инвестиционных стимулов со стороны государства падает, а специфически региональные ресурсы (экология, человеческие и социальные ресурсы, формы досуга, качество жизни и т. д.) возрастают в цене.

воспроизводства и потребления культуры. Таким образом, одежда, которую мы носим, мебель, устройство рабочих мест, кухня, способ коммуникации являются частью культуры и поставлены на индустриальную (технологическую) основу.

Даже опираясь на некую сложившуюся традицию содержания данного термина и понятия, вряд ли можно рассчитывать на сколько-нибудь отчетливое понимание того, с чем мы имеем дело. Можно было бы, скажем, говорить об «индустриях свободного времени», спорте, туризме и далее по списку. Аналитика уже опирается на устоявшийся термин «индустрия развлечений». В европейских странах идея «креативных индустрий» не только распространяется на технологично организованные виды производства культурных знаков, но и используется для обозначения «штучного» продукта — авторской одежды, мебели, устройства дома, ювелирных изделий и дизайна в целом. А существование понятий «медиа индустрий» и «информационных индустрий» еще более затрудняет понимание термина.

Понятна позиция немецких мыслителей Т. Адорно и М. Хоркхаймера, для которых идея культуры, уравненная в традициях XIX в. с искусством, была синонимична креативности и воображению. Опираясь на гегелевскую философскую

традицию, исследователи той эпохи искусство рассматривали как мощный инструмент критики социальной и социального, своего рода утопическое видение (по Мангейму), которое являло собой платформу для создания иной, лучшей в тех или иных отношениях, социальной реальности. В онтологии франкфуртской школы, наследовавшей способы мышления неокантианцев, превращение культуры в продукт, в объект массового потребления означает исчезновение плацдарма для социальной критики, потерю «способности критического суждения». Отсюда следует неприятие культуры как продукта потребления, а также вся линия критики массовизации и консьюмеризма.

Более менее понятна и ситуация культурно-политических конструкторов 1950–1970 гг. в европейской традиции проектирования городской и региональной среды. Для них понятие носило сугубо деятельностный характер и было ограничено практическим смыслом качества среды на определенной территории (чаще всего города). Конечно, это предполагало множество междисциплинарных мостиков, позволяющих «перевязывать» в проектном режиме политико-экономические, социально-демографические и миграционные потоки, втягивать в контекст базового процесса транспортные, инженерные, информационные и образовательные инфраструкту-

ры. Но по большому счету относительно устойчивые рамки города (или на следующем этапе региона) удерживали все это многообразие представлений и помогали поддерживать приемлемый уровень коммуникации и взаимопонимания самых разных профессиональных групп и участников ситуации.

По сути, именно на этот временной период приходится пик волны «второй культурной революции»⁴, когда во всех индустриально развитых странах происходит качественное перераспределение соотношений рабочего и свободного времени. Свободное время оказывается не только вполне соразмерным в экономическом и инвестиционном смысле и, следовательно, начинает «застраиваться» инфраструктурами, приносящими выгоду. Оно оказывается тем пространством, на котором индустрии здорового образа жизни постепенно теснят традиционное здравоохранение, где дизайн частных и публичных мест становится фактором конкурентоспособности территории и, одновременно, является инструментом новой социальной стратификации городского на-

селения, в котором, в конечном счете, заново переосмысливается характер отношений человека с его искусственной (культурной) средой.

Это «средовое» понимание культурных индустрий (именно во множественном числе, в отличие от версии Т. Адорно) также опирается на антропологический концепт человека, несводимого к системе социально-трудовых отношений. Но если Адорно и Хоркхаймер основывались на потенциале мышления, воображения и свободы критики, то здесь степень свободы определяется плотностью инфраструктур и возможностью выбора деятельности, обеспеченного индустриями культуры⁵.

Какой способ отношения к культурным индустриям актуален сегодня, когда, по сути дела, закончился или заканчивается — в концептуальном, а не в практическом смысле — второй этап формирования и освоения культурно-индустриальных технологий и видов деятельности?

Масштаб этого явления предельно расширился — как географиче-

⁴ Вторую волну «культурной революции», в отличие от первой, ориентированной на массовую ликвидацию неграмотности, выравнивание потребительских стандартов, связывают, как правило, с формированием инфраструктуры досуга, здорового образа жизни, новых (непрерывных) систем образования и мобильности в пространственном отношении.

⁵ Критики этих тенденций указывают обычно на опасность утери идентичности, которая следует вслед за глобализацией стандартов потребления. Идентичность (групповая и индивидуальная), по их мнению, будет оставаться универсальным ресурсом любых концепций социально-культурного и экономического развития. Угроза ее исчезновения ведет к радикальным формам сопротивления со стороны традиционных форматов групповой общности (в том числе и к терроризму).

ски, так и, что не менее важно, деятельностно. В географическом смысле мы говорим о глобализации культуры, о геокультуре и даже о культурном империализме⁶. Но и в более сложном — деятельностном — фокусе приходится учитывать рост влияния культурных индустрий, которое отражается не только на более или менее привычных практиках культурного действия, но и на общей организации политики, экономики и мирового предпринимательства. Способы деятельности и организации, которые были апробированы и выращены в сравнительно узком и экспериментальном сегменте профессиональных и полупрофессиональных занятий, рассматриваются как наиболее эффективные в ключевых областях общественной практики.

⁶ Следует сказать, что слухи о безраздельном господстве со стороны мирового культурного империализма несколько преувеличены. Так, например, несмотря на общепринятое мнение о господстве американской видео- и кинопродукции на мировом рынке, цифры говорят об обратном. Так, например, Индия занимает первое место в мире по объему фильмов, выпускаемых в течение года (787 в 1998 г., США — 591). Правда, стоимость единицы продукции различается даже не в разы, а в порядки: средняя стоимость фильма в США — около 14 млн долларов, в Индии — порядка 100 тыс. долларов. Индия (как, впрочем, Мексика и Бразилия) — вполне приличный рынок сбыта — в частности, в России, в странах ЮВА и т. д. Иными словами, преимущественное положение на глобальном рынке вовсе не означает устранения крупных региональных игроков.

И трудно сказать, в какой мере мы имеем дело с собственно культурными индустриями, а где более уместным было бы говорить об имитации и тиражировании порожденных ими моделей.

Конструктивным выходом из ситуации, как кажется, является попытка ограничить масштаб явления и свести его к таким технологиям (индустриям), базовым назначением которых является массовое производство и распространение текстов, несущих социальные значения (смыслы, коды поведения, стили жизни и т. д.). С другой стороны, конечно, любой материальный или нематериальный продукт производства может быть представлен как текст. Граница, как и во всяких иных сложных социальных феноменах, очень зыбка и порой неразличима. Но все же можно говорить о том, что все дело в балансе между функциональными и коммуникативными (социально-текстовыми) чертами индустриального продукта. Одежда или машина, безусловно, текст, но в большинстве социальных ситуаций их функциональные параметры оказываются сравнительно более существенными.

На противоположном полюсе оказываются культурные артефакты, которые легко узнаваемы как тексты, но воспроизводство и распространение этих текстов-символов имеет полуиндустриальный или вовсе не индустриальный характер.

Так, скажем, создание театральных текстов уже почти поставлено на индустриальную основу, с точки зрения форм организации, схем финансирования, работы с аудиторией и пр. Но все же каждый следующий спектакль не является повторением предыдущего и способен нести иной или даже альтернативный набор социальных значений.

В целом с рядом ограничений и оговорок можно было бы выделить сферу действия «собственного предмета» культурных индустрий, которая сложилась к концу 1990 гг. [1]. Ее отдельные сегменты включены в деятельность по индустриальному производству и распространению текстов. К их числу следует отнести:

- телевизионную и радиоиндустрию, включая кабельное и спутниковое TV;
- индустрию производства фильмов, с учетом видео и DVD, а также фильмы на телевидении;
- интернет-индустрию, в том числе все формы «net art» и «net culture», а также производство сайтов, порталов и иных форматов коллективной и групповой коммуникации;
- музыкальную индустрию: звукозапись (не только собственно музыкальную), распространение записей со всеми формами контроля и соблюдения прав, а также различные виды «live performance»;

- издательский бизнес, включая книги, CD-ROM, информационные базы и сопутствующие им услуги, а также (в определенной части) журналы и газеты;
- разного рода образовательные и игровые индустрии (иногда здесь используется обобщенное название «educainment»).

Особое значение как в политико-экономическом, так и в смысловом отношениях приобретают также:

- индустрия рекламы и маркетинга со всеми относящимися к ней технологиями — хотя следует учитывать, что функциональная нагрузка этих видов деятельности выше по сравнению с собственно коммуникативным и смысловым элементом. Тем не менее, значительный объем ресурсов связан именно с этой сферой;
- ряд технологий формирования городской и региональной среды, в той части, где уже сформировалась социально-индустриальная модель воспроизводства и распространения этой деятельности — клубы, массовые действия и иные элементы формирования образа жизни, особенно в урбанистических центрах⁷.

⁷ Здесь область культурных индустрий соприкасается с так называемой «технологией гостеприимства» и туризма, хотя в этом случае разграничительную линию следует проводить в зоне разделения функциональных и коммуникативно-смысловых параметров.

В этом (знаково-семиотическом) смысле, с приоритетным выделением функции производства и технологичного распространения текстов, имеющих социальный смысл, культурные индустрии, безусловно, превращаются в своего рода движитель политических и экономических процессов, а также и в весьма привлекательную площадку страновой и региональной конкуренции. При этом основной поток смыслов смещается в сторону глобальных эффектов, равно существенных для различных регионов мира.

По сути, при всей многослойности этого процесса на наших глазах происходит формирование нового языка управления, фокусом влияния которого является стиль и образ жизни больших групп населения в разных странах. Начиная с 1980 гг., можно наблюдать превращение культурных индустрий (культурной политики в целом) в эффективный инструмент управленческих технологий нового поколения.

Из объекта, испытывающего эффекты турбулентности от других мировых факторов и тенденций, культурные индустрии и стоящие за ними виды деятельности превращаются в источник формирования мировых процессов экономики и культурной политики⁸. Даже самый по-

⁸ Любопытно наблюдать, как в целом ряде «элитных клубов» происходит осознание этого и обсуждается процесс производства

верхностный анализ дает основания для помещения этого феномена в самое ядро экономических и социально-политических событий начала XXI в.

Отметим только некоторые из этих явлений, сказавшихся на общем изменении глобального социально-культурного и экономического климата.

Изменение приоритетов экономического роста. Настоящий бум культурных индустрий в 1980–1990 гг. был, с одной стороны, запущен общей социально-экономической ситуацией и изменениями стратегических приоритетов крупного и среднего бизнеса. Так, в частности, уже к началу 1980 гг. обозначился перелом в пользу роста сектора услуг по сравнению с сектором производства товаров. Это, прежде всего, сказалось на объемах инвестиций в различные сегменты экономического развития.

Так, вложения в «экономику услуг» за период с 1970 по 1990 гг. увеличились в Великобритании в 2 раза, в Японии в 1,5, в США в 1,4 раза и т. д. Данные, которые приводит М. Кастельс [2], не позволяют определить, какая доля инвестиций

знаков и их последующая коммуникация и трансляция. Так, например, Джефф Малгэн, ближайший политический советник Тони Блэра, еще в 1991 г. выпустил книгу с говорящим названием «Коммуникация и контроль». В более свободной форме это название можно было бы, наверное, перевести как «контроль коммуникации».

приходится именно в «культурный сектор», однако можно предположить их равноценный или даже опережающий рост в этом конкретном сегменте.

Учитывая, что в начале 1980-х гг. развитые европейские страны столкнулись с эффектами экономического кризиса — на фоне быстрого роста экономик «юго-восточных тигров», сам факт быстро растущих вложений в зону хайтека и культурных индустрий покажется еще более интересным. Эти сферы вложений, несмотря на высокую стоимость предварительных исследований и объективные сложности в управлении, превращаются из локально ориентированного бизнеса в фактор геоэкономической конкуренции регионов⁹.

Изменение структуры занятости. За относительно короткий срок в 15–20 лет в развитых постиндустриальных странах произошли столь серьезные подвижки в общей структуре занятости, что это стало темой исследований, инициированных всеми крупными межнациональными организациями (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, ВТО и т. д.).

Отметим, что имеющаяся в открытом доступе статистическая ин-

формация построена так, что не дает возможности оценить роль культурных индустрий в узком смысле этого термина. Но даже в рамках укрупненного статистического подхода имеющиеся цифры выглядят весьма впечатляюще. Так, объем занятости в «сфере культурной деятельности» вырос в Испании с 1987 по 1994 гг. на 24%, в Германии в период между 1980 и 1994 гг. — на 23%, во Франции с 1982 по 1990 гг. — на 37% и т. д. [7].

В конце 1990-х гг. британское правительство опубликовало открытый доклад «Creative Industries Mapping Document», согласно данным которого «креативные индустрии» давали места для работы более чем миллиону человек, что составило порядка 4% от всех занятых в стране. Для сравнения можно указать, что численность всех занятых в агропромышленном комплексе в этот же период составляла менее 1,5%.

Совсем уже узнаваемым, с точки зрения истории и традиций «свободных профессий», является изменение в структуре рабочей силы. Очень многие исследователи, обсуждая процессы 1980–1990 гг., обращали внимание на растущее многообразие форм занятости, с неуклонным увеличением занятых временно, занятых частично, а также существующих в форме «проектной занятости» (фрилансов). Эта ситуация, как, впрочем, и все

⁹ Рассмотрение культурных индустрий в «компаниях» с зоной хайтека представляется вполне уместным, если учесть, что их значительная часть опирается на технологическую основу теле- и медиакоммуникаций, компьютерный «софт», информационные платформы и т. д.

остальные, имеющие отношение к культурным индустриям, может оцениваться двояким образом. С одной стороны, мы имеем дело с расширением рабочих опций в сфере занятости, что есть, безусловно, показатель большей мобильности и пространства выбора для значительной части профессионалов. С другой — и это одна из характеристик постиндустриальной эпохи — менее квалифицированные, менее компетентные становятся и значительно менее защищенными с точки зрения универсальных социальных гарантий.

Изменения бизнес-среды. Еще одним фактором, влияющим на быстрый рост всего культурно-индустриального сектора, оказались, как это ни странно, организационные инновации в корпоративном управлении. Во-первых, значительная часть вертикально интегрированных корпораций начинает переходить к модели горизонтальной и вертикальной диверсификации, которая предполагает существование множества автономных фирм и центров, работающих в сетевой (или близкой к ней) логике взаимных деловых обязательств. Этот процесс, кстати говоря, хорошо описан Дж. Рифкиным — в рамках его анализа эволюции крупнейших компаний Голливуда в их противостоянии телевизионной экспансии в 1960–1970 гг. [9]. Таким образом, опыт, полученный

в процессе реорганизации одного из крупнейших культурно-индустриальных центров (модель аутсорсинга, матричная организация, сетевые формы ведения бизнеса и т. д.), начинает осваиваться значительной частью крупного и среднего бизнеса.

Во-вторых, интересен с культурно-индустриальной точки зрения характер партнерства между игроками, действующими в этом новом сегменте экономических интересов. В отличие от классических форм партнерства в форме картелей или холдингов плацдармом для взаимодействия все чаще становятся совместные проекты. По мнению Кастельса, это характерно для секторов хайтека, где стоимость исследований и запуска новой продукции исключительно высока. Но проектный характер взаимодействия всегда был присущ именно социально-культурным индустриям, и общая установка на такую форму организации является добавочным стимулом для развития сегмента и даже для «перекачки» менеджерских компетенций в зону крупного бизнеса.

Инвестирование культурных индустрий в структуре «большого» бизнеса. Эволюция значимости культурных индустрий особенно хорошо видна на фоне роста расходов на рекламу, которая сама по себе является «индустрией культуры» и занимает особое место в структу-

ре современного бизнеса. Начиная с 1980 г., фазы «рывка» современных культурных индустрий, удельный вес расходов на рекламу и маркетинг начинает расти в 2–3 раза быстрее, чем общий объем национального или регионального продукта (см. табл. 1).

Заметим при этом, что российская ситуация, в плане ее прогноза и наиболее вероятного развития, более схожа с положением дел в Португалии и, скажем, в Турции, нежели в Нидерландах, где потребительский рынок в основном стабилизировался и отличается от других не очень существенными колебаниями.

Таблица 1

**Расходы на рекламу
в структуре объема
валового национального
продукта [10] (в %)**

Страны	1980 г.	1990 г.
Франция	0,48	0,78
Великобритания	1,11	1,37
Нидерланды	0,87	0,87
Португалия	0,19	0,77
В среднем по Европе	0,70	0,91
Япония	0,95	1,12
Турция	0,20	0,38
США	1,32	1,51

По мере усиления конкуренции на рынках общественного потребления невиданным дотоле образом растет и рынок рекламы. Это, в свою очередь, имеет свои долгосрочные

эффекты в сфере медиаиндустрий, которые не только развиваются, увеличивая объем вещания и прочих количественных характеристиках, но и — под давлением обрушившихся на них финансовых потоков — меняют стилистику своего присутствия в общественном поле¹⁰.

Эти до поры разрозненные, хотя и важные, факты были, в конце концов, оформлены в концепцию «экономики переживаний». В рамках исследований одной из ведущих школ бизнеса — гарвардской — в 1999 г. вышла книга, которая открывается фразой: «Каждый бизнес — это сцена: товаров и услуг уже недостаточно, чтобы быть успешным» [8]. Смысл этой политико-экономической концепции состоит в том, что после эпохи стандартизированных услуг и товаров наступает «новое рыночное время» индивидуальных запросов, которые формируются на основе узко индивидуального опыта потенциальных потребителей. И, следовательно, основная прибавочная стоимость

¹⁰ Результаты этого «рывка» 1980–1990 гг. в культурных индустриях и связанных с ними индустриях медиапродукции пока еще, по-видимому, не оценены адекватным образом. Хотя с конца 1990-х гг. уже появляются исследования и разработки, сфокусированные на произошедших изменениях. См., например, «говорящие» названия глав в одной из таких работ: «Prime-time profits», «Dominant ideology versus cultural contradictions», «Advertising and consumer culture» и т. д. [6].

в XXI в. будет создаваться в зоне креативных индустрий, позволяющих индивидуализировать потребление в любой сфере мирового рынка¹¹.

Иными словами, весь сектор потребления превращается в экономику переживаний, а формы работы с культурным опытом призваны создавать принципиально новый продукт — уникальное переживание (новый опыт).

В целом оказывается очень любопытным наблюдать эволюцию, происходящую со сферой культурных индустрий за последние 20–30 лет. Культурные практики, включая сферу культурных индустрий, постепенно на протяжении XX в. сдвигались в центр социально-экономических и политических процессов. Это имело свои объективные показатели как за счет

количественного увеличения объемов свободного времени, так и за счет формирования качественно иной культуры потребления и досуга. Но если часть этого процесса можно понимать как результат влияния крупных геополитических и геоэкономических изменений на область культурного производства и потребления, то другая (может быть, меньшая) его часть связана с извлечением и рефлексией исторического опыта культурного производства и превращением его в культурную (уже в истинном, т. е. универсальном смысле) норму для других сфер человеческой деятельности.

Распространение этой масштабной практики, развитие культурных индустрий, на наш взгляд, может позволить не только сохранить культурное пространство России, но и развивать новаторство в современной культуре [3].

¹¹ См.: «...все работники предприятия превращаются в актеров, сознательно создающих специальные эффекты переживаний для своих клиентов» [8]. И в самом деле, чашечка кофе в стандартизированном ресторане «МакДональдс» и, скажем, в тематическом ресторане на площади Сан Марко стоят совсем по-разному.

1. *Зеленцова Е. В.* От творческих индустрий — к творческой экономике // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 190–199.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха. М, 2000.
3. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.
4. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения: философские фрагменты / пер. с нем. М.; СПб., 1997.
5. *Miege B.* The logics at work in the new cultural industries // Media, culture and society. 1987. № 9. P. 273–289.
6. *Croteau D. R., Hoynes W.* Media Society: Industries, Images and Audiences. London, 2003.
7. Culture, the cultural industries and employment. Bruxelles, 1998.
8. *Pine B. J., Gilmore H. J.* The experience economy. Boston, 1999.
9. *Rifkin J.* The age of access. N.Y., 2001.
10. *Sanchez-Taberner A.* Media concentration in Europe. Commercial Enterprise and the Public Interest. Dusseldorf, 1993.

А. А. САДЫХОВА

ЕВРОИСЛАМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ключевые слова:

евроислам, Западная Европа, религиозно-идеологическая система, историческое развитие, религиозно-идеологические установки

В статье исследуются перспективы развития евроислама или европейского ислама как религиозно-идеологической системы. Автор утверждает, что евроислам сможет оформиться как региональная разновидность ислама только в результате длительного исторического развития, и предостерегает от навязывания европейским мусульманам искусственных религиозно-идеологических установок.

Сравнительно недавно в работах западных ученых появился термин «евроислам», под которым понимается новая религия-идеология мусульман, проживающих в странах Западной Европы. Евроислам, или европейский ислам — предполагаемая разновидность ислама, которая, как полагают некоторые исследователи, уже существует или должна сформироваться в Европе. Этот новый вид ислама должен сочетать мусульманские обязанности и принципы с основами общественного устройства западных государств, такими как права человека, власть закона, демократия и гендерное равенство. Авторами двух кон-

Key words:

Euroislam, Western Europe, religious and ideological system, historical development, religious and ideological orientations

Perspectives of Euroislam or European Islam development as a religious and ideological system are investigated in the article. The author states, that Euroislam is able to be organized as a religious variety of Islam only as a result of long-term historical development, and warns from intrusion of artificial religious and ideological orientations to European Moslem.

цепций евроислама являются Тарик Саид Рамадан (родился в 1962 г. в Женеве) и Бассам Тиби (родился в 1944 г. в Дамаске) — известные ученые, публицисты и общественные деятели. Оба активно выступают в защиту европейских мусульман и продвигают свои идеи на Западе, поэтому стали объектами пристального внимания со стороны ученых, политиков и журналистов¹. Б. Тиби утверждает, что в настоящее время при сложившихся обстоя-

¹ О возможных перспективах исламизации Европы говорилось на международном научном форуме «Культура и мир», проходившем в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств в 2008 г.

тельствах могут быть только два варианта развития событий: «Либо ислам европеизируется, либо Европа исламизируется» [11].

Авторы этих концепций твердо убеждены в том, что только евроислам поможет мусульманам безболезненно интегрироваться в европейское сообщество. Принимая во внимание крайне напряженную ситуацию, сложившуюся сегодня в Европе вследствие целого ряда острых конфликтов, необходимо понять, что же представляет собой евроислам как религиозно-идеологическая система и каковы перспективы его развития, если он сегодня реально существует.

Первым, кто ввел в употребление термин «европейский ислам» в середине 1990 г., был Т. Рамадан, гражданин Швейцарии египетского происхождения. Его биография крайне интересна и важна для исследователей, поскольку демонстрирует, в каких условиях формировались характер, личность ученого и его мировоззрение. Особый интерес представляют его знаменитые родственники — отец и дед. Дед Т. Рамадана по материнской линии, египетский шейх Хасан ал-Банна в 1928 г. создал первую самую крупную и влиятельную панисламскую религиозно-политическую организацию «Братья-мусульмане», которая через 9 лет приобрела международно-массовый характер — в ее составе действовали военизированные

батальоны и тайные террористические группы. Хасан ал-Банна утверждал, что «ислам — это вера, служение [богу], Родина, национальность, религия, государство, духовность, Коран и меч» [2].

Созданная им организация отражала взгляды консервативно настроенной мелкой буржуазии, а именно: объединение всех мусульман в рамках исламского государства (халифата) под девизом «Коран — наша конституция», «призывая восстановить исламское правление» [2]; сопротивление Западу и влиянию западной культуры. Особое внимание среди членов ассоциации уделялось спортивной, психологической и военной подготовке с целью «создания исламской армии для ведения священной войны» [4, с. 103].

Задача психологической подготовки членов ассоциации заключалась в том, чтобы воспитать у них готовность к самопожертвованию ради достижения целей, сформулированных руководством организации. В результате такого высокого уровня подготовки и организованности террористическая деятельность «Братьев» к 1948 г. достигла небывалого размаха: они убивали высокопоставленных англичан и египтян, с ними сотрудничавших, а «король и члены кабинета почти не появлялись в общественных местах, боясь покушений» [5, с. 20]. После безуспешной попытки захва-

тить власть в Египте в декабре 1948 г. эта организация была запрещена, а ее основатель вскоре был убит агентом египетских спецслужб. За образом Х. ал-Банна навсегда закрепился ореол мученика, имама, погибшего геройской смертью (ал-имам аш-шахид).

Зять Х. ал-Банна и отец Т. Рамадана, Саид Рамадан, был активным участником этой организации: окончив в 1946 г. Каирский университет, он вступил в ряды «Братьев-мусульман» и вскоре стал личным секретарем ал-Банна, с которым был знаком с 14 лет. После Второй мировой войны С. Рамадан занимался формированием филиала организации в Палестине и готовил вооруженные отряды местных арабов для борьбы с еврейским населением. После убийства тестя в 1949 г. С. Рамадан вернулся в Египет и возглавил там организацию «Братья-мусульмане». Затем, при поддержке наследного саудовского принца Файсала, С. Рамадан отправился в Европу, чтобы создать там центры исламского движения. В 1958 г. ему удалось основать филиал организации «Братья-мусульмане» сначала в Женеве, где он обосновался с семьей, а затем в 1964 г. открыть исламские центры в Лондоне и Мюнхене и, в конце концов, возглавить движение «Братья-мусульмане» за рубежом. При этом он успел защитить диссертацию в Кельнском университете по мусульманскому праву.

Так как в Египте С. Рамадана заочно приговорили к пожизненному заключению за измену Родине, он не стал возвращаться домой и решил навсегда остаться в Швейцарии. Там, в Женеве, и родился Т. Рамадан. Он окончил школу в Швейцарии, изучал философию (особенно интересовался творчеством Ницше), литературу и социологию в Женевском университете, где со временем защитил две докторские диссертации. Одна была посвящена деятельности его известного деда Х. ал-Банна, другая — европейской философии. В 1991 г. Т. Рамадан отправился изучать исламские науки в Каирский университет ал-Азхар. Вернувшись из Египта, Т. Рамадан читал курс «Введение в исламоведение» во Фрибургском университете (Швейцария), затем в качестве эксперта входил в состав нескольких комиссий при Европарламенте, был также членом группы «Диалог народов и культур» при Европейской комиссии. В 2004 г. американский католический университет Нотр Дам (штат Индиана) пригласил Т. Рамадана читать лекции по истории религии и исламу, однако в свете трагических событий 11 сентября 2001 г. Госдепартамент США отказал Т. Рамадану во въездной визе, мотивируя свой отказ тем обстоятельством, что ученый сделал пожертвование в размере 900 долларов в фонд одной палестинской организации, ко-

тору поддерживает Хамас². С октября 2006 г. Т. Рамадан в качестве приглашенного профессора преподает в колледже св. Антония при Оксфордском университете.

В биографии Т. Рамадана обращают на себя внимание два весьма примечательных обстоятельства. Первое: его дед и отец были фигурами одиозными, самыми активными членами первой, наиболее развитой исламистской и по сути своей террористической организации. Неудивительно поэтому, что к личности Т. Рамадана относятся в некоторых странах с недоверием: как утверждает сам ученый в своих многочисленных интервью, ему запрещен въезд в США, Египет, Саудовскую Аравию и Тунис³. Постулаты европейского ислама, предлагаемые Т. Рамаданом, несомненно, в какой-то степени опираются на идеологию «Братьев-мусульман». А если вспомнить о том, что именно его из-

вестный дед был не только основателем, но и главным идеологом ассоциации «Братья-мусульмане», одаренным публицистом, сформировавшим свою концепцию ислама и первую современную модель исламского государства⁴, то эта связь, а точнее, преемственность, не вызывает никаких сомнений. Сам Т. Рамадан всякий раз подчеркивает, что у него нет ничего общего с ассоциацией «Братья-мусульмане», хотя его связи с некоторыми представителями экстремистских организаций отмечают многие исследователи⁵. Правда, в интервью журналу «Крисчен Сенчури» в 2007 г. на вопрос журналиста о том, какое влияние оказал знаменитый дед на его жизнь и творчество, Т. Рамадан ответил следующее: «Дома я всегда слышал разговоры о нем от родителей. Он был отцом моей матери и духовным наставником моего отца. Они встретились, когда отцу было 14 лет, и учитель произвел сильное впечатление на отца твердостью своей веры, преданностью исламу и набожностью. Так что мое отношение к Хасану ал-Банна с самого начала было положительным. Когда я впервые приехал в Египет (мне было 17), я встречал людей, которые знали деда, и мое положительное отношение к нему усилилось, пото-

² Хамас — палестинская общественно-политическая организация «Харакат ал-мукавама ал-исламийя» (Движение исламского сопротивления). Хамас был основан в 1987 г. шейхами Ахмадом Ясином, Абд ал-Азизом ар-Рантиси и Мухаммадом Таха, возглавлявшими ранее палестинское крыло организации «Братья-мусульмане», для того чтобы более организованно противостоять растущему влиянию Израиля на оккупированных палестинских территориях. В январе 2006 г. Хамас уверенно победил на парламентских выборах в Палестинской автономии, получив 76 депутатских мандатов из 132.

³ См. многочисленные интервью Т. Рамадана различным СМИ, напр., [9]. См. также: [7].

⁴ Подробнее см.: [6, с. 78–79].

⁵ Конкретные факты таких контактов приводит отечественная исследовательница Н. С. Глебова [3].

му что он сделал некоторые вещи, которые были важны тогда для страны. Он сопротивлялся колонизации, основал 2 тыс. школ, 1,5 тыс. благотворительных организаций и более 80 предприятий малого бизнеса. Когда я вернулся в Европу, я услышал другие мнения, придававшие моему деду образ демона. Говорили, что он фундаменталист, и все, что он делал, было неверно. Особенно часто это говорили во время революции в Иране в 1979 г., я тогда был подростком. Работая над его посланиями к съезду⁶, которые он написал в 1930–1940 гг., я начал ощущать не только собственную связь с ним, но и понимать суть его учения. Я читал его воспоминания и статьи, а когда писал диссертацию о мусульманских мыслителях-реформаторах, 200 страниц ее было посвящено моему деду и его деятельности. Мое отношение к Хасану ал-Банна такое же, как и к любой личности в истории: нужно выделить то хорошее, что можно использовать, а плохое следует подвергнуть критике» [10].

Второе — Т. Рамадан родился и постоянно проживает в Западной Европе, соответственно, его мировоззрение формировалось в условиях европейского окружения, хотя дома и поддерживалась мусульманская культура: трудно сказать, какая

⁶ Имеются в виду послания съезду «Братьев-мусульман».

из них оказала большее влияние на становление личности ученого. Очевидно, концепция европейского ислама Т. Рамадана явилась результатом такого смешения культурных ценностей и традиций.

Кроме многочисленных статей и интервью, Т. Рамадан написал несколько книг: «Радикальные реформы: исламская этика и освобождение» [14], «По стопам Пророка: уроки из жизни Мухаммада» [12], «Западные мусульмане и будущее Ислама» [16], «Ислам, Запад и вызов современности» [13], «Быть европейским мусульманином» [15] и др. Все его работы посвящены исламской теологии и положению мусульман в Европе.

Основные постулаты, выдвигаемые Т. Рамаданом, сводятся к следующим утверждениям. Ученый твердо верит в необходимость новой интерпретации Корана для того, чтобы правильно понимать мусульманскую философию. Он подчеркивает различие между религией и культурой, которые, по мнению Рамадана, слишком часто путают; утверждает, что гражданство, национальность и религия — разные понятия, которые не следует смешивать. Он считает, что можно быть мусульманином и европейцем: мусульманин живет по законам европейского государства, за исключением некоторых обстоятельств. Т. Рамадан полагает, что мусульмане Европы должны сформировать

«европейский ислам», поскольку существуют «азиатский ислам» и «африканский ислам» и эти разновидности имеют некоторые культурные отличия. Это утверждение опровергают ортодоксальные мусульмане, которые убеждены в том, что существует только один, истинный ислам. Т. Рамадан уверен, что мусульмане, проживающие в Европе, должны пересмотреть основополагающие мусульманские религиозные источники, прежде всего Коран, и интерпретировать их по-новому, в свете их собственного культурного опыта, подвергнувшегося влиянию европейского общества.

Идеи Т. Рамадана по-разному воспринимают как европейские, так и восточные мусульмане. Одни считают его приверженцем исламского фундаментализма, другие — либералом, проповедующим европейские культурные ценности. Британский политолог Дэвид Прайс-Джоунс считает, что идеология Т. Рамадана есть не что иное как «империализм наоборот». Мусульмане, проживающие в немусульманских странах, должны иметь право жить по своим правилам и традициям, и это притом, что в условиях западной либеральной толерантности общество в целом должно принять на себя обязательства уважать этот выбор [10].

После Т. Рамадана собственно термин «евроислам» стал употреб-

лять немецкий ученый сирийского происхождения Бассам Тиби. Биография этого ученого не столь яркая и примечательная. Он родился в 1944 г. в Дамаске, а в 1962 г. приехал в Германию изучать социологию, философию и историю в университете во Франкфурте-на-Майне, который закончил в 1971 г. В 1976 г. ученый получил немецкое гражданство. Докторскую диссертацию в области политических наук Б. Тиби защитил в 1981 г. в Гамбургском университете. В настоящее время он является профессором факультета Международных отношений Геттингенского университета.

Помимо преподавания Б. Тиби ведет активную общественную работу. Он является одним из основателей «Арабской организации по правам человека», а также общественной организации «Кордова-триалог», исследующей проблемы еврейско-исламско-христианских культурных связей. Будучи истинным мусульманином, он упорно критикует исламизм и является сторонником реформирования ислама в Европе (в этом, собственно, и заключается сущность евроислама, по мнению Тиби). Главную цель своей деятельности ученый видит в том, чтобы европейцы не отождествляли мусульман (и прежде всего тех, кто живет в Европе) с террористами.

Подход Б. Тиби принципиально отличается от взглядов Т. Рамадана.

Если по Т. Рамадану европейский ислам — идеология, то у Б. Тиби евроислам — определенная система правоотношений. Будучи юристом, специалистом в области международного права, Б. Тиби подошел к проблеме интеграции мусульман в европейское сообщество с позиций правоведения: необходимо выявить общечеловеческие ценности в европейской и мусульманской культурах и согласовать их с источниками мусульманского права. В связи с этим он призывает перенять базовые ценности либерально-демократического политического и общественного устройства европейских стран безо всяких условий, поскольку традиции и нормы обычного ислама безнадежно устарели. Разумеется, такой подход большинство европейских мусульман воспринимают как призыв к ассимиляции и не одобряют его из страха утратить свою идентичность, поскольку евроислам предполагает отказаться от «базовых основ вероисповедания» и, по сути, «выйти из мировой мусульманской общины (уммы)» [17].

Директор института стран Ближнего и Среднего Востока в Гамбурге У. Штайнбах считает, что сам по себе факт обсуждения евроислама является доказательством кризиса этноконфессиональных отношений в Западной Европе [17]. С ним нельзя не согласиться, потому что как «европейский ислам»

Т. Рамадана, так и «евроислам» Б. Тиби являются искусственными концепциями. Затем немецкий ученый обращает внимание на существенную особенность ислама и то, как это отражается на ситуации, сложившейся вокруг евроислама: «Серьезную проблему представляет отсутствие в исламе церковных структур и организованного духовенства, которое может авторитетно ответить на вопросы теологического и религиозно-правового обновления. Кто из высказывающихся имеет авторитет? Мы не видим личностей, у которых есть соответствующая карьерная и образовательная подготовка, а также выдающиеся знания или харизма» [17]. Из этого тезиса известного немецкого востоковеда следует, что ни Т. Рамадан, ни Б. Тиби не являются авторитетными учеными, способными квалифицированно ответить на целый ряд сложных вопросов.

Из установок Т. Рамадана и Б. Тиби можно сделать следующий вывод: оба предлагают реформировать ислам на территории Западной Европы, как в свое время сделали Джамал ад-Дин ал-Афгани и Мухаммад на Ближнем Востоке. Но последние двое мыслителей были служителями культа, вели безупречный с точки зрения правоведного мусульманина образ жизни, поэтому их учение нашло поддержку в сердцах верующих мусульман. М. Абдо был не только выдающим-

ся богословом, но и крупным общественным деятелем Египта: он занимал ряд постов в государственном аппарате и системе образования, возглавлял богословский университет ал-Азхар, а с 1899 г. был главным муфтием Египта. У Т. Рамадана и Б. Тиби нет подобного образования, статуса и опыта, соответственно, все их попытки распространить свое учение среди европейских мусульман обречены на неудачу. В Т. Рамадане европейские ученые видят попросту фундаменталиста, предлагающего в очередной раз пересмотреть источники и принципы ислама с тем, чтобы очистить их и приспособить к требованиям времени.

Представляется, что формирование евроислама — длительный исторический процесс, который религия должна пройти естественным образом, сама по себе. Евроислам нельзя представить мусульманам в виде определенного перечня установок и требований, которые они должны выполнять. Действительно, история становления, распространения и развития ислама показала, что региональная форма существования этой религии является единственно возможной в силу ряда особенностей, на которые указывают многие ученые-исламоведы. Лучше всего эту мысль выразил петербургский ученый С. М. Прозоров: «Сращивание “нормативного” ислама с местным духовным субстратом

разных культур привело к сложению региональных форм его бытования, опиравшихся, однако, на общеисламские принципы. Иначе говоря, наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир..., существуют различные региональные формы бытования ислама, поэтому отнесение тех или иных представлений, норм, обычаев к “исламским” или “неисламским” переходит в плоскость лишь ретроспективного анализа, а основным критерием принадлежности к духовному миру ислама является самосознание человека, общности людей или народа, считающих себя мусульманами» [7, с. 377–378].

Таким образом, можно предположить, что когда-нибудь евроислам сможет оформиться как региональная разновидность ислама, но это произойдет только в результате длительного исторического развития, а не навязывания европейским мусульманам неких религиозно-идеологических установок, что пытаются сделать Т. Рамадан и Б. Тиби. Поскольку формирование мнения по отдельным вопросам ислама всегда принадлежало авторитетным служителям культа — богословам-правоведам, то идеи ученых вряд ли найдут поддержку у западноевропейских мусульман, во всяком случае, пока их евроислам существует в виде двух искусственных концепций.

1. Ал-Банна Х. // ал-Мунджид. Байрут. 1986 (на арабск. яз.).
2. Ал-Ихван ал-муслимун // ал-Мунджид. Байрут. 1986 (на арабск. яз.).
3. Глебова Н. С. Интеллектуальная элита современного арабо-мусульманского мира: Тарик Рамадан // Азия и Африка сегодня. 2006. № 9. С. 68–71.
4. Игнатенко А. А. Халифы без халифата. М., 1988.
5. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987. М., 1990.
6. Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
7. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
8. Пруссаков В. Исламская мозаика // Завтра. 2008. 2 января.
9. Рамадан Т. Я призываю не к толерантности, а к плюрализму [Электронный ресурс] // Islam.ru. Независимый исламский информационный канал. URL: http://www.islam.ru/pressclub/analitika/tarumpit?print_page (дата обращения 14.02.2010).
10. McRoy A. European Muslim: the multiple identity of Tariq Ramadan // Christian Century. 2007. August. 21.
11. Pryce-Jones D. The Islamization of Europe? // Commentary. 2004. December. P. 29–34.
12. Ramadan T. In the Footsteps of the Prophet: Lessons from the Life of Muhammad. Oxford, 2007.
13. Ramadan T. Islam, the West, and the Challenge of Modernity. Leicester, 2001.
14. Ramadan T. Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. Oxford, 2009.
15. Ramadan T. To Be a European Muslim. Leicester, 1998.
16. Ramadan T. Western Muslims and the future of Islam. Oxford, 2004.
17. Steinbach U. Euro-Islam: Ein Wort, zwei Konzepte, viele Probleme // Neue Zürcher Zeitung. 2005. 25 April. S. 17.

Л. Г. КАРНАТОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова:

государственный заказ, государственный заказчик, государственный контракт, инновации, государственная инновационная политика, инновационный продукт, конкурентоспособность

Статья посвящена роли государственно-го заказа в развитии инновационной политики страны. Автор отмечает, что государственный заказ как известная экономическая категория является важнейшим механизмом регулирования экономики в нашей стране. В статье уточняются и систематизируются основные понятия и термины, связанные с системой заключения государственных контрактов, а также определяется их роль в производстве инновационной продукции. Автор подробно описывает порядок заключения государственных контрактов на выполнение НИОКР.

Государственный заказ как известная экономическая категория, является важнейшим механизмом регулирования экономики в нашей стране, однако не всегда у экономистов-практиков имеется четкое понимание основных понятий и особенностей категории «государственный заказ» в разрезе за-

Key words:

government order, state customer, government contract, innovations, state innovation policy, innovative product, competitiveness

The article is devoted to a role of the government order in development of innovation policy of the country. The author states that government order, as a well-known economical category, is the major mechanism of economy regulation in our country. The main concepts and terms connected with the system of government contract conclusion are specified and systematized in the article; the role of government contracts in production of innovative products is defined as well. The author describes the procedure of government contract conclusion on research and development works performance.

дач социально-экономической политики государства на современном этапе развития. Поэтому уточнение и систематизация основных понятий и выявление особенностей государственного социального заказа имеет большое значение для углубления представлений специалистов, занятых организацией и исполне-

нием заказов на федеральном и региональном уровне. Актуальность данной проблематики обусловлена важностью роли государственных заказов в экономике Российской Федерации, в том числе в инновационной сфере.

Государственный заказ в системе социально-экономической политики России

В современных условиях Правительство Российской Федерации намерено использовать все имеющиеся инструменты экономической и социальной политики в целях поддержки граждан и недопущения разрушительных процессов в социальной сфере и в экономике страны, обеспечивая одновременно с этим решение стратегических задач социально-экономического развития [14].

В соответствии с Программой антикризисных мер на 2009 г. Правительство РФ осуществляло свою деятельность, исходя из следующих приоритетов.

Первый приоритет: выполнение в полном объеме социальных обязательств государства перед населением и развитие человеческого потенциала. В целях реализации обязательств:

- оказывалась поддержка гражданам и семьям, наиболее пострадавшим в период экономического кризиса;

- усилена социальная защита населения, обеспечены необходимые объемы и уровень социальных и медицинских услуг, доступность качественных и безопасных лекарственных средств;
- расширены масштабы деятельности государства в сфере занятости, уделялось внимание развитию программ переподготовки, оказанию адресной поддержки гражданам в трудоустройстве.

Необходимые меры поддержки оказываются также гражданам, приобретающим жилье. Государство оказывает содействие реализации жилищной программы и развитию ипотечного кредитования. В этих условиях особое внимание уделяется государственному социальному заказу.

Государственный социальный заказ — экономико-правовая форма реализации государственных планов и программ, направленная на удовлетворение социальных потребностей граждан, обеспеченная бюджетным финансированием и основанная на договорных отношениях между органами власти и субъектами гражданских правоотношений независимо от формы собственности и подчиненности.

Его цель: решение социально значимых проблем общества путем бюджетного финансирования социально значимых услуг и проектов

социальных организаций, а также привлечение для этого инновационных, интеллектуальных, кадровых и материальных ресурсов.

Ожидаемыми результатами реализации данного подхода являются:

- достижение результата социальных услуг — положительных изменений уровня жизни;
- улучшение качества услуг и удовлетворенности клиентов;
- внедрение новых социальных технологий;
- повышение уровня социальной защиты населения;
- более эффективное использование бюджетных средств, направляемых на социальную защиту населения;
- сокращение вероятности протекционизма и коррупции.

Стандартизация социальных услуг — необходимое условие введения системы государственного задания, а в перспективе — государственного заказа на их оказание [3]. Поэтому применение государственных стандартов в сфере социального обслуживания населения является одной из основных задач. Разрабатывается система качества, проводятся мероприятия по определению уровня удовлетворенности клиентов качеством предоставляемых услуг и эффективности социального обслуживания. На перспективу просматривается работа социальных учреждений вообще в автономном режиме,

которая имеет свои определенные преимущества.

В настоящее время значительно увеличивается социальная составляющая государственных закупок.

Второй приоритет: сохранение и развитие промышленного и технологического потенциала для будущего роста экономики.

Деятельность Правительства РФ в этой сфере направлена на создание условий для существенного повышения эффективности российских предприятий. При этом помощь государства не должна подменять ответственность бизнеса. На поддержку вправе рассчитывать лишь те предприятия, которые ориентированы на обновление, рост эффективности и продвижение на рынке конкурентоспособной продукции, но сегодня испытывают временные трудности в связи с недостатком кредитов и снижением спроса. Так, для сохранения важнейших производств государство готово напрямую входить в капиталы компаний. Одновременно приняты меры по усилению защиты интересов частных владельцев компаний, включая миноритарных акционеров.

Третий приоритет: активизация внутреннего спроса на российские товары как основы для восстановления экономического роста.

Правительство Российской Федерации предпринимает усилия, чтобы компенсировать сжатие рын-

ков, ослабить зависимость от внешних факторов, максимально эффективно задействовать внутренние ресурсы. Важную роль играет внутренний спрос со стороны государства, включая государственные инвестиции и закупки в сферах жилищного строительства, развития транспортной инфраструктуры, государственного оборонного заказа. Предусмотрены меры по защите внутреннего рынка и предоставлению преференций отечественным производителям в соответствии с международной практикой. При этом основной акцент сделан на восстановление деловой активности за счет субсидирования процентных ставок, развития лизинга, поддержки потребительского кредитования.

По нашему мнению, в случае размещения госзаказа на серийно производимые товары государственное финансирование в виде аванса для производства является по своему содержанию составной частью инвестиционного процесса, а государственный бюджет, расходуемый на закупку товаров, может рассматриваться как прямые государственные инвестиции в реальный сектор экономики.

Четвертый приоритет: стимулирование инноваций и структурная перестройка экономики.

Российская экономика должна выйти из кризиса обновленной, более сильной и эффективной. Госу-

дарством будет расширена поддержка инновационных проектов, в том числе направленных на технологическое обновление предприятий, повышение ресурсо- и энергоэффективности. Наличие программы повышения производительности труда, использования энергосберегающих технологий и инновационного развития станет условием предоставления государственной помощи предприятиям.

Сохраняется приоритет государственных расходов на развитие высокотехнологичных отраслей, включая авиа- и судостроение, космическую промышленность, атомную энергетику, электронную и радиоэлектронную промышленность. Одновременно создаются инфраструктурные заделы для экономического роста, в частности, увеличены бюджетные ассигнования на развитие транспортной инфраструктуры, реализацию проектов по обновлению парка пассажирского транспорта.

Пятый приоритет: создание благоприятных условий для экономического подъема за счет совершенствования важнейших рыночных институтов, снятия барьеров для предпринимательской деятельности.

В этих целях осуществлены мероприятия по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольного регулирования, сокращены избыточные полномочия органов исполнительной власти по

контролю предпринимательской деятельности. Уменьшен перечень товаров и услуг, подлежащих обязательной сертификации. Активизирована работа по предотвращению и пресечению действий коррупционного характера.

Особое внимание уделено поддержке и стимулированию развития малого и среднего предпринимательства. Сегодня этот сектор предпринимательства, к сожалению, находится практически вне процессов научно-технологического и инновационного развития. В этой связи Правительством РФ предложен комплекс мер по снижению налоговой нагрузки на малый бизнес, расширению доступа субъектов малого предпринимательства к государственным закупкам; установлены льготные тарифы на технологическое присоединение к электрическим сетям; определены льготные арендные ставки при аренде федерального имущества малыми и средними компаниями.

Шестой приоритет: формирование мощной финансовой системы как надежной основы для развития национальной экономики.

Банковская система должна стать более эффективной, очищенной от проблемных кредитных учреждений. Особое внимание уделено оперативности принятия и реализации необходимых решений.

Седьмой приоритет: обеспечение макроэкономической стабиль-

ности, сохранение доверия российских и иностранных инвесторов.

Правительство Российской Федерации проводит ответственную макроэкономическую политику, предполагающую устойчивость обменного курса рубля и снижение инфляции. В связи с этим предпринимаются усилия по сдерживанию роста цен на товары первой необходимости и тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства.

Реализация отмеченных приоритетов объективно потребовала временного усиления роли государства в экономической жизни страны. Правительство Российской Федерации в период кризиса будет с максимальной ответственностью подходить ко всем своим действиям, с тем чтобы не создавать в экономике неправильных стимулов, искажения мотиваций предприятий и населения, подрывающих долгосрочные перспективы развития. Приоритетность частной инициативы будет соблюдена и в современных условиях, при этом участие государства в экономике по мере преодоления кризиса будет снижаться.

В этой связи предусмотрены меры по расширению внутреннего спроса на продукцию российских предприятий со стороны государства, частного сектора и населения. Важной задачей является усовершенствование законодательства о государственных закупках, в том числе в части урегулирования во-

просов закупки технически сложной продукции. При этом планируется обеспечить возможность проведения лизинговых операций при государственных закупках, регламентировать процедуры закупок субъектов естественных монополий и государственных корпораций, предусматривающие преференции для поставщиков российских товаров, принять дополнительные меры по развитию целевого кредитования предприятий под расчеты за поставленную продукцию.

Поддержка спроса на продукцию российских предприятий со стороны государства также должна будет осуществляться через реализацию инвестиционных проектов, запланированных в рамках федеральных целевых программ и федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП), а также проектов, реализуемых с участием средств Инвестиционного фонда Российской Федерации.

В «Основных направлениях антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 г.» обращается особое внимание на необходимость корректировки политики в плане смещения акцента с мер, нацеленных на антикризисную поддержку отраслей, предприятий и населения, на меры, ориентированные на формирование нового промышленного потенциала, модернизацию, инновации, повышение качества человеческого капитала.

Основными приоритетами антикризисных и модернизационных действий Правительства Российской Федерации в 2010 г. станут:

- поддержка социальной стабильности и обеспечение полноценной социальной защиты населения;
- стимулирование оживления экономики, обеспечение устойчивости наметившихся положительных тенденций;
- активизация модернизационной повестки дня: реализация первоочередных мер по решению проблем российской экономики, обусловивших скорость и глубину спада (слабость национальной финансовой системы, недиверсифицированность экономики и экспорта, неконкурентоспособность значительной части перерабатывающих производств), совершенствование институциональной среды, выстраивание новой модели регулирования, в том числе на финансовых рынках, наращивание инвестиций в человеческий капитал [11].

Государственный заказ и развитие инновационной политики страны

Важнейшей составной частью государственной социально-экономической политики страны является инновационная политика. Одной из первоочередных задач инновационной политики на современном

этапе развития должно стать создание экономического и правового механизмов разработки и внедрения новейших технологий и инноваций в практическую сферу. Эти механизмы должны предусматривать формирование благоприятных условий для:

- реализации существующих новейших технологий;
- изучения будущих потребностей в товарах и услугах, неизвестных ранее, или в тех, которые уже используются;
- разработки новейших технологий и инноваций;
- формирования финансовых, материальных и трудовых ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей [13, с. 134].

Таким образом, важность инновационной деятельности для стабильного социально-экономического развития и государственного регулирования признается сегодня на самом высоком уровне. В тоже время о недостаточном внимании Правительства к переходу на инновационную траекторию развития сегодня свидетельствует факт отсутствия четкой государственной промышленной политики, ядром которой призвана стать инновационная стратегия страны. Инновационные разработки опираются на фундаментальные и прикладные исследования, осуществляемые в высших учебных заведениях, академиче-

ских, отраслевых научно-исследовательских, проектно-конструкторских, опытно-внедренческих институтах. Все эти организации раньше были бюджетными, поддерживались гарантированными государственными заказами. Переход к рыночным отношениям подорвал финансовое обеспечение деятельности учреждений научного и проектного профиля, в которых зарождаются инновации [2]. Государственным финансированием, да и то в явно недостаточной степени, поддерживаются разве что научно-исследовательские организации РАН. Научные подразделения вузов и отраслевые исследовательские институты практически лишились государственной финансовой поддержки и поставлены в полную зависимость от получения заказов на продукт их деятельности. Исследовательские институты технологического, экономического, управленческого профиля, не подготовленные к получению доходов на чисто рыночной основе, не сумевшие выхлопотать себе государственные заказы, вынуждены были свернуть деятельность, прекратить существование или переквалифицироваться в коммерческие организации, уйти в частное предпринимательство.

Министерством образования и науки РФ была разработана стратегия развития Российской Федерации в области развития науки и инноваций до 2010 г.

В качестве первого основного элемента реализации активного сценария рассматривается концентрация ресурсов федерального бюджета для научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) на следующих направлениях:

- фундаментальной науки при ее существенном реформировании как базы среды «генерации знаний»;
- создания инновационной инфраструктуры, обеспечивающей как доведение новых наукоемких технологий до предприятий и организаций реального сектора экономики, так и обратную связь — информацию о спросе производителя и инвестора к интересным для рынка и потенциально коммерциализуемым научным исследованиям и разработкам;
- развития ограниченного числа «технологических коридоров», в рамках которых конкурентоспособность отдельных выбранных секторов российской экономики достигается преимущественно за счет технологий отечественной разработки [7].

Следует выделить основные направления развития фундаментальной науки, сектора исследований и разработок:

- повышение конкурентоспособности сектора исследований и разработок, а также эффектив-

ности и результативности государственных расходов на его поддержку и развитие;

- осуществление научно-технологических прорывов по одному или нескольким приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и реализации стратегических программ национальной значимости;
- поддержка развития внутрифирменной корпоративной науки путем расширения ее доступа к уникальному научному оборудованию в рамках поддерживаемой государством инновационной инфраструктуры;
- государственное содействие развитию инжиниринга и проектной деятельности, в том числе путем поддержки проектов по созданию инжиниринговых центров;
- модернизация кадровой политики российского сектора исследований и разработок;
- содействие расширению и ускорению использования в экономике результатов российских исследований и разработок [15].

Однако, по мнению аналитиков, ответственность за развитие фундаментальной науки, обеспечение эффективности бюджетных расходов должна быть содержательной. В этой связи необходимо энергично реализовать принятую Межведомственной комиссией по научной

и инновационной политике программу модернизации функций, структуры и механизмов финансирования академического сектора науки. Прежде всего представляется целесообразным переход от управления затратами к управлению результатами в сфере фундаментальной науки [4, с. 5–9].

В этих целях необходимо осуществить:

- концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях, обеспечивающих реализацию конкурентных преимуществ российского сектора исследований и разработок на мировом рынке;
- реформирование научных организаций и повышение их капитализации;
- реструктуризацию государственного сектора исследований и разработок;
- обеспечение интеграции научного и образовательного потенциалов.

Основными результатами реализации данных мер станут:

- увеличение доли внебюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки;
- укрепление престижа российской науки, включая приток молодых кадров в научную сферу;
- рост бюджетной обеспеченности работников в академическом секторе науки.

Рассматривая данный сектор науки, следует иметь в виду не только

институты РАН, но и другие организации, участвующие в фундаментальных исследованиях [16].

Во многих регионах страны разрабатывается система мер по реализации государственной инновационной политики. Так, в Санкт-Петербурге действует Комплексная программа мероприятий по реализации инновационной политики. В качестве приоритетов развития инновационной деятельности выделяются следующие направления:

- развитие инновационной инфраструктуры;
- разработка и реализация кластерной политики;
- поддержка инновационных проектов, инициируемых и проводимых федеральными органами исполнительной власти РФ на территории Санкт-Петербурга;
- подготовка и переподготовка кадров для инновационных предприятий города;
- развитие спроса на инновации, в том числе продвижение высокотехнологичной продукции на рынках сбыта России и за рубежом;
- формирование благоприятного климата для ведения инновационной деятельности и ее информационно-имиджевая поддержка [8].

Важно также подчеркнуть, что очень часто цена входа инновационного продукта на рынок сравнима или даже превышает затраты на со-

здание самого инновационного продукта и его производство. В контексте решения этой проблемы во всех странах государство старается выступать госзаказчиком.

Центральное место в системе прямого государственного воздействия на инновационный продукт занимает финансирование НИОКР и инновационных проектов из бюджетных средств. Важно также поддерживать рациональное соотношение при финансировании организаций, осуществляющих НИОКР и инновационную деятельность (базовое финансирование), и при выделении средств на разовые инновационные проекты [5, с. 63].

Большое значение для создания начального спроса на инновации имеют госзаказы на инновационную продукцию и государственные контракты на выполнение НИОКР. В рамках договора на научно-исследовательские разработки (НИР) исполнитель обязуется провести научные исследования, обусловленные техническим заданием заказчика. Договор может охватывать как весь цикл проведения исследования, разработки и изготовления образцов, так и некоторые его этапы. Если иное не предусмотрено законом или договором, риск случайной невозможности исполнения договоров несет заказчик.

Условия договоров на выполнение НИР, НИОКР и научно-технических разработок (НТР) должны

соответствовать законам и другим правовым актам об исключительных правах.

Выполнение НИР, НИОКР и НТР, предназначенных для удовлетворения государственных (муниципальных) нужд, осуществляется на основе государственного (муниципального) контракта на выполнение подрядных работ для государственных (муниципальных) нужд [1].

Существенными положениями, содержащимися в государственном или муниципальном контракте на выполнение НИР, НИОКР и НТР, без которых он не имеет силы, являются выработанные условия:

- об объеме и стоимости выполняемой работы;
- о сроках начала и окончания работ (начальные и конечные сроки);
- о размере и порядке финансирования и оплаты работ;
- о способах обеспечения исполнения обязательств сторон.

Заказчиками по государственным контрактам на выполнение НИР, НИОКР и НТР могут быть:

- государственные органы (в том числе органы государственной власти);
- органы управления государственными внебюджетными фондами;
- бюджетные учреждения и иные получатели средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Заказчиками по муниципальным контрактам могут выступать:

- органы местного самоуправления;
- муниципальные бюджетные учреждения и иные получатели средств местных бюджетов при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования.

По результатам размещения государственного (муниципального) заказа заключается контракт или в случаях, предусмотренных законодательством о размещении за-

казов, иной гражданско-правовой договор. Для государственного заказчика, разместившего заказ, заключение контракта является обязательным, если другое не установлено законом (права и обязанности сторон при государственном заказе — см. табл. 1). К отношениям исполнителя с третьими лицами применяются правила о генеральном подрядчике и субподрядчике (ст. 706 Гражданского кодекса РФ).

Подрядчик несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работы (см. табл. 2).

Таблица 1

Права и обязанности сторон при государственном (муниципальном) заказе

Исполнитель	Заказчик
Права:	
Использовать результаты работ, в том числе те, которые защищаются на законодательном уровне, в пределах и согласно условиям, предусмотренным договором	
Обязанности:	
1. Соответственно техническому заданию, согласованному с заказчиком, выполнять работы и передавать их результаты заказчику в предусмотренный договором срок	1. Предоставлять исполнителю необходимую для выполнения работы информацию
2. Согласовывать с заказчиком необходимость применения охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащих третьим лицам, и приобретение прав на их использование	2. Принимать и оплачивать результаты выполненных работ
3. Устранять допущенные по его вине недостатки в выполненных работах, которые могут повлечь отклонения от технико-экономических параметров, предусмотренных в техническом задании или в договоре, своими силами и за свой счет	Может быть предусмотрена обязанность выдать исполнителю техническое задание и согласовать с ним программу или тематику работ
4. При невозможности получить ожидаемые результаты или при нецелесообразности продолжения работы обязательно сообщить заказчику	
5. Гарантировано передавать заказчику полученные по договору результаты, которые не нарушают исключительных прав других лиц	

Виды сроков выполнения работ по договорам НИР, НИОКР, НТР

Особенности сроков	Вид
Обязательно прописываются в договорах, т. к. являются существенным условием	1. Начальный срок
	2. Конечный срок
Указываются в договоре по желанию, согласованию сторон	1. Промежуточные сроки (сроки завершения отдельных этапов)

Цена работы является существенным условием договора на НИР, НИОКР, НТР и включает компенсацию издержек подрядчика и причитающееся ему вознаграждение. Она может быть установлена путем составления сметы. В случае, когда работа выполняется в соответствии с составленной подрядчиком сметой, то она приобретает силу и становится частью договора подряда с момента подтверждения ее заказчиком. Цена работы в договоре может быть твердой и приближительной. При отсутствии других указаний в договоре подряда цена работы считается твердой.

Если в процессе осуществления НИР обнаруживается невозможность достижения результатов вследствие обстоятельств, которые не зависят от исполнителя, заказчик должен оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить результаты. В случае нарушения исполнителем конечного срока выполнения работ и если исследование вследствие такой просрочки утратило интерес

для заказчика, последний может отказаться от принятия выполненных работ и требовать возмещения убытков.

Исполнитель, не выполнивший обязательства или исполнивший их не должным образом, несет ответственность за нарушение договора на выполнение НИР, НИОКР и НТР. Эта ответственность возникает, если исполнитель не докажет, что нарушение произошло не по его вине, за исключением случаев, когда законом или договором предусмотрены другие основания ответственности.

В качестве приоритетного направления деятельности на период до 2012 г. Правительство Российской Федерации определило стимулирование создания и развития малых наукоемких предприятий, предприятий малых форм в научно-технической сфере [12].

Однако на сегодняшний день с сожалением можно констатировать, что малое и среднее предпринимательство совершенно не ориентировано стать основой нацио-

нальной инновационной системы. Это объясняется, во-первых, тем, что инновации — слишком трудоемкое и наукоемкое дело, а российский малый и средний бизнес сегодня ориентированы преимущественно на торговлю и сферу услуг. Во-вторых, наука и техника в России в основном представлены госсектором. Это означает, что пока не будет четкого госзаказа на создание инновационной продукции в интересах экономики, малые и средние предприниматели лишены возможности действовать в макроскопическом масштабе [6].

Во всем мире государство оказывает помощь малым и средним предприятиям, при этом особое внимание уделяется предприятиям производственной и, прежде всего, инновационной сферы. Этот вопрос актуален и для российской малой экономики. Не случайно в Основных направлениях антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 г. в области поддержки малого бизнеса особое внимание уделяется усилению модернизационных аспектов, со смещением центра тяжести в сторону производственного сектора, активизации инновационной деятельности компаний [11].

Таким образом, для развития малого сектора инновационной экономики требуется государственная поддержка. Вместе с тем, в условиях кризиса не приходится рассчи-

тывать на дополнительные финансовые поступления в эту сферу. Значит, нужно искать иные, менее затратные механизмы решения этой государственной проблемы. Одним из действенных механизмов является привлечение малого и среднего предпринимательства к поставкам продукции для государственных и муниципальных нужд.

Мировой опыт показывает, что участие малых и средних фирм в выполнении государственных заказов помогает решить целый комплекс социально-экономических проблем. В частности, это содействует позитивной реструктуризации малого бизнеса, предоставляя ему возможность выйти из сферы торгово-посреднической деятельности в сферу производства и инноваций. Кроме того, выполнение государственных заказов стимулирует корпоративные и иные связи малого, среднего и крупного бизнеса, а это является одним из условий полноценного развития конкурентной среды и предпринимательства в рыночной экономике.

По нашему мнению, малые и средние инновационные предприятия должны получить особые преференции по сравнению с теми, которые сегодня определяет законодательство о размещении заказов для субъектов малого предпринимательства в целом. В соответствии с Федеральным законом «О разме-

щении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ государственные и муниципальные заказчики обязаны осуществлять размещение заказов у субъектов малого предпринимательства в размере не менее чем 10 и не более чем 20 % общего годового объема поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг в соответствии с перечнем товаров, работ, услуг, установленным Правительством РФ, путем проведения торгов, запроса котировок, в которых участниками размещения заказа являются такие субъекты. Исключения составляют случаи размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд обороны страны и безопасности государства [10]. Таким образом, Закон № 94-ФЗ устанавливает единые механизмы поддержки для всех без исключения малых предприятий и не выделяет особые преференции для субъектов малого инновационного предпринимательства. Кроме того, по закону, льготы получают только малые предприятия, на субъекты среднего предпринимательства они не распространяются, что является стратегической ошибкой и противоречит государственному курсу на поддержку малых и средних предпринимательских структур, который нашел отражение в другом Федераль-

ном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Статьей 7 указанного Федерального закона установлено, что в целях реализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации предусматривается участие субъектов малого предпринимательства в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [9]. Таким образом, логично расширить сферу преференций, определяемых Законом № 94-ФЗ, включив в нее субъекты не только малого, но и среднего предпринимательства, приведя тем самым нормы двух вышеназванных законов в соответствие.

В качестве дополнительных преференций для субъектов малого и среднего инновационного предпринимательства можно предложить:

— установление дополнительных квот для размещения государственных и муниципальных заказов у субъектов малого инновационного предпринимательства, при этом сняв верхний предел для всех малых предприятий, который в настоящее время

мя составляет 20%. Квота для малых инновационных предприятий должна предусматривать в том числе:

- использование механизмов субконтрактинга для привлечения субъектов малого и среднего инновационного предпринимательства в качестве соисполнителей по выполнению государственных и муниципальных контрактов у организаций — исполнителей крупных заказов;
- введение оценки квалификации участника торгов, наличие у него необходимой материально-технической базы, квалифицированных специалистов, научно-технического задела, положительного опыта выполнения аналогичных контрактов;
- предоставление заказчикам права документально устанавливать принадлежность участника размещения заказа к субъектам малого инновационного предпринимательства;
- снижение для субъектов малого инновационного предпринимательства размера обеспечения конкурсной и аукционной заявок и размера предварительного обеспечения контрактов.

Пояса малого инновационного предпринимательства должны появляться именно вокруг университетов, при них же надо создавать посевные фонды. Следует отметить, что посевные фонды предназначены для

поддержки проектов на ранних стадиях — первичного внедрения разработок и, в отдельных случаях, финансирования НИОКР, необходимых для запуска высокотехнологической продукции в производство.

Анализ категории «государственный заказ» в разрезе задач социально-экономической политики России позволяет сформулировать следующие выводы.

К основным задачам социально-экономической политики относятся такие как: выполнение в полном объеме социальных обязательств государства перед населением, развитие регионов и отраслей национальной экономики.

Выполнение этих задач предусматривает применение системы государственного заказа (социального, регионального и отраслевого). Государственный заказ является лишь одним из способов решения поставленных задач.

Государственный социальный заказ — экономико-правовая форма реализации государственных планов и программ, направленная на удовлетворение социальных потребностей граждан, обеспеченная бюджетным финансированием и основанная на договорных отношениях между органами власти и субъектами гражданских правоотношений независимо от формы собственности и подчиненности.

Посредством государственного заказа возможно решить следующие задачи: сохранение и развитие промышленного и технологического потенциала и стимулирование внутреннего спроса на российские товары как основы для восстановления экономического роста.

По результатам исследования роли государственного заказа в развитии инновационной политики страны можно выделить следующие основные аспекты этой проблемы:

- переход к рыночным отношениям подорвал финансовое обеспечение деятельности учреждений научного и проектного профиля, в которых зарождаются инновации (государственным финансированием обеспечена незначительная часть научно-исследовательских организаций);
- основными направлениями инновационной политики являются: развитие отдельных направ-

лений фундаментальной науки, проведение НИР и ОКР (опытно-конструкторских разработок) по созданию новой техники для государственных нужд, а также осуществление государственного заказа на инновационную продукцию и поддержка малого и среднего бизнеса;

- госзаказы на инновационные разработки, выполняемые именно малыми и средними компаниями, окажут значительное влияние на развитие инновационной сферы в стране, т. к. в развитых странах именно эти компании продвигают инновации.

В заключение отметим, что нарастить экономическую и политическую мощь страна сможет только за счет инновационной экономики, предусматривающей создание сверхприбыльных производств.

1. Ведение учета НИОКР [Электронный ресурс] // Монолит: Юридический сервис. URL: <http://www.lsmonolit.ru/bu/outsourcing/niokr.html> (дата обращения: 10.01.2010).
2. Государственное управление инновационными процессами [Электронный ресурс] // Экономический портал. 2008. 17 июня. URL: <http://institutiones.com/innovations/215-2008-06-17-11-15-34.html> (дата обращения: 10.01.2010).
3. Государственный заказ в системе социального обслуживания населения: настоящее положение и перспективы [Электронный ресурс] // Информационный сайт Балаково. URL: http://www.balakovo.ru/news.view.php?num_news=9915 (дата обращения: 13.02.2010).
4. Горшков А. С. Модернизация подготовки государственных и муниципальных служащих: ориентация на управление по результатам // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 5–9.
5. Гринев В. Ф. Инновационный менеджмент. М., 2003.
6. Киселёв К. Инновации большие и маленькие [Электронный ресурс] // Наука и технологии России (STRF.ru): Электронное издание. 2009. 31 июля. URL: <http://ipim.ru/discussion/1107.html> (дата обращения: 10.01.2010).
7. Минобрнауки представляет на заседании правительства РФ в четверг стратегию развития в области развития науки и инноваций до 2010 г. [Электронный ресурс] // ПРАЙМ-ТАСС: агентство

- экономической информации. Лента новостей. 2005. 14 декабря. URL: <http://www.bit.prime-tass.ru/news/show.asp?id=34918&ct=news> (дата обращения: 10.01.2010).
8. О комплексной программе мероприятий по реализации инновационной политики в Санкт-Петербурге на 2008–2011 годы: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23 января 2008 г. № 42 [Электронный ресурс] // Общественный совет по малому предпринимательству при Губернаторе Санкт-Петербурга. URL: http://www.osspsb.ru/programma_innovate (дата обращения: 10.01.2010).
 9. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Версия Проф. Электрон. дан. [М., 2009].
 10. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Версия Проф. Электрон. дан. [М., 2009].
 11. Основные направления антикризисных действий правительства Российской Федерации на 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина. URL: <http://premier.gov.ru/anticrisis/3.html> (дата обращения: 10.01.2010).
 12. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Версия Проф. Электрон. дан. [М., 2009].
 13. *Пирожков С. И.* Украина–Россия: проблемы экономического взаимодействия / под. ред. С. И. Пирожкова, Б. В. Губского, А. И. Сухорукова. К., 2000.
 14. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г. // Российская газета. 2009. 20 марта.
 15. Стратегические ориентиры развития инновационной деятельности на уровне Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития, промышленной политики и торговли Оренбургской области. URL: <http://oreneconomy.ru/innovations/innov2020.php> (дата обращения: 10.01.2010).
 16. Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2010 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. Электрон. дан. [М., 2009].

Л. Е. ВОСТРЯКОВ, Е. П. ЧИРИКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ УПРАВЛЕНЕЦ КУЛЬТУРЫ: ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*управленческие компетенции,
управленческий профессионализм,
культура, социологический анализ*

Авторы проводят сравнение представлений руководителей в сфере культуры разных стран относительно качеств успешного управленца. Приводятся результаты опросов руководителей по поводу оценки компетенций, определяющих успех в управленческой деятельности. Анализ полученных данных позволяет выявить различия и совпадения в оценках такого рода, а также проследить основные тенденции в сфере управления сферой культуры в России в контексте международных сравнений.

Управленцы разных уровней не случайно являются предметом пристального исследовательского внимания во всем мире. В научной литературе имеется немало свидетельств того, что существует определенная связь между иерархией управления, качеством обеспечения его процессов и состоянием общества [15, с. 34–51]. Одним из первых социологов, защищавших данный тезис, был М. Вебер. Он убедительно доказал взаимный изоморфизм состояния группы менеджеров и об-

KEY WORDS:

administrative competences, administrative professionalism, culture, sociological analysis

The authors, on the basis of the sociological analysis, spend comparison of representations of administrators in the sphere of culture from different countries, concerning qualities of the successful managers. Opinion-pull results provided to obtain how the administrators estimate competences necessary to be successful in managerial activity are presented. The analysis of the results allows to reveal differences and coincidences in such estimations as well as to trace main trends in culture management in Russia in the context of international comparisons.

щества в целом. Принято считать, что в основе успеха менеджеров лежит управленческий профессионализм. Однако консенсуса среди специалистов относительно концептуальной трактовки данного понятия не достигнуто до сих пор. Причины этого многообразны и вряд ли отличаются от разногласий, свойственных научному сообществу в отношении практически любого научного понятия.

Английские исследователи У. Херш и С. Биван на основе изу-

чения многочисленной литературы в области менеджмента выделяют четыре важнейшие проблемы, тормозящие осознание управленческого профессионализма:

- 1) отсутствие качественной методики, позволяющей соотнести виды деятельности и основные управленческие умения и навыки менеджера;
- 2) разнообразие, фрагментарность и изменчивость управленческого труда;
- 3) отсутствие методов оценки комплекса всех личностных навыков или качеств, необходимых для управленческого профессионализма;
- 4) критерии, определяющие преуспевающих менеджеров сегодня, могут не соответствовать завтрашним требованиям к профессиональному менеджеру [25, р. 83].

Сами менеджеры, описывая суть управленческих задач и компетенций, необходимых для их успешного выполнения, также ссылаются лишь на общие характеристики эффективных руководителей [20, р. 65–82].

Некоторые из исследователей, тем не менее, предлагают подходить к определению профессионализма менеджеров через оценку знания принципов управленческой деятельности [9, с. 37–48]. Однако, как доказывают К. С. Камерон и Д. А. Йеттон, знание принципов

управления — важный, но не достаточный компонент управленческого профессионализма [18, р. 11–23]. Р. Коллинз, например, предложил проводить различие между *количеством и качеством знания*, на котором основывается профессионализм, а также между *социальной организацией и контролем этих знаний*. Р. Коллинз выделял две модели профессионализма: *англо-американскую* (свобода самостоятельно работающих практиков, которые могут контролировать организационные моменты и условия труда) и *континентально-европейскую* (профессионалы подтверждают свой профессиональный статус благодаря своим академическим дипломам) [28, р. 11–23].

М. Силвер подчеркивает, что базовые характеристики профессионализма в сфере управления следует изучать в контексте их практического применения, в «совокупности внешних, личностных и межличностных факторов» [20, р. 65], придающих управленческой практике определенный характер. Подобное признание преобладания важности конкретных навыков управления над управленческими знаниями наиболее ярко выражено в рамках подхода «примата управленческих компетенций»: управленческий профессионализм основывается на понятии «компетентности в управленческой практике», которое противопоставляется так

называемой «знаниевой компетентности» и является сутью характеристики управленческого профессионализма.

Согласно данному подходу, в первую очередь менеджерам следует развивать управленческие навыки, которые описываются с помощью *концепции управленческих компетенций*. Серия известных докладов, сделанных в Великобритании в конце XX в., относится именно к концепции управленческих компетенций. Разнообразные подходы и определения подчеркивают проблемы общепринятого определения термина «компетенция» и признание ряда переменных, которые находятся во взаимодействии друг с другом и входят в сферу выполнения управленческой работы [29, р. 221–227]. Смысл данного подхода сводится к разработке и исполнению менеджером конкретных «управленческих компетенций» [29, р. 223].

Сам термин «компетенция» происходит от латинского слова «competere», что означает «добиваться», «подходить», «соответствовать». В современной трактовке под компетенцией принято понимать круг вопросов, в которых носитель компетенции хорошо осведомлен, либо объем полномочий какого-либо органа или должностного лица [11, с. 19]. На Западе понятие «компетентность» (competency) вошло в широкое употребление после выхода книги Р. Бояциса «Компетент-

ный менеджер» [17]¹, где компетентность определяется в широком смысле как «основополагающая характеристика личности, которая является либо мотивом, чертой, навыком, аспектом представлений о самом себе, социальной ролью, либо запасом знаний, используемым этой личностью» [17, р. 21].

Еще более широкое понятие компетенции содержат другие западные исследования. Так, согласно Констаблю, это — совокупность характеристик, включая креативность, способность выносить разумные суждения, брать на себя инициативу и действовать самостоятельно, ориентацию на достижение результата, твердость воли, честность, приспособляемость, гибкость, умение работать с информацией, неординарный подход к делу [см.: 20, р. 73]. Р. Албаниз определяет управленческую компетентность как «навыки и личностные характеристики, способствующие эффективному выполнению работы в сфере управления» [16, р. 66], а Ч. Вудраф — как «совокупность поведенческих моделей, которые должны реализовываться в работе человека, занимающего управленческую должность, с целью компетентного выполнения его задач и функций» [30, р. 17].

Достоинство компетентностного подхода кроется, во-первых, в детальном изучении того, чем в дей-

¹ См. также: [3].

ствительности занимаются управленцы и, во-вторых, в попытке пролить свет на ключевые характеристики, обеспечивающие эффективное управление. А. Харрисон и М. Стьюарт утверждают, что 70% уровня управленческой компетентности составляют общие для всех руководителей навыки и умения, а 30% зависят от конкретной сферы деятельности и «климата в организации» [24, р. 830–849].

По мнению Бояциса, существуют некие «пороговые» компетенции, которые можно определить как «общие знания, мотивы, черты, представление о самом себе, социальную роль или навыки индивида, что лежат в основе выполнения работы, но не имеют причинной связи с высшим уровнем выполнения работы», и компетенции, которые «отличают высший уровень выполнения работы от среднего или низкого» [17, р. 21]. Следует также провести различие между уровнями компетентности, разграничивающими фундаментальные виды компетентности, лежащие в основе работы, и «компетенциями для высокого уровня выполнения работы», которые ассоциируются с превосходным качеством выполнения работы [23, р. 65–80]. Р. Боум и П. Спарроу выделяют зарождающуюся, нарастающую, переходную и основную компетентность [21].

Наиболее последовательно проблематику ключевых компетенций

профессионалов-управленцев сферы культуры разрабатывают западные исследователи. В российской науке эти вопросы остаются пока вне пределов особого внимания. Можно привести лишь немногие исследования, в которых предпринимались попытки обобщить деловые и личностные качества, управленческие компетенции, необходимые для эффективной работы профессиональных управляющих сферы культуры [см., напр.: 2; 5; 12].

По оценкам западных специалистов, управленцы культуры зачастую обладают более глубокими профессиональными навыками, чем иные государственные и местные чиновники. В частности, именно к такому выводу пришла П. Кланси в результате исследования первых руководителей 539 организаций, а также 168 старших менеджеров. На основе проведенных интервью ирландская исследовательница выделила ключевые задачи управленца культуры, объединенные в три большие группы: общие задачи менеджмента, функциональные управленческие задачи и управленческие задачи, специфические для сферы культуры², а также компетен-

² Основными среди специфических для сферы культуры управленческих задач являются: управление программами и проектами, взаимоотношения с творческим персоналом (для музеев — управление музейным собранием), отношения с посетителями (клиентами), взаимоотношения с потенциальной аудиторией [19, р. 82].

ции, которые требуются менеджеру культуры для эффективного осуществления деятельности³ [19, р. 79]. Подчеркивая неэффективность нерыночных методов работы, западные исследователи выводят на первые позиции те компетенции, которые дают возможность менеджеру культуры формировать «социальный капитал»: способность оценивать ситуацию и побуждать других к действиям посредством тесных межличностных контактов, мобильность, умение рисковать, принимать жесткие решения, отсутствие страха перед ошибками и способность их признавать [14, с. 59]. Значимой составляющей новых умений и фактора успеха, по их мнению, является *способность сформировать команду, учитывая интересы и пристрастия сотрудников и интегрируя их в общие цели развития организации.*

Достаточно важно выяснить, как руководители сферы культуры разных стран сами оценивают управленческие компетенции, которые позволяют им достигать успеха в осуществлении управленческой деятельности. Сравнение подобных представлений позволяет понять, разными или совпадающими являются подобные представления, ка-

³ Среди управленческих компетенций работников сферы культуры П. Кланси выделяет группы административных, финансово-правовых, личностных, коммуникативных и информационно-сетевых компетенций.

кие механизмы лежат в основе наблюдаемых различий, чем российские управленцы сферы культуры отличаются от западных.

Ответы на эти вопросы мы попытались найти, проводя опросы руководителей сферы культуры из разных стран. Поскольку исследования проводились в разные годы (в 2004 и 2009 гг.), это позволило выявить не только межстрановые различия и совпадения, но и динамику наблюдаемых изменений.

Далеко не все направления исследований были обеспечены должной сопоставительной базой. Так, от эмпирической работы П. Кланси наши исследования отделял 10-летний период, от американских — еще больший временной отрезок. Не располагая иной базой для сопоставлений, хорошо осознавая при этом, что сделанные нами выводы обладают ограниченным аналитическим потенциалом, мы, несмотря на это, считаем, что они позволяют обоснованно судить о складывающихся тенденциях в сфере управления культурой России в контексте международных сравнений.

Отметим также, что анализ целесообразно предварить уточнением категорий *администратор* и *менеджер культуры*, которые достаточно часто используют западные (особенно европейские) аналитики. В Европе подобное разграничение профессиональной принадлежности управленцев в культуре получи-

ло развитие в 1960-е гг., когда доминировавшая идеология демократизации культуры способствовала усилению позиции культурных политиков и организаторов. К администраторам культуры обычно относят лиц, осуществляющих стратегическое управление указанной областью на федеральном или региональном уровне, в отличие, например, от менеджеров культуры, которые руководят отдельными учреждениями и объектами данного профиля⁴.

Образ успешного управленца в представлениях российских и европейских администраторов культуры

Впервые эмпирическое сравнение представлений российских и европейских руководителей сферы культуры относительно образа

успешного управленца было выполнено одним из авторов в 2004 г. В выборку исследования вошли западноевропейские, восточноевропейские и российские руководители сферы культуры⁵. Методика опроса представляла собой универсальную шкалу оценки деловых и личностных качеств, на которые в своей деятельности должен опираться руководитель (образ успешного управленца) и на которые он фактически опирается (самооценка). Эти характеристики предлагалось оценить по десятибалльной шкале. Чем больше выражена приоритетность качества, тем меньшую ранговую оценку оно получало⁶.

При разработке шкалы мы основывались на известных исследованиях западных и отечественных специалистов в области менеджмента, в которых сформулирован набор качеств, необходимых для осуществления менеджерской деятельности [см.: 6; 10; 27]. При отборе качеств в основу сконструированной нами шкалы, состоящей из 40 качеств, были положены два принципа. Во-первых, внимание фокусировалось на качествах, которые представлялись исследователям крайне необходимыми в на-

⁴ Четкое разграничение администрирования и менеджмента дано в концепции канадского философа К. Ходжкинсона, определявшего администрирование как процесс абстрактный, философский, качественный, стратегический и гуманистический по сути, а менеджмент — как процесс конкретный, практический, прагматический, количественный, технический и технологический по природе. Администратор «делает политику» (через «идею» — ее аргументацию, диалектику и разъяснение, «планирование» и «политический процесс убеждения»); менеджер — «превращает политику в жизнь» посредством мобилизации ресурсов, осуществляя непосредственное управление и мониторинг [см.: 26].

⁵ В 2004 г. в исследовании с использованием оценочных шкал приняло участие 813 российских и 120 респондентов из Западной и Восточной Европы.

⁶ Подробное описание сконструированной шкалы качеств см.: [4; 5].

стоящее время. Во-вторых, шкала включала качества, отражающие личностную специфику управленцев: показатели коммуникативной активности, характера конфликтных стратегий, способности к риску, инновационного потенциала, креативность и др. Мы исходили из того, что нет плохих или хороших качеств. Каждое из тех, что приводились на шкале, имело свой антипод (например, «умение рисковать» и «умение быть осторожным» и т. п.).

Подобная конструкция шкалы позволяла избежать эффекта «неосознанного притяжения к позитивным качествам». Пара качеств могла располагаться на всем протяжении шкалы в целях снижения инструментального искажения. Каждая из характеристик формулировалась в положительном контексте, что позволяло при ранжировании самооценок избавиться от страха «быть хуже других».

Качества были подобраны таким образом, чтобы в них не было «жесткой привязанности» к управленческой деятельности в какой-либо из отраслей сферы культуры. Это позволяло в дальнейшем сравнивать данную группу управленцев с любыми другими интересующими нас группами.

Исследования показали, что информативность результатов, полученных посредством шкалы, построенной на основе 40 качеств, не снижается, если перейти к агре-

гированной шкале, что позволяло оперировать менее громоздкими данными и избавляло интерпретацию от излишних подробностей. Важно, что превращение 40 качеств в 8 агрегированных показателей производилось посредством экспертных оценок. К каждому из агрегированных показателей эксперт мог отнести от 4 до 6 качеств. Данные экспертные оценки по суммации качеств и позволили выделить агрегированные показатели: партнерство и коммуникативность, инновационность, солидарность, креативность, стрессоустойчивость, прагматизм, консерватизм, доминирование, по которым и производилось дальнейшее сравнение.

Полученные в 2004 г. данные убедительно свидетельствовали, что представления российских и европейских руководителей сферы культуры относительно образа успешного управленца в сравнении с самооценкой имеют свои особенности, показывающие специфику условий деятельности, связанную с адаптацией к рыночным отношениям в культуре. Данные табл. 1 наглядно демонстрируют как различия в представлениях трех выделенных групп управленцев, так и совпадения, свидетельствующие о том, что расхождения в оценках российских и европейских администраторов являются скорее локальными, нежели всеобъемлющими.

Сравнение представлений европейских и российских администраторов культуры о качествах успешного управленца и самооценки (ранговые оценки, 2004 г.)

	Западная Европа		ЦВЕ		Россия	
	Образ успешного управленца	Самооценка	Образ успешного управленца	Самооценка	Образ успешного управленца	Самооценка
Партнерство и коммуникативность	1	1	1	1	1	2
Инновационность	2	2	2	2	4	4
Креативность	3	4	4	5	2	6
Солидарность	4	3	5	3	5	3
Стрессоустойчивость	5	5	3	4	3	1
Прагматизм	6	6	6	7	6	5
Консерватизм	7	7	7	6	7	7
Доминирование	8	8	8	8	8	8

Анализ агрегированных показателей позволил убедиться в том, что существенных расхождений россиян и европейских руководителей в видении образа успешного управленца не наблюдается. По показателям *партнерства и коммуникативности, доминирования, консерватизма и прагматизма* оценки всех трех групп администраторов синхронизированы. Показатель *солидарности* в образе успешного управленца для западных европейцев, по сравнению с коллегами из Восточной Европы и России, имеет большую значимость.

Тем не менее, отмечаются и различия. Показатель *инновационности* в сознании россиян предстает

как менее значимый по сравнению с западноевропейскими и восточноевропейскими администраторами сферы культуры. И наоборот, отечественные управленцы, в отличие от своих коллег, несколько преувеличивают значение таких качеств, как *креативность* и *стрессоустойчивость*, тем самым как бы подтверждая заинтересованность в том, чтобы в одном случае развивать свою креативность, а в другом — добиваться снижения уровня стресса в повседневной работе. Некоторые различия в оценках при построении образа успешного администратора наблюдаются также между представителями Западной и Восточной Европы. Они касаются такого ка-

чества, как *стрессоустойчивость*. Руководители из стран Восточной Европы, в отличие от коллег из западноевропейских государств, придают ему большее значение, что, по видимому, свидетельствует о более высоком уровне напряжения в работе восточноевропейских управленцев.

И хотя у исследованных групп администраторов культуры существуют определенные различия в характеристиках, присущих образу успешного управленца, утверждать, что они носят принципиальный характер, нельзя. Скорее полученные данные позволяют говорить о том, что руководители сферы культуры разных стран движутся в одном направлении в осознании качеств успешного управленца.

Этого, однако, нельзя сказать относительно самооценок опрошенных. Представленные в таблице данные указывают, что расхождения относительно самооценок администраторов разных стран отчетливо выражены, за исключением таких качеств, как *доминирование* и *солидарность*. Доминированию управленцы всех стран отводят в самооценке последнюю ранговую позицию. Солидарности — синхронно отводят третью позицию, подчеркивая, что это важное качество.

Наибольшие расхождения в самооценке наблюдаются относительно такого качества, как *стрессо-*

устойчивость. В самооценке россиян это качество стоит на первом месте, у восточных европейцев оно занимает только четвертую, а у западных — даже пятую позицию. Это свидетельствует о том, что российские руководители испытывают серьезные перегрузки в работе и вынуждены ежедневно бороться со стрессами в условиях финансового дефицита и нарастающей неопределенности, характеризующей сегодняшнюю социально-экономическую ситуацию. Более взвешенное отношение к стрессоустойчивости европейских представителей свидетельствует о более комфортных условиях работы, что обуславливает меньший запрос на доминирование подобного качества.

Отмечены расхождения в самооценках и по таким критериям, как *инновационность* и *креативность*. Если россияне отводят этим качествам лишь четвертый (инновационность) и шестой (креативность) ранги, то европейцы — значительно более низкое место. Причем различия между российскими и восточноевропейскими администраторами в оценке *креативности* выражены менее заметно, чем с западноевропейскими руководителями.

Это, скорее всего, свидетельствует о том, что россияне, хотя и осознают уже важность таких качеств, как инновационность и креативность для ежедневной управ-

ленческой деятельности, но сами должным потенциалом этих качеств пока не обладают и, что более важно, — фактически не могут использовать их в своей повседневной работе.

Итак, в видении образа успешного администратора культуры представления европейских и российских руководителей сближаются. Однако специфика институтов, которыми они руководят, различия формальных и неформальных правил их функционирования остаются весьма значительными, что предопределяет более существенные расхождения в самооценках качеств, наиболее востребованных в повседневной управленческой деятельности.

Наличие выраженных расхождений в самооценках российских и европейских администраторов свидетельствует, скорее всего, о том, что в отечественных условиях эффективными оказываются принципиально иные стратегии управленческой деятельности. Это означает, что российские руководители сферы культуры вполне готовы к работе в рыночных условиях и можно говорить о наличии у них стремления совершенствовать свои управленческие навыки и овладевать новыми технологиями, но при этом процесс осознания важности формирования нового профессионализма пока опережает реальное овладение этими навыками.

Управленческие компетенции в оценках руководителей сферы культуры Европы и Северо-Запада России

В 2009 г. было решено отказаться от авторских шкал, заменив их инструментарием, разработанным ирландской исследовательницей П. Кланси и американским социологом П. ДиМаджио, которые в разные годы изучали управленческие компетенции руководителей сферы культуры своих стран.

Исследование, выполненное с привлечением иного социологического инструментария, должно было показать, насколько достоверны полученные ранее результаты, изменились ли представления руководителей сферы культуры России относительно востребованных управленческих компетенций⁷, отличаются ли эти представления от мнения европейских коллег.

В первую очередь на основе методики П. Кланси выяснялось, как складываются представления россиян относительно важнейших управленческих компетенций, которыми они должны обладать. За-

⁷ Анализ управленческих компетенций основывается на опросе 650 руководителей сферы культуры Северо-Запада России в 2004 г., опрос, проведенный в мае 2009 г., включал группу руководителей и специалистов одного из региональных органов культуры СЗФО в количестве 47 человек. Полученные оценки сравнивались с результатами исследования, проведенного П. Кланси в 1994 г. в Ирландии.

тем эти оценки сравнивались с результатами исследования в Северо-Западном регионе, полученными пятью годами раньше. Впоследствии проводилось сопоставление этих оценок с мнением европейских коллег: сначала выявлялись расхождения позиций относительно наиболее востребованных управленческих компетенций. Полученные данные представлены в табл. 2. Как следует из данных таблицы, высший ранг в перечне компетенций, необходимых для управленческой деятельности в сфере культуры, по мнению россиян, занимает *способность эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации*.

Наиболее важными, по мнению российских специалистов, являются административные управленческие компетенции⁸. Следующие за ними — финансово-правовые, на третьем месте — информационно-сетевые компетенции. Как это ни парадоксально, но личностным и коммуникативным компетенциям россияне отводят последние позиции. Можно предположить, что такого рода компетенции в повседневной деятельности респондентов наименее востребованы.

Сравнив полученные данные с результатами П. Кланси и ранее

проведенными исследованиями, видим, что различия между российскими и ирландскими руководителями прослеживаются достаточно четко. В отличие от россиян ирландцы наиболее важными считают коммуникативные компетенции, более высоко оценивают личностные характеристики.

Особенно выукло вырисовываются различия относительно *презентационных* навыков. Европейские администраторы отмечают особую важность подобных способностей для успешного руководства, тогда как россияне отводят им более скромное место.

По мнению отечественных руководителей, более важно *ставить задачи другим и контролировать их исполнение*, в деятельности их западных коллег эти умения не столь востребованы. Россияне выделяют важность *знания законов*, их европейские коллеги считают, что для успешного администратора культуры подобные компетенции не столь актуальны.

Для ирландских управленцев, напротив, гораздо более важно *быть уверенным и убедительным*, чем для россиян. Достаточно заметны различия позиций российских и ирландских руководителей относительно способности *влиять на людей и быть «победителем дня»*. Ирландские администраторы считают это более важным навыком, чем россияне.

⁸ Интересно сравнить с данными, которые приводит В. Л. Романов [см.: 13].

**Руководители сферы культуры России и Ирландии
о значимости управленческих компетенций (ранговые позиции)**

	Россия				Ирландия	
	Администраторы, 2009 г.	Администраторы Северо-Запада России, 2004 г.	Директора музеев, 2004 г.	Руководители театров, 2004 г.	Администраторы культуры, 1994 г.	Менеджеры музеев, 1994 г.
Способность эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации	1	1	1	1	1	1–2
Способность ставить задачи другим и контролировать их эффективное выполнение	2	2	4	2	12	7
Знание законов	4	3	5	3	16	16
Способность быстро охватить всю проблему	3	4	2	5	9	8
Способность рассчитывать и распределять необходимые финансовые ресурсы, аккуратно следить за их расходованием	5	5	3	4	4	9
Способность выслушивать иную точку зрения, тонко проводить переговоры и принимать во внимание нужды других	6	6	8	7	3	3–4
Знание потенциальных источников финансирования	8	7	6	6	8	14
Способность быть уверенным и убедительным	7	8	7	8	2	5
Способность создавать и сохранять контактные сети и каналы связи с внешним миром	9	9	9	9	7	11
Способность не отставать от соответствующего местного, национального и международного политического, экономического и культурного опыта	10	10	10	12	14	12
Способность придерживаться плана и избегать лишнего контроля над собой	11	11	11	10	11	6
Знание местных, национальных и международных организаций	12	12	13	16	15	15
Способность проводить эффективные собрания	13	13	16	15	13	13
Способность влиять на людей и быть «победителем дня»	15	14	14	11	10	10
Способность к эффективной устной презентации	14	15	12	13	6	3–4
Способность хорошо готовить письменные презентации	16	16	15	14	5	1–2

Наибольшие несовпадения касаются *знания законов, потенциальных источников финансирования, административных навыков ставить задачи другим и контролировать их выполнение*, а также *рассчитывать и распределять необходимые финансовые ресурсы и аккуратно следить за их расходованием*, а также таких личностных качеств, как способность *придерживаться плана и избегать лишнего контроля над собой*. Важную роль ирландцы отводят умению вести переговоры, тогда как россияне в представлениях об успешном руководителе отводят этому навыку лишь среднюю позицию.

В полной мере идентично мнение отечественных и зарубежных управленцев относительно способности *эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы*.

Далеко не во всем совпадают точки зрения и у разных групп российских респондентов. Однако эти различия не столь существенны. Так, по мнению администраторов, вторую ранговую позицию должна занимать способность *ставить задачи другим и контролировать их эффективное выполнение*, с этим согласны также и театральные руководители. Директора музеев, напротив, в перечне компетенций размещают такую способность лишь на четвертое место. Аналогична ситуация относительно *знания законов*.

Заметны различия в позициях отечественных управленцев сферы культуры в сравнении с ирландскими коллегами относительно коммуникативной способности *проводить эффективно собрания*. С другой стороны, именно руководители учреждений культуры, или в предлагаемой интерпретации — менеджеры культуры в большей мере осознают важность такого навыка, как *способность к эффективной устной презентации*, по сравнению с администраторами сферы культуры.

Итак, данные, полученные на основе нового социологического инструментария, свидетельствуют о наличии как межстрановых, так и внутригрупповых различий исследуемых групп управленцев сферы культуры. Различия эти обусловлены как социокультурными особенностями стран, так и собственно спецификой управленческой деятельности каждой из групп респондентов.

Современные российские руководители сферы культуры ориентируются как на схожие с европейцами, так и на принципиально иные стратегии управленческой деятельности. Пять лет назад, например, россияне недооценивали значение инновационности и креативности, переоценивая при этом значение стрессоустойчивости, что серьезно отличало их от европейских управленцев. И сегодня российские руководители остаются заложниками

формальных схем управления, предполагая, что контроль за ситуацией, знание законов и способность ставить задачи исполнителям важнее всех остальных компетенций. Европейцы убеждены в необходимости несколько иных качеств для эффективного управления: в их ряду самые главные позиции занимают коммуникативные навыки управленческой деятельности. Более внимательно европейцы относятся к своему личностному потенциалу, справедливо полагая, что личностные навыки иногда важнее формальных навыков управленческой деятельности. Россияне явно недооценивают значение личностного ресурса, предполагая, что знание принципов организации управленческой деятельности, повсеместный контроль и знание законов обеспечат им успех в управленческой карьере.

Это явно указывает на переоценку российскими руководителями значения институциональных условий своей деятельности по сравнению с личностными ресурсами. Однако не исключено, что управленцы сферы культуры не просто недооценивают значение личностных качеств, а выделяют среди них те, которые напрямую не связаны с осуществлением управленческих функций как таковых, а имеют более широкий общегуманитарный характер. Данное предположение мы попытаемся проверить в рамках исследования, представленного ниже.

Критерии успешности: сравнительный анализ позиций американских и российских администраторов культуры

На следующем этапе исследования респондентам предлагалось определить критерии подбора успешного руководителя для организации, подобной той, в которой они работают. Для решения поставленной задачи была использована методика П. ДиМаджио⁹ [22], тем более, что критерии этого исследователя не совпадают ни с набором управленческих компетенций, предложенных П. Кланси, ни с характеристиками нашей шкалы, включающей 40 профессиональных и личностных управленческих качеств.

Сравнение представлений российских и американских управленцев по шкале П. ДиМаджио позволяло определить, насколько российские администраторы ориентированы на рыночные, а следовательно, конкурентные методы работы, какие критерии успешного управляющего они считают наиболее

⁹ Респондентами в 2004 г. выступили администраторы и менеджеры культуры России — всего 701 человек, опрос, проведенный в мае 2009 г., включал группу руководителей и специалистов одного из региональных органов культуры СЗФО в количестве 47 человек. В опросе П. ДиМаджио принимали участие 142 руководителя художественных агентств США, всего — 464 администратора и менеджера культуры.

лее значимыми, ориентируются ли они на опыт управления в сфере культуры или на любой другой опыт в смежной с культурой сферой.

Табл. 3 наглядно свидетельствует, что для российских администраторов культуры первостепенное значение при построении образа успешного управленца имеют такие качества, как: *понимание специфики культуры, эрудиция, тактичность, утонченность и стиль.*

Подобные предпочтения российских администраторов, в которых понимание специфики культуры сочетается с широкой эрудицией и одновременно с высокой сензитивностью к общегуманитарным личностным ресурсам, таким как тактичность, утонченность, целеустремленность, позволяют убедиться в том, что управленцы сферы культуры в меньшей степени ориентированы на волевые и лидерские качества, намного больше они чув-

Таблица 3

**Администраторы культуры США и России
о значимых критериях для успешного управленца сферы культуры
(ранговые оценки)**

	Администраторы культуры России	Руководители художественных агентств США
Понимание специфики культуры	1	4
Эрудиция	2	7
Тактичность, утонченность и чувство стиля	3	3
Целеустремленность	4	5
Профессиональная подготовка по одной из отраслей культуры	5	10
Профессиональная управленческая подготовка	6	9
Опыт работы в организации культуры	7	8
Умение составить бюджет	8	2
Управленческий опыт	9–10	1
Способность руководителя добиваться грантов	11	6
Знание маркетинга*	9–10	–
Личная способность руководителя привлекать денежные средства*	12	–

* *Примечание:* критерии «знание маркетинга» и «личная способность руководителя привлекать денежные средства» в анкету руководителей художественных агентств США не были включены.

ствительны к гуманитарным ценностям, к высокому уровню человеческого воспитания, которые с управленческими компетенциями как таковыми непосредственным образом не связаны. Существенно, что это общая тенденция и для отечественных, и для американских администраторов культуры, хотя и принято считать, что американцы отличаются от россиян большей прагматичностью.

Особое место в структуре выделенных качеств у российских управленцев занимает эрудиция, в то время как американцы помещают этот критерий в нижнюю часть списка. С чем это связано? Не исключено, что работники российских региональных органов культуры, как правило, являются трансляторами действующих норм и правил для широкого круга лиц, работающих в сфере культуры, что предполагает наличие разнообразных знаний. Нельзя не согласиться с Г. М. Елфимовым, отмечавшим, что в советские времена именно высокий уровень эрудиции являлся одним из важнейших факторов для приглашения специалиста на работу в органы государственного и местного управления [8, с. 109].

Не будем забывать, что, оценивая эрудицию как необходимую составляющую своей деятельности, российские администраторы культуры имеют в виду именно профессиональную эрудицию. Их коллеги

из США, придавая эрудиции весьма скромное значение, скорее всего, предполагают, что управленческий опыт, умение составить бюджет, тактичность, утонченность и стиль являются наиболее важными качествами по сравнению с остальными.

Оценки российских администраторов, согласно которым два качества из трех, наиболее важные для американских руководителей, фактически оттеснены на периферию «критериев успешности», свидетельствуют о том, что россияне по иному конструируют образ успешного руководителя, в первую очередь отдавая дань пониманию специфики культуры, эрудиции, утонченности и стилю. Почему столь различаются представления этих двух групп управленцев, сказать однозначно сложно. Но ясно одно: невысокое значение, придаваемое такому управленческому критерию, как *умение составить бюджет*, может объясняться привычкой российских руководителей работать в более «жестких финансовых рамках», где все процедуры в большинстве своем весьма ограничены. Это и может быть причиной явной недооценки россиянами подобных навыков.

Зоной совпадения представлений отечественных и американских администраторов культуры является высокая оценка критерия *тактичность, утонченность и стиль*. Подобную оценку критерия можно

объяснить и тем, что, как убеждают авторы известного бестселлера в области менеджмента, тактичность «позволяет лидеру распознать ценности, разделяемые коллективом, и приоритеты, которые побуждают людей к действию» [7, с. 46]. Скорее всего, это свидетельствует о желании отразить специфику культуры как общественного института, управление которым предполагает понимание уникальности возникающих ситуаций, способность учитывать их многообразие, использование «тонких» управленческих методов для их преодоления. Именно потому такие значимые для управленцев качества, как умение составить бюджет или способность руководителя добиваться грантов, получают у российских администраторов культуры столь невысокую оценку на фоне других качеств.

Обращает на себя внимание тот факт, что американцы весьма скептически относятся к наличию профессиональной подготовки по одной из отраслей культуры, тогда как отечественные управленцы ее относят к значимым факторам успешности. И это вполне логично. Сошлемся на мнение ведущего отечественного специалиста в области государственного управления Г. В. Атаманчука, утверждающего, что первейшим требованием к управленцу являются знания в области функционирования и организации управляемых объектов, без

чего ожидать успешного управления не стоит [1, с. 69].

Резюмируя, отметим, что согласно полученным данным, российские и американские администраторы культуры пока намерены добиваться успехов в работе за счет различных управленческих ресурсов. Видение образа успешного руководителя у российских управленцев является скорее традиционным, нежели связанным с условиями рыночных отношений. Как это следует оценить? Не исключено, что набор представлений отечественных администраторов культуры отражает тот скрытый запрос, который формирует к ним система государственной службы. Отказаться прислушиваться к таким сигналам — значит жить «не по правилам». Именно поэтому переориентация установок руководителей сферы культуры с традиционных на модернизационные может состояться только тогда, когда изменится сама система государственного управления в целом, когда принципы развития, модернизации и открытости перестанут быть декларативными, а превратятся в реальные инструменты оптимизации системы государственной службы.

По результатам проведенных исследований можно сделать несколько важных выводов относительно управленческих компе-

тенций администраторов культуры России.

Во-первых, европейские и российские руководители сферы культуры ориентируются на схожее видение образа успешного управленца. Это означает, что у них складывается приблизительно совпадающая картина относительно того, куда целесообразно двигаться в профессиональном и личностном развитии, чтобы добиться успеха в управлении сферой культуры своих стран, несмотря на существующие социальные, экономические и политические различия.

Иные тренды характерны для самооценок, где различия заметны и существенны. Прежде всего, это касается трех важнейших качеств: стрессоустойчивости, инновативности и креативности, которые собственно и лежат в основе модернизационного потенциала сферы культуры. Отмеченные расхождения в самооценках могут быть следствием принципиальных различий в формальных и неформальных правилах, принятых в институтах сферы культуры. Можно говорить, что в России институты оказываются сильнее действующих в них игроков, предопределяя тем самым характер избираемых управленческих стратегий. Более того, различия в самооценках российских и европейских администраторов свидетельствуют, скорее всего, не о том, что российские управленцы

в личностном и профессиональном плане слабее адаптированы к рыночным условиям, нежели европейцы, а о том, что в отечественных условиях эффективными оказываются принципиально иные стратегии управления.

Во-вторых, сравнение представлений ирландских и российских управленцев сферы культуры относительно навыков, необходимых современному руководителю в повседневной работе, показывает, что сами системы подобного видения отличаются существенным образом. Объединяет их лишь одно — понимание того, что современный управляющий должен уметь эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации. Только этим пространством совпадений и ограничивается, в остальном — такое складывается впечатление — можно предположить, что руководители имеют дело чуть ли не с разными управленческими областями. Так, если ирландские руководители самым главным для администратора культуры считают коммуникативные навыки, то россияне на первые позиции выводят административные задачи. Если для ирландцев важной является способность тонко вести переговоры и добиваться своих целей, то для российских управленцев большее значение имеет способность охватить всю проблему. Это означает,

что ирландские руководители действуют в открытом пространстве, тогда как российские администраторы продолжают решать накопившиеся проблемы, не ставя перед собой более значимых целей.

В-третьих, призыв к модернизации в России, скорее всего, может остаться лишь красивым лозунгом. Сравнение представлений отечественных и американских руководителей об успешном администраторе культуры позволяет говорить, что россияне все еще придерживаются традиционного видения относительно навыков, которыми должен обладать руководитель, чтобы успешно управлять внутриотраслевыми процессами. Императив специфики знания сферы культуры

для российского администратора остается значимым и сегодня, тогда как коллеги из США более высоко ставят управленческий опыт и умение составить бюджет. Это означает, что сфера культуры сегодняшней России работает пока в режиме «ручного управления», что не позволяет рассматривать ее как отлаженный институциональный механизм, а креативность не пришла еще на смену исполнительности. Подобное положение дел лишь воспроизводит традиционные требования к необходимому успешному управляющему навыкам, и позитивных трансформаций следует ожидать лишь тогда, когда изменится сама система государственного управления в целом.

1. *Атаманчук Г. В.* Управление и персонал государственного аппарата // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. № 2. С. 66–77.
2. *Барбакова К. Г., Васильева Е. Н.* Управленцы в сфере культуры: проблемы подготовки и профессиональной деятельности // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 65–69.
3. *Бояцис Р., Гоулдман Д., Макки Э.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
4. *Востряков Л. Е.* Европейские и российские администраторы культуры: образ идеального управленца // Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 39–55.
5. *Востряков Л. Е.* Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение СПб: Изд-во СЗАГС, 2005.
6. *Вудкок Д.* Раскрепощенный менеджер. М.: Дело, 1991.
7. *Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
8. *Елфимов Г. М.* Подготовка управленцев и проблемы учебного процесса // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 108–115.
9. *Игнатов В. Г., Белоплицкий В. К.* Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность. Ростов-н/Д: Март, 2000.
10. *Карпов А. В.* Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999.
11. *Косов Ю. В.* Методологические основы компетентностного подхода // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2009. Современное образование: опыт, проблемы, качество. СПб, Изд-во СЗАГС, 2009. С. 18–24.

12. Кротова Н. В. Психологическая структура личности молодого менеджера социально-культурной сферы: диагностика профессиональной и психологической пригодности // Культура: управление, экономика, право. 2003. № 2. С. 20–28.
13. Романов В. Л. Организационная культура государственной службы // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 5–24.
14. Сьючи Ш. Подготовка музейных директоров нового тысячелетия // Экология культуры. 1999. № 5.
15. Черныш М. Ф. Менеджеры: управление и культура // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 34–51.
16. Albanese R. Competency-based management education // Journal of Management Development. 1989. № 8 (2). P. 66–76.
17. Boyatzis R. E. The Competent Manager: A Model for Effective Performance. N.Y.: Wiley, 1982.
18. Cameron K. S. and Whetten D. S. Developing Management Skills. Illinois and L.: Scott, Foresman & Co, 1984.
19. Clancy P. Managing the Cultural Sector. Essential Competencies for managers in Arts, Culture and Heritage in Ireland. Dublin: Oak Tree Press, 1994.
20. Competent to Manage: Approaches to Management Training and Development / ed. by M. Silver. L.: Routledge, 1991.
21. Designing and Achieving Competency: A Competency-based Approach to Developing people and Organisation / eds. R. Boam and P. Sparrow. UK: McGraw-Hill, 1992.
22. DiMaggio P. Managers of the Arts. Washington: Seven Locks Press, 1987.
23. Durkan P., Harrison R., Lindsay P., Thompson E. Competence and Executive Education and Development in an SME Environment // IBAR — Journal of Irish Business and Administration Research. 1993. Vol. 14. № 1. P. 65–80
24. Harrison A. and Stuart M. B. Strike Duration and Strike Size // Journal of Economics, Canadian Economics Association. 1993. vol. 26(4). November. P. 830–849.
25. Hirsh W. and Bevan S. Managerial competences and skill languages // Competent to Manage: Approaches to Management Training and Development / ed. by M. Silver. L.: Routledge, 1991.
26. Hodgkinson C. Administrative Philosophy: Values and Motivations in Administrative Life. Kidlington; Oxford: Pergamon, 1996.
27. Stogdill R. M. Handbook of Leadership. N.Y., 1974.
28. The Formation of Professions. Knowledge, State and Strategy / eds. by R. Torstendahl and M. Burrage. L.: Sage publications, 1990.
29. Thomas R. E. Management competences // Competent to Manage: Approaches to Management Training and Development / ed. by M. Silver. L., 1991.
30. Woodruff C. What is Meant by a Competency // Designing and Achieving Competency: A Competency-based Approach to Developing people and Organisation / eds. R. Boam and P. Sparrow. L.: McGraw-Hill, 1992.

Л. Д. КОЗЫРЕВА

ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова

частно-государственное партнерство, миграционная политика, культурная толерантность, политика ассимиляции, мультикультурализм

Статья посвящена анализу тактических и стратегических проблем проводимой в России миграционной политики. По мнению автора, решить проблемы возможно путем перехода к политике мультикультурализма, формированию которой должно способствовать развитие частного-государственного партнерства в сфере трудовой миграции. Обсуждаются возможные формы такого партнерства и приводятся успешные примеры сотрудничества в этой области бизнес-структур с общественными организациями и органами власти.

Современные миграционные процессы являются важнейшей составной частью глобализации, формирования обществ с культурным и этническим разнообразием. Миграция во всех ее видах превратилась в ключевой фактор социальных преобразований и развития во всех регионах мира.

Регулирование миграционных процессов занимает важное место в политике Российской Федерации. Необходимость вмешательства государственной власти актуализи-

Key words:

public private partnership, migration policy, cultural tolerance, assimilation policy, multiculturalism

The article is concerned with the analysis of tactical and strategic problems of migration policy realizing in Russia. In the author's opinion it is possible to solve the problems by transition to the policy of multiculturalism, which formation should be promoted by development of public private partnership in the sphere of labor migration. Possible forms of the partnership are discussed and successful examples of cooperation of business structures with public organizations and public authorities in this sphere are presented.

рована такими социально-экономическими факторами развития страны, как депопуляция, несоответствие структуры рабочей силы потребностям экономики, неравномерность распределения человеческих ресурсов по территории, низкий уровень социальной и, прежде всего, трудовой мобильности и т. д.

Определенную часть этих проблем позволяет решить международная миграция. Согласно классификации ООН, субъектами международной миграции являются

студенты-иностранцы; иностранцы, приехавшие с целью профобучения; различные категории трудящихся-мигрантов; мигранты, прибывшие с целью воссоединения или создания семьи; иммигранты (или мигранты-поселенцы); беженцы; лица, ищущие убежища, — лица, которым разрешено пребывание по гуманитарным соображениям [6, с. 238].

Показателем эффективности государственного управления миграционными процессами является тот факт, что впервые за последнее десятилетие удалось достичь почти 70%-го замещения естественной убыли населения миграционным приростом. Однако, как показывает практика, проблем в данной сфере гораздо больше, чем позитивных результатов. К примеру, по данным Федеральной службы государственной статистики, число прибывших в Россию международных мигрантов уменьшилось за последние 10 лет в 2 раза. Естественно, речь идет об официально зарегистрированных лицах. Около 95% из них — выходцы из стран СНГ: Узбекистана, Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана¹. Очень противоречивое воздействие на международную миграцию оказывают кризисные явления в мировой экономике. Если в некоторых странах они привели к усилению миграционных

процессов, то в нашей стране отмечается последовательное снижение количества мигрантов.

С большими проблемами идет реализация государственных программ в сфере миграционной политики. Так, по Государственной программе содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, прибыло чуть больше 7 млн человек. Невелико число иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежища и получивших таковое в РФ (ежегодно 3–3,5 тыс. человек)².

Так, можно сформулировать множество претензий к деятельности Федеральной миграционной службы РФ, ее территориальных органов. Именно эти государственные структуры исполнительной власти призваны реализовывать государственную политику в сфере миграции и осуществлять правоприменительные функции, деятельность по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции. Данные опроса, проводимого на интернет-сайте ФМС, свидетельствуют о том, что значительное число граждан РФ (56,7% за 9 месяцев 2008 г.) отрицательно оценивают работу этих государственных структур.

Практически не решается острая проблема социальной за-

¹ Рассчитано по данным ФСГС [см.: 8].

² Рассчитано по данным ФМС [см.: 7].

щиты мигрантов. Такие меры не применяются даже в отношении вынужденных переселенцев, наиболее социально незащищенной социальной группы мигрантов. По признанию ФМС, доля вынужденных переселенцев, получивших социальную поддержку, от численности вынужденных переселенцев, нуждающихся в такой поддержке, за последние 5 лет не превышает в среднем 2,4% [см.: 7]. Кстати сказать, в современных условиях настоятельно необходим обязательный учет мигрантов органами социальной защиты. Сегодня этот вопрос отдан на откуп местным властям, которые решают его по своему усмотрению, чаще всего в зависимости от того, есть ли в наличии средства на решение подобных задач.

Очень много проблем создает нелегальная миграция. На сегодняшний день, это, пожалуй, наиболее слабое звено реализации миграционной политики. По экспертным оценкам, соотношение легальной и нелегальной миграции на территориях сосредоточения трудовых мигрантов составляет от 1:5 до 1:10. Хотя, как отмечают специалисты, в последние годы нелегальная миграция все больше легализуется и постепенно сокращается [5, с. 34].

Все указанные выше проблемы, в том числе и ряд других — не затронутых нами, — это задачи реа-

лизации миграционной политики. Иными словами, это элементы политической тактики, но есть и серьезные стратегические просчеты, которые необходимо учитывать.

Доминирующими в отечественной политике являются установки на ассимиляцию, предполагающую включение мигрантов в принимающий социум через одностороннюю адаптацию к условиям последнего. В этом случае роль государства заключается в создании наиболее благоприятных условий для успешной индивидуальной или групповой адаптации. Данный факт нашел отражение в научных публикациях последнего десятилетия (работы В. В. Амелина, А. Н. Демина, И. П. Поповой, В. С. Магуна и др.). Здесь изучались способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации, взаимосвязи готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи, затрагивались проблемы социальной инклюзии и т. д.

Весьма показательной была статья Е. С. Балабановой, в которой излагалась концепция совладания с жизненными трудностями вынужденного мигранта [1, с. 35–53]. Автор на основе анализа значительного эмпирического материала представляет поведение мигранта как движение по осям преимуществ, когда подъем вверх обуславливает накапливаемые преимущества, а спуск вниз —

углубление депривации. Эти передвижения ассоциировались с воронкой: накопление преимуществ ведет к расширению спектра доступных ресурсов по мере достижения промежуточных результатов, в то время как углубление депривации предполагает лишение не только значимых благ, но и возможностей подняться наверх.

В последние 5 лет акцент в исследованиях был перенесен с изучения проблем мигранта на принимающий его социум. Подобная переориентация научного интереса вызвана целым рядом факторов. Как отмечают исследователи, основная масса мигрантов прибывает в Россию из постсоветских государств, они транслируют расколотые символы веры, тенденциозные картины-образы минувшей и современной истории и через их призму воспринимают отечественную действительность, выстраивают стратегии поведения. В российском социуме они взаимодействуют с еще более контрастной маргинальной средой. Переплетение всех этих факторов создает конфликтогенную обстановку, в которой сводятся к минимуму возможности успешного взаимодействия мигрантов и принимающего общества, в которой заинтересовано немало влиятельных фигур из разных групп элит в России и стран происхождения мигрантов. Используя официальные и неофици-

альные ресурсы власти, они выстраивают в условиях внешней неупорядоченности взаимодействия трудящихся-мигрантов с российским социумом свой внутренний порядок, соответствующий их групповым интересам [2, с. 88].

Однако все эти исследования не выходят за рамки проблематики адаптации мигрантов в принимающем сообществе, отражая, таким образом, господствующую стратегическую линию государственной миграционной политики. Как нам представляется, ни сама стратегия, ни ее отражение в отечественной научной литературе, призванной разработать методологические основы политико-управленческих решений, не позволяют рассматривать проблемы современной миграционной политики. На наш взгляд, в кардинальном изменении нуждается исходная установка миграционной стратегии — переход от политики ассимиляции к политике мультикультурализма, предполагающей формирование в обществе культурной толерантности, готовности принять культурно-цивилизационные различия и, как следствие, изменить свое отношение и поведение относительно «чужого».

Для эффективной реализации подобной миграционной политики жизненно необходимо взаимодействие государства и институтов гражданского общества. Совершенно очевидно, что это сложнейшая

теоретическая и практическая проблема. Рассмотрим лишь некоторые ее аспекты, в первую очередь, — частно-государственное партнерство.

Частно-государственное партнерство — это взаимодействие государства и бизнеса в достижении общих целей социально-экономического развития страны. Практика показала целый ряд эффективных форм такого партнерства в различных сферах. К ним можно отнести: совместную разработку стратегических документов, нормативно-правовых актов в сфере взаимодействия; совместное финансирование социальных и экономических проектов; создание структур обучения и консультирования по тем или иным проблемам с обоюдным участием и т. д.

Есть возможности для такого сотрудничества и в сфере реализации миграционной политики, особенно в ее важнейшем направлении — трудовой миграции. Безусловно, оно выгодно для государства: это экономия и государственных средств, и времени для принятия решений. Для реализации такого взаимодействия сегодня есть определенные условия. Так, ФМС имеет полномочия на проведение лицензирования деятельности организаций, представляющих услуги по трудоустройству граждан Российской Федерации за рубежом. Этой государственной структурой проводятся специаль-

ные мероприятия по организации стажировок (производственной практики) для студентов российских вузов в иностранных компаниях. На наш взгляд, ФМС могла бы взять на себя и функцию лицензирования (и поддержки) организаций, осуществляющих набор (подбор) кадров за рубежом для нужд российской экономики. Подобные варианты взаимодействия возможны и на региональном уровне — в форме сотрудничества территориальных органов ФМС с местными бизнес-структурами.

Для бизнеса такое взаимодействие с государством чрезвычайно привлекательно и выгодно: во-первых, бизнес имеет существенную государственную поддержку; во-вторых, бизнес участвует в стабильно-прибыльной деятельности.

К подобному сотрудничеству могли бы подключиться и исследовательские структуры, т. к. интересы работодателей не могут быть единственным источником определения потребностей региона в иностранной рабочей силе. Необходим постоянный мониторинг трудовой мобильности, динамики движения рабочей силы, включающий не только оценку, но и ее прогноз.

Формы такого сотрудничества можно видеть на примере взаимодействия ФМС и общероссийской общественной организацией «Деловая Россия». Это оказание взаим-

ных информационно-консультационных услуг; организация семинаров, встреч, «круглых столов» и других мероприятий, направленных на решение проблем в сфере миграционной политики. Подобные соглашения о сотрудничестве ФМС имеет с некоммерческой организацией «Ассоциация региональных банков России», ОАО «Национальное бюро кредитных историй» и т. д.

В качестве примера позитивной региональной миграционной политики, направленной на создание и укрепление социального партнерства государства и институтов гражданского общества, можно назвать разработанную и реализуемую на практике городскими властями «Программу гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 гг.» [4].

Особую роль могут сыграть бизнес-структуры и общественные организации в осуществлении дифференцированного подхода к различным группам мигрантов. К примеру, когда речь идет о консультационных услугах, необходимо учитывать, что существуют значительные различия в социализации групп мигрантов. Часть (большинство) мигрантов не намерена закрепляться в России и усваивает минимально необходимый объем

информации о принимающем обществе, обеспечивающей гарантированную реализацию их целей (получение дохода и возвращение на родину). Другая часть состоит из мигрантов, ориентированных на закрепление, постоянное проживание и последующее обретение российского гражданства. Они стремятся получить максимальный объем информации и формируют из разрозненных представлений относительно целостные (с точки зрения мигрантов) политико-географические, экономико-географические и этнокультурные образцы их пребывания и деятельности. Это помогает мигрантам лучше осваивать новые статусы и роли, вырабатывать адекватные стратегии поведения и успешно адаптироваться к окружающей среде.

Необходимо также учитывать и гендерный аспект современной миграции. Сегодняшний трудовой мигрант — это, в основном, мужчина трудоспособного возраста (25–40 лет), имеющий среднее образование, полученное на родине. Многие из трудовых мигрантов плохо владеют русским языком, что создает дополнительные трудности в общении и освоении реалий российской жизни.

При реализации дифференцированного подхода необходимо учитывать и еще один важный факт: этап социокультурной адап-

тации (интеграции) мигранта. Так, специалисты полагают, что социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное общество характеризуется последовательностью осуществления, охватывая этапы: предварительный, адаптационный (или начальный), модификационный и результирующий. На предварительном этапе интеграции у переселенцев преобладают морально-психологические интегративные качества, связанные с самосохранением в условиях повышенного социального риска, и культурно-коммуникативные консолидирующие ценности, направленные на сохранение жизни и человеческого достоинства, такие как: безопасность, самоуважение, жизнь, будущее. Адаптационный этап интеграции характеризуется приоритетностью проявления у интегрантов морально-психологических качеств (способность к совладанию с травмирующей ситуацией), а также культурно-коммуникативных интегративных качеств (способность овладения знаниями о сообществе). На этом этапе актуализируются определенные морально-психологические и культурно-коммуникативные ценности: позитивное эмоциональное состояние, толерантность, этничность, познание нового, футурологический оптимизм. В рамках модификационного этапа интеграции

доминируют социально-экономические качества интегрантов, выражающиеся в способности к самоорганизации, профессиональной мобильности, легализации, преобразованию жизненных стратегий; преобладают социально-правовые и социально-экономические ценности, такие как легитимность, партнерство, социальное согласие, сотрудничество. Результирующий этап отличается превалярованием культурно-коммуникативных качеств, отражающих способность к сохранению устойчивости интегративно-культурных связей и основ жизнедеятельности. В условиях данного этапа активизируются ценности социокультурной идентификации с сообществом, устойчивости, стабильности [3, с. 20].

Кроме того, многое зависит от того, насколько самостоятелен мигрант. Как показывает практика, основной функцией государственной службы по отношению самостоятельного мигранта является не столько помощь, сколько устранение барьеров для самостоятельной адаптации. В противном случае — когда в качестве мигранта оказывается социально незащищенный субъект — роль государственной службы несоизмеримо возрастает и усложняется. Здесь могли бы подключиться негосударственные организации, цель которых — помочь в формировании социальных сетей

общения. Это предполагает не только психологическую поддержку, но и помощь в простых «жизненных ситуациях», эффективном использовании имеющихся ресурсов. Это может осуществляться в форме индивидуальных и групповых консультаций, организации вечеров встреч, различных культурных мероприятий.

Однако «внешняя поддержка» не может быть долговременной. Во-первых, она чрезвычайно затратна как для государства, так и для институтов гражданского общества. Во-вторых, она может привести к формированию у индивиду-мигранта «диффузии ответственности», возникающей в том случае, когда «внешняя поддержка» оказывается слишком мощной, блокирующей личную инициативу.

Как видно из приведенных данных, проблема чрезвычайно сложна, многогранна и требует незамедлительного решения. На современном этапе необходима такая

миграционная политика, которая позволила бы одновременно и привлечь в отечественную экономику легальных квалифицированных иностранных работников, и сохранить социальную стабильность, национально-этническое единство страны. Для этого важно осуществить следующие меры: в политике дифференцировать подход к различным группам мигрантов как на федеральном, так и на региональном уровне, усилив адресность социальной помощи. Кроме того, следует осуществлять постепенный переход от политики ассимиляции к политике формирования подлинного мультикультурализма, который обогатит как мигрирующих, так и принимающее общество. Эффективное решение этих задач сегодня уже невозможно без участия в политике институтов гражданского общества в форме частно-государственного, и еще шире — социального партнерства.

1. Балабанова Е. С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. 2000. № 2. С. 35–53.
2. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. 2006. № 9.
3. Маслова Т. Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI вв. (на примере Ставропольского края). Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2009.
4. О Программе гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 11 июля 2006 г. № 848 [Электронный ресурс] //

- Официальный портал администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru/today?newsid=4661> (дата обращения: 15.01.2010).
5. *Соболева С. В. Чудаева О. В.* Иностранцы мигранты на рынке труда Новосибирской области: результаты экспертного опроса // Регион: экономика и социология. 2007. № 3.
 6. *Юдина Т. М.* Социология миграции. М., 2006.
 7. Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: // www.fms.gov.ru (дата обращения: 15.01.2010).
 8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: // <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.01.2010).

М. А. КАШИНА

ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова:

социальная политика, гендерная политика, гендерная группа, гендерные отношения, модель управленческого процесса

Key words:

social policy, gender policy, gender group, gender relations, model of management process

В статье рассматривается гендерно ориентированная социальная политика. Автор подчеркивает, что ее необходимо рассматривать как элемент управленческого процесса, и предлагает свою модель этого процесса. В данную модель включаются акторы, факторы, условия, цели и результаты гендерно ориентированной социальной политики. Автор утверждает, что гармонизация гендерных отношений путем удовлетворения стратегических потребностей гендерных групп является одним из важнейших ресурсов развития человеческого потенциала России.

Gender-oriented social policy is considered in the article. The author states that it should be investigated within the logics of management process and suggests the own model of this process. Actors, factors, conditions, goals and results of the gender-oriented policy are included in the model. The author states that harmonization of gender relations via satisfaction of strategic requirements of gender groups is one of the major resources of human potential development in Russia.

Следуя уже сложившейся в отечественной науке традиции, социальная политика рассматривается в данной статье не просто как комплекс мер социальной помощи лишь самым нуждающимся. Это «фокус», в котором сходятся и интересы нередко противоборствующих в состязании за ограниченные ресурсы социальных групп, и представления о справедливости, и общесоциетальные потребности [20, с. 21].

Следует согласиться с И. Григорьевой в том, что цель социальной

политики — это регулирование и согласование интересов для устойчивого и сбалансированного развития общества, достижения социального мира или общественного согласия. При этом согласование интересов — гораздо более важная цель, чем удовлетворение интересов любой, самой почтенной или самой перспективной социально-возрастной группы [9, с. 31].

С этой точки зрения правильно было бы говорить не просто о защите интересов женщин или муж-

чин в результате проведения гендерно ориентированной социальной политики, а о согласовании этих интересов, ведущем к развитию гендерных отношений в обществе. Это, в свою очередь, будет укреплять и гармонизировать всю систему социальных отношений, способствовать реализации в ней принципов социальной справедливости, более полному удовлетворению общесоциетальных потребностей и развитию человеческого потенциала.

С другой стороны, учет в практической деятельности государственных органов потребностей гендерных групп как больших социальных групп со специфическими интересами демонстрирует направленность государственного управления на выполнение социальных функций, «обеспечение не только экономического, но культурного и политического развития, соблюдение интересов различных слоев населения, удовлетворение разнообразных (не только потребительских) интересов граждан» [2, с. 35].

Далее будут проанализированы цели, задачи и возможные результаты гендерно ориентированной социальной политики, а также препятствия, стоящие на пути ее осуществления.

Социальную политику, в том числе учитывающую гендерный фактор, следует рассматривать не

только как политическую, но и, в первую очередь, как управленческую деятельность. Речь должна идти о принятии политических решений, об их реализации и результатах этой реализации. Тем самым в социальной политике можно выделить внутренний управленческий контур, охватывающий ее субъектов, объекты и результаты, а также внешнюю среду, в которой данная социальная политика развивается. Внешняя среда определяет как постановку целей субъектами (актерами) социальной политики, так и характер получаемых результатов. На рис. 1 представлена схема анализа гендерно ориентированной социальной политики¹ как управленческого процесса.

¹ В научной литературе используются различные термины для характеристики гендерного измерения социальной политики. Так, Наила Кабир предлагает выделять гендерно нечувствительную (гендерно слепую) и гендерно чувствительную политику. Если в первом случае гендерные различия в проводимой политике никак не учитываются, то во втором они, как минимум, признаются, как максимум — ложатся в основу разрабатываемых программ социально-экономического развития [15, с. 47]. В данной статье вводится термин «гендерно ориентированная социальная политика», чтобы сузить диапазон рассматриваемых вариантов. С его помощью не просто фиксируется чувствительность государства и других акторов социальной политики к гендерным проблемам, а подчеркивается необходимость реального учета гендерного фактора в проводимой политике. Тем самым из состава гендерно ориентированной политики исключаются гендерно слепая и гендерно нейтральная.

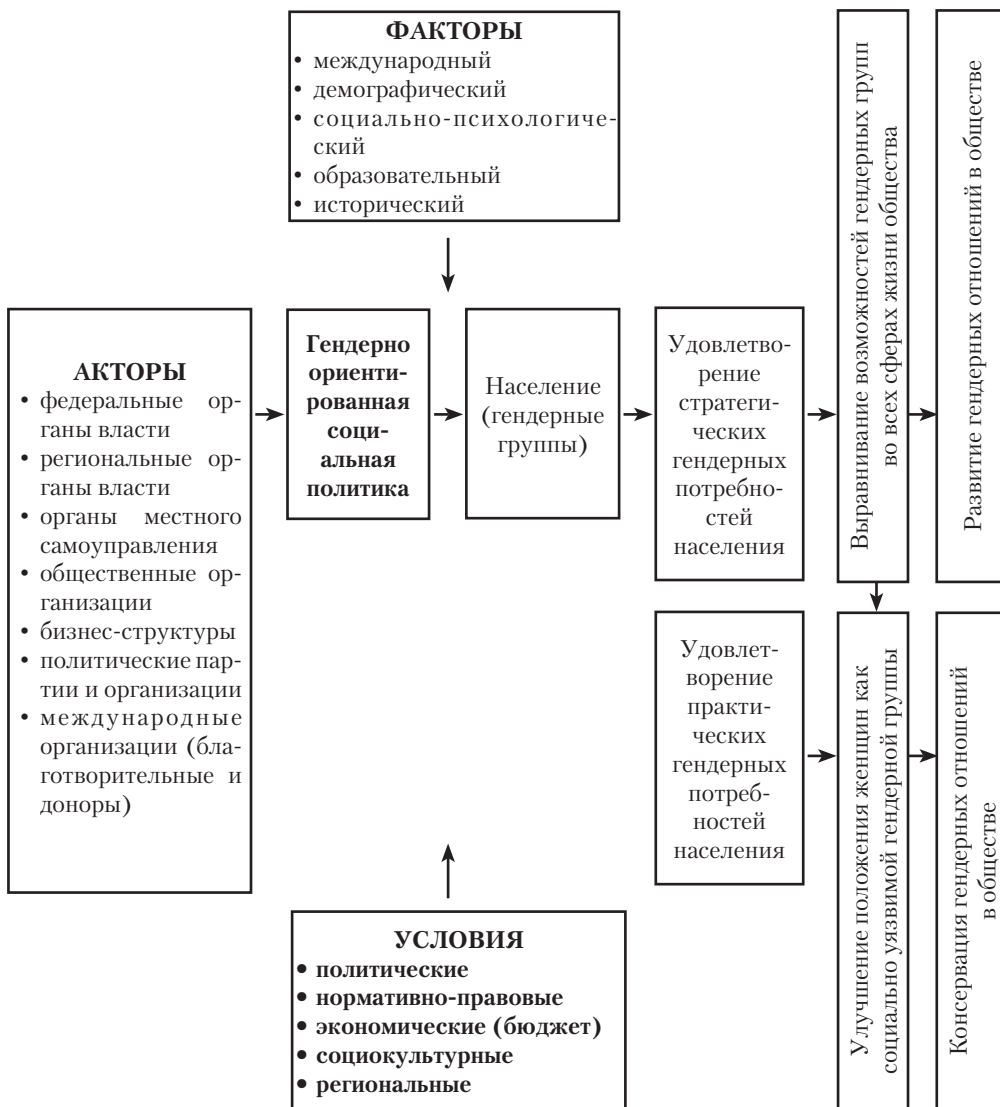

Рис. 1. Акторы, условия и факторы формирования и реализации гендерно ориентированной социальной политики

Субъектами управления выступают различные акторы социальной политики, от государственных органов до благотворительных фондов,

объектом — население (гендерные группы), предметом управленческого воздействия — гендерные отношения, целью — удовлетво-

ние гендерных потребностей населения.

Внешняя среда гендерно ориентированной социальной политики может быть классифицирована по двум направлениям.

1. *Факторы внешней среды*, т. е. те элементы общественных отношений (социальные и политические институты, процессы, структуры), которые определяют выбор государством того или иного типа социальной политики. Характер и уровень развития отдельных факторов может активизировать или, наоборот, тормозить ее разработку и проведение. Оценка влияния тех или иных факторов на успешность гендерно ориентированной социальной политики требует специальных исследований, но понятно, что на разных этапах исторического развития страны роль и значимость отдельных факторов различна. Рассмотрим это на примере международного фактора. Он играл ключевую роль (хотя и только де-юре) в признании значимости проблемы гендерного неравенства на этапе вхождения России в мировое сообщество в начале 1990-х гг. Сейчас его значение заметно снизилось, что, впрочем, не означает достижение Россией всех целей гендерного развития, зафиксированных в международных документах. В настоящее время в российском общественном и политическом дискурсе актуализировалась демографическая

проблематика, напрямую связанная с гендерными отношениями. Хотя сам процесс депопуляции в стране, как известно, начался гораздо раньше (в 1990-е гг.).

2. *Условия внешней среды* — элементы общественных отношений, формирующие необходимую базу для проведения гендерно ориентированной социальной политики. Если эти условия не сформировались, то социальная политика будет оставаться гендерно «слепой» (гендерно нечувствительной), поскольку ее акторы не придают значения гендерному фактору в социальном развитии. Условия, как и факторы, меняются с течением времени. Но, в отличие от факторов, они более взаимосвязаны, образуя систему условий.

Политические решения влекут за собой нормативно-правовые, те, в свою очередь, задают рамки реализации экономических программ. Например, определение политиками приоритетов развития страны или региона найдет свое отражение в принятии законодательными органами тех или иных правовых актов, которые станут основой для разработки национальных или региональных программ социально-экономического развития, реализуемых исполнительными органами.

Социокультурные характеристики определяют форму и характер существования всех вышеназван-

ных условий. Имеется в виду, что национальная культура влияет и на политический процесс, и на нормотворческий, и на особенности экономического развития.

В силу федеративного устройства России все условия проведения гендерно ориентированной социальной политики имеют свое региональное прочтение, учитывающее особенности конкретного субъекта Федерации. Является этот субъект городом федерального значения, автономным национальным округом, республикой, краем или областью; дотационный это регион или регион-донор, как складываются в нем межнациональные и межконфессиональные отношения — все эти факторы определяют конфигурацию гендерно ориентированной социальной политики на региональном уровне.

Принципиально важное значение для анализа гендерно ориентированной социальной политики имеет ее разделение на два типа. Политика первого типа учитывает практические гендерные потребности [см.: 15, с. 46–48]. Она ведет к консервации сложившихся в обществе гендерных отношений. Именно этот тип представлен сегодня в российской демографической политике, которая носит ярко выраженный пронатальный характер. Она направлена на облегчение финансового бремени семей с детьми и помощь женщине в реализа-

ции ее материнской роли. Женщина-мать в отличие от мужчины-отца выступает в качестве особого объекта государственной социальной политики. При этом женщина вне ее материнской роли как такой объект государством не учитывается.

Мужчина в социальной политике России не рассматривается ни как отец, ни как просто лицо мужского пола. Де-факто отдельные группы мужчин давно уже находятся в зоне государственного внимания и помощи, но это никак не оформлено де-юре. Хорошо известно, что есть гендерно маркированные девианты и социально уязвимые группы мужского населения: алкоголики, лица божж, заключенные, освободившиеся из мест заключения и т. д. Есть целевые программы помощи и реабилитации этих людей, государственные учреждения, работающие с ними. Причем априори считается, что все эти люди — мужчины. Например, в Санкт-Петербурге до недавнего времени ночлежка была только для мужчин, хотя есть бездомные женщины, а предметы гигиены не были включены в список того, что необходимо людям, находящимся в следственных изоляторах, хотя существуют женские СИЗО.

Другими словами, государство даже в рамках удовлетворения общевитальных потребностей своих граждан не всегда справляется со

своими обязанностями. Не из-за того, что у него нет для этого ресурсов, а потому что чиновники, в обязанность которых входит эти потребности выявлять и разрабатывать программы по их обеспечению, «не берут в голову», что у лиц разного пола существуют определенные потребности и эти потребности могут оказаться различными.

Говоря обобщенно, для российского государства гендерные потребности населения (вне рамок демографии) остаются во многом латентными, неартикулированными, неотрафлексированными в дискурсе социальной политики. Сегодня в российском обществе начался процесс такого осознания, в том числе и благодаря развитию отечественных гендерных исследований, но до полномасштабного внедрения гендерного подхода в государственную социальную и экономическую политику России еще очень далеко.

Второй тип гендерно ориентированной социальной политики направлен на удовлетворение стратегических гендерных потребностей, на трансформацию и гармонизацию сложившихся в обществе гендерных отношений, преодоление их асимметрии. Цель такой политики — выравнивание возможностей гендерных групп. Только такие приоритеты могут служить целям человеческого развития, т. к. обуславливают расширение индивидуальной свободы и возможностей

личностной самореализации как женщин, так и мужчин.

Важно понимать, что политика удовлетворения стратегических гендерных потребностей, также как и политика первого типа, улучшает положение женщин как социально уязвимой группы. Но, в отличие от политики, консервирующей сложившийся гендерный порядок и рассматривающей только практические гендерные потребности, она не углубляет социально-экономическую зависимость женщин от государства. Наоборот, данная политика направлена на преодоление этой зависимости, на превращение женщин в самостоятельных социальных акторов, которые имеют собственные источники доходов (а не только пособия и другие социальные трансферты), и потому такие женщины не зависят ни от выплат государства, ни от зарплат своих мужей.

Другим принципиальным моментом выступает полисубъектность гендерно ориентированной социальной политики. Ее субъектами (акторами) способны выступать не только органы власти и управления, но также общественные организации, бизнес-структуры, политические партии — словом, все те, кто в своей деятельности так или иначе воздействует на уровень и качество жизни людей и определяет характер и способы социального воспроизводства в обществе. Более

того, сегодня весьма актуальной становится тема социального партнерства государства и гражданского общества в решении социальных задач [см., напр.: 14].

Роль и значение отдельных акторов различно и определяется, в первую очередь, моделью проводимой в стране социальной политики. В социал-демократической модели приоритет принадлежит государству, в корпоративной (континентальной) — основная ответственность за социальное благополучие лежит на работодателе (корпорации) и работнике. В либеральной модели на первый план выходят общественные организации и социальные сети, поскольку государство отвечает за поддержку достаточно узкой прослойки самых неимущих, а корпорации, стремясь к экономическому успеху, «сбрасывают» свою социальную инфраструктуру. При этом эффективность общественных организаций в сфере социальной политики определяется прежде всего уровнем гражданской активности, развитием волонтерского движения, зрелостью гражданского общества как такового. В ситуации, когда гражданское общество в России *еще* только формируется, а государство *уже* отошло от социальной политики в ее советском по сути своей социал-демократическом варианте, происходит стагнация процессов вертикальной мобильности

и рост социальной поляризации в обществе, замедляется процесс человеческого развития.

Как бы мы не относились к советскому прошлому, но проводимая СССР политика в социальной сфере имела очевидные достижения, ведущие к человеческому развитию: доступность медицинского обслуживания и образовательных услуг, система бесплатного дошкольного образования, санаторно-курортное лечение трудящихся и т. д. Говорить, что сегодня в России есть полноценный эквивалент всем этим советским социальным сервисам, значит грешить против истины.

Предметность и эффективность решения гендерных проблем различными акторами социальной политики определяется факторами и условиями, сложившимися в стране. Каждый из этих акторов способен проводить собственную гендерно ориентированную социальную политику, если для этого у него есть свои специфические необходимые (хотя и не достаточные) условия:

- для органов власти и управления — политическая воля руководства страны, регионов, отдельных муниципалитетов к проведению политики гендерного равенства;
- для общественных организаций — наличие группы граждан, заинтересованных в решении гендерных проблем и готовых работать над этим;

- для бизнес-структур — экономическая отдача от гендерных программ;
- для политических партий — политические дивиденды от гендерных программ;
- для международных организаций — руководящие документы, мандаты и регламенты в области гендерного равенства.

Необходимым для всех без исключения условием является разработанная нормативная правовая база по вопросам преодоления гендерного неравенства и наличие в стране реальной правоприменительной практики в этой области.

Большое значение приобретает осознание акторами социальной политики гендерного аспекта своей деятельности в области социально-го воспроизводства.

Протицируем экспертов Программы развития ООН. Они пишут: «Аргументы в пользу подхода с учетом гендерных факторов и в поддержку равноправия полов во всех проектах и программах обычно сводятся к шести следующим категориям: “справедливость и равенство”, “доверие и отчетность”, “эффективность и устойчивость” (“макроизмерение”), “качество жизни” (“микроизмерение”), “международные союзы”, “цепная реакция» [17, с. 17].

Первая группа аргументов связана с необходимостью для государства выполнять принятые на

себя международные обязательства² в области обеспечения прав человека, что определяет его имидж в международном сообществе.

Вторая группа касается обратной связи властей и населения, работодателей и работников. Поскольку избирателями и работниками являются и мужчины, и женщины, решение гендерно значимых вопросов — это способ показать, что проводимая руководством политика направлена на реализацию конкретных практических целей

² Россия (а до нее СССР) подписала и ратифицировала большинство международных документов, имеющих отношение к обеспечению прав женщин как особой группы и направленных на достижение гендерного равноправия. В их числе: Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 100 «О равном вознаграждении за труд равной ценности» (1951), Конвенция МОТ № 111 «О недопущении дискриминации в сфере труда и занятий» (1958), Конвенция ЮНЕСКО «О борьбе с дискриминацией в области образования» (1960), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979), Конвенция МОТ № 156 «О работниках с семейными обязанностями» (1981). Официальная делегация РФ участвовала в работе IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995). Наша страна присоединилась к Пекинской декларации и Платформе действий. Российская Федерация участвовала в саммите тысячелетия ООН в 2000 г. и подписала программу действий до 2015 г. «Цели развития на пороге тысячелетия», обязалась представлять в эту международную организацию периодический доклад о достижении этих целей.

в интересах конкретных людей, а не абстрактных индивидов. Это усиливает доверие и поддержку властей со стороны рядовых избирателей, а руководства — со стороны работников.

Третья группа аргументов касается процветания и развития нации в целом, «макроаспектов» развития. Это наиболее очевидная группа доказательств в пользу необходимости учета гендерного фактора в социальной политике разных уровней. Во всем мире половину населения составляют женщины, и везде их потенциал не используется для целей развития страны в полной мере. Всемирный Банк специально провел целую серию исследований на эту тему [см., напр.: 7]. Россия — не исключение. Факты недоиспользования интеллектуального и трудового потенциала россиянок общеизвестны: от гендерной сегрегации в профессиональном образовании, вследствие чего лишь незначительный процент известных российских ученых, занимающихся исследованиями в области точных наук, представляют женщины, до вертикальной гендерной сегрегации на рынке труда, в связи с чем женщины недостаточно участвуют на уровне принятия стратегических решений и существенно отстают от мужчин по доходам.

Психологи и отечественные, и зарубежные неоднократно доказывали отсутствие различий между мужчинами и женщинами в интел-

лектуальных способностях и личных качествах [см.: 3; 5; 13]. Тем не менее, гендерные стереотипы по-прежнему дифференцируют социальные роли и профессии на мужские и женские. Внедрение гендерных подходов на макроуровне будет способствовать преодолению гендерной сегрегации рынка труда, а это с необходимостью приведет к росту индекса развития человеческого потенциала и индекса развития с учетом гендерного фактора, а через это — к повышению устойчивости общественного развития страны.

Следующая группа аргументов в пользу необходимости учета гендерного фактора в социальной политике касается качества жизни населения. Здесь речь должна идти о том, что выравнивание статусов и возможностей гендерных групп будет вести не только к улучшению положения женщин, но и к оздоровлению всей общественной жизни. Чем более благополучен и здоров каждый отдельный член общества (и мужчина, и женщина), тем благополучнее общество в целом.

Согласно социологической теории, причины девиантного (отклоняющегося) поведения связаны с характером разрешения индивидом объективного противоречия «одобряемые цели — разрешенные средства». По мнению Р. Мертона, «девиантность является побочным продуктом экономического нера-

венства и отсутствия равных возможностей» [8, с. 184]. Девианты — это люди, которые отчаялись (или не хотят) добиться желаемого легитимными (легальными) средствами. Причины проституции, в частности, коренятся не столько в сексуальности людей, сколько в экономическом положении женщины, ее зависимом социальном статусе. Достаточно вспомнить классическую повесть А. Куприна «Яма». Поэтому и преодолевать проституцию нужно в первую очередь социальными средствами, повышая статус женщины, создавая для нее возможности добиваться желаемых целей, не прибегая к нарушению социальных норм.

Пятая группа доказательств необходимости гендерного подхода в социальной политике — участие государства в международных союзах. В мире существуют страны с разным отношением к необходимости гендерного равенства в обществе, не везде этот вопрос находится в политической повестке дня. Вместе с тем в условиях глобализации членство в международных союзах становится для государств объективной необходимостью. В развитых странах с высоким уровнем демократии гендерное равенство стало неотъемлемой частью политического ландшафта (это не означает, конечно, что все проблемы в этой области там решены), поэтому, чтобы вступить в союз с такими

странами, другим государствам приходится хотя бы формально признать необходимость стремления к гендерному равенству. Наглядный пример — Европейский союз. «В качестве предварительного условия вступления в ЕС страны-кандидаты обязаны предпринять ряд мер, направленных на обеспечение равенства полов» [17, с. 18].

И, наконец, цепная реакция. Речь идет о том, что реализацию гендерного подхода в социальной политике не следует рассматривать как кампанию, рассчитанную, скажем, на год, которую провели, а потом о ней можно забыть. Это стратегия развития, состоящая из отдельных этапов, каждый из которых предусматривает свои конкретные и локальные цели. Гендерного равенства, как и общественного благосостояния, не может быть много.

С другой стороны, достижение гендерного равенства в одной отдельно взятой сфере жизни, решение одной отдельно взятой проблемы гендерных отношений, будет вести к изменению характера гендерных отношений в других сферах и в обществе в целом, создавая тем самым условия для решения более сложных проблем. Верно и обратное. Недоучет (или прямое игнорирование) гендерного фактора будет вести к усилению гендерного неравенства.

Другими словами, гендерный подход в социальной политике

должен реализовываться системно с учетом имеющихся связей и отношений в объекте этой политики. Эту системную природу гендерных проблем можно показать на примере действий государства по решению одной из самых актуальных для современной России проблем — демографической.

То, что в нашей стране наблюдается процесс депопуляции (т. е. смертность превышает рождаемость), факт общеизвестный. По оперативным данным Федерального агентства по статистике, за 9 месяцев 2009 г. показатель естественной убыли населения достиг 186,3 тыс. человек и миграционный прирост смог ее компенсировать. В результате на 1 октября 2009 г. численность населения России составила 141,9 млн человек, и с начала года она увеличилась на 5,3 тыс. человек, или на 0,004% [10]. Однако данный прирост был достигнут не в силу превышения рождаемости над смертностью, а за счет миграционного прироста, т. е. тенденция депопуляции в стране еще не преодолена.

Для простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости (т. е. количество детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста) должен находиться в диапазоне 2,15–2,25. Самое низкое значение этого показателя было зафиксировано в нашей стране в 1999 г. —

1,157 ребенка на женщину репродуктивного возраста (для городского населения — 1,045, для сельского — 1,534). В 2007 г. он составил 1,406 (1,283 — для городских женщин и 1,798 — для сельских) [19, с. 78].

В качестве магистрального пути повышения рождаемости государство выбрало поддержку средне- и многодетных семей, введя ряд мер экономического стимулирования рождения вторых и последующих детей, в том числе «материнский» (семейный) капитал [18]. Тем не менее, в условиях традиционного разделения ролей и домашнего труда в российских семьях рождение ребенка (в том числе второго и последующих) будет «выталкивать» женщину с рынка труда, повышать уровень экономической зависимости от мужа и в результате лишит ее самостоятельного социального статуса. При этом «незащищенность экономически зависимой женщины, — отмечает Е. С. Балабанова, — выражается в подчинении ее личных интересов интересам семьи, разделении домашнего труда, которое женщина не может изменить в свою пользу, ее уязвимости перед насилием» [1, с. 62].

В России практически нет институциональных механизмов компенсации женщинам перерывов в карьере, вызванных материнством. «Материнский» (семейный) капитал не стал таким механизмом

по той простой причине, что государство строго ограничило направления его использования. Статья 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» гласит: «Лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме или по частям по следующим направлениям:

1. Улучшение жилищных условий;
2. Получение образования ребенком (детьми);
3. Формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин» [18].

Последние изменения, внесенные в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 января 2009 г. № 20, ситуацию принципиально не меняют. В связи с финансовым кризисом и необходимостью выплаты семьями ипотечных кредитов разрешено использовать материнский капитал на погашение ипотеки раньше, чем ребенку исполнится 3 года.

Женские организации еще на этапе разработки самого закона по мерам государственной поддержки семей с детьми предлагали разре-

шить использование средств материнского капитала не только на обучение детей, но и на восстановление квалификации, утраченной женщиной в результате нахождения в отпуске по уходу за ребенком, но эти предложения не были услышаны.

Даже женщины, потенциально обладающие возможностями получения достаточного дохода путем оплачиваемой занятости, в период отпуска по уходу за ребенком становятся зависимыми от членов своей семьи, т. к. пособие на ребенка не может компенсировать им утрату собственного заработка. Поскольку домашний труд в России по определению является женским и неоплачиваемым, то рождение ребенка объективно ведет к усилению гендерного неравенства в семье и в обществе [подробнее см.: 12].

Речь не идет о том, чтобы медленно увеличить размер пособия по уходу за ребенком и другие «детские» выплаты, сделав их сопоставимыми с заработной платой, получаемой работниками в экономике. Существуют объективные причины, не позволяющие это сделать, в частности, доля бюджета, которую государство может выделить на поддержку семей, не нанося ущерба другим значимым целям социально-экономического развития. Нужно говорить о пересмотре традиционного разделения ролей

в семье и о перераспределении домашней нагрузки, с одной стороны, и о создании возможностей возвращения к достойной оплачиваемой занятости для тех матерей, которые хотят это сделать. Это задача государства и его специализированных органов, которые должны обеспечить при необходимости бесплатное переобучение этой категории граждан через службы занятости, сформировать рынок качественных услуг по уходу за детьми, создавать и развивать школы полного дня и т. д.

Международное женское движение второй волны выработало и предложило в качестве основы гендерно ориентированной государственной социальной политики новую стратегию — «gender mainstreaming» (комплексный подход к проблеме гендерного равенства или гендерная интеграция).

Эта стратегия основана на системном подходе и предполагает интеграцию вопросов гендерного равенства в общий контекст общественной жизни. Составной частью этого подхода является анализ управленческих решений с точки зрения их последствий для гендерных групп, что предусматривает знание гендерной проблематики лицами, принимающими решения [6, с. 90].

Стратегия гендерного мейнстриминга явно не использовалась при разработке современной россий-

ской демографической политики, хотя совершенно очевидно, что последствия ее реализации будут различны для мужчин и женщин. Более того, меры по дополнительной поддержке семей с детьми, реализуемые российским государством без учета контекста гендерных отношений, сложившихся в стране, могут вообще не достигнуть своих целей. Рождаемость не поднимется так значительно, как это нужно для целей стабилизации численности населения России, в то же время уход определенной доли женщин с рынка труда в отпуск по уходу за детьми приведет к усилению гендерного неравенства и дальнейшей феминизации бедности, что в корне противоречит целям социального государства.

То же можно сказать в отношении реализуемых в России четырех национальных проектов. Хотя они направлены на решение социальных проблем и социальное развитие, но не содержат никакого упоминания о гендерных проблемах. Как отмечает И. Калабихина, гендерное равенство не рассматривается ни в качестве отдельного национального проекта, ни в качестве заявленной цели в существующих проектах, ни в качестве критерия экспертизы национальных проектов и демографической политики, ни в качестве конкретных задач, индикаторов и финансов на исполнение этих задач [21, с. 412].

Исключением можно считать введение родовых сертификатов и расширение доступа к образованию для мужчин — военнослужащих срочной и контрактной службы. Тем не менее, это не более чем удовлетворение практических гендерных потребностей, ничего не меняющее в социальных статусах гендерных групп, потому что этими действиями поддерживается традиционный гендерный контракт «женщина-мать — мужчина-защитник (в том числе Отечества)».

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что проводимая в России социальная политика консервирует гендерное неравенство и тормозит человеческое развитие страны, снижает ее международный статус.

Переходу к более прогрессивной модели гендерно ориентированной социальной политики мешают, как минимум, три фактора: социально-психологический (гендерные стереотипы), исторический (гендерный порядок) и образовательный (воспроизводство в системе образования традиционных гендерных представлений и стереотипов).

Дело в том, что гендерная самоидентификация является одной из базовых характеристик личности, поскольку все (в том числе люди, принимающие решения на самом высоком уровне) воспринимают себя в качестве человека определенного пола, и нет людей, у которых

отсутствует собственное представление о мужских и женских проявлениях. Гендерные представления и стереотипы пронизывают все социальные взаимодействия в обществе и на всех уровнях. Но эти представления, как правило, являются традиционными, т. е. легитимируют гендерную асимметрию как природную и неизменную.

Понятие «гендер» характеризует не биологические, а социальные различия между мужчинами и женщинами и при этом акцентирует внимание на вопросах разделения власти между полами. В связи с этим разработка и реализация социальной политики, направленной на гармонизацию гендерных отношений, требует пересмотра традиционных представлений, которые принижают значимость и актуальность проблемы выравнивания возможностей гендерных групп.

В литературе подчеркивается, что гендерное неравенство является одной из наиболее слабо рефлекслируемых в общественном и личном сознании социальных проблем, поскольку:

- подобное неравенство уходит корнями далеко в прошлое, формируя ощущение, что оно задано априорно или даже биологически;
- социальный пол трудно отличить от биологического, а в биологическом смысле мужчины

и женщины существенно различаются;

- гендерное неравенство, как правило, многослойно (сопровождается дискриминацией по возрасту, или по месту проживания, или по национальности, или по поколениям) [21, с. 372].

Все это вместе взятое формирует у человека представление о «нормальности» сложившегося гендерного порядка и неизменности (оптимальности) существующих гендерных ролей. Гендерное неравенство в нашем обществе латентно и легитимно одновременно. Как и любые другие виды власти, оно вплетено в ткань повседневных взаимодействий. Более того, как отмечает И. Тартаковская, проявления гендерного неравенства многолики и не всегда заметны даже самим жертвам травмирующих ситуаций [4, с. 12]. Однако от этого оно не перестает быть неравенством, ущемляющим интересы одних групп в пользу других и тормозящим общественное развитие.

Пронизанность общественных отношений гендерными представлениями и стереотипами ведет к тому, что гендерный фактор действует как на этапе формирования целей государственной социальной политики, так и в ходе ее реализации. Практически все социальные программы имеют свои гендерные последствия, как правило, латентные.

Многие социальные программы, имеющие гендерную направленность, например, в сфере поддержки женского предпринимательства или профилактики мужского алкоголизма, оказываются недостаточно эффективными как раз в силу недоучета их гендерной составляющей, точнее той социокультурной среды, в которой мужской и женский гендер формируются и реализуются.

Как уже отмечалось, социальная политика может быть гендерно «слепой», т. е. игнорировать тот факт, что ее объектом являются не граждане вообще, а конкретные мужчины или женщины. Она может быть гендерно чувствительной и помогать женщинам реализовывать традиционные женские роли, а мужчинам — мужские. Но «патриархатная сделка» состоит в том, что «для более слабой части общества плата за гарантии защиты и безопасности оборачивается непропорциональным ограничением возможностей, безусловным следованием предписанным ролям и обслуживанием сильных» [4, с. 13].

В обоих случаях такая социальная политика будет работать в пользу укрепления господствующих преуспевающих групп (т. е. мужчин) и не способствовать изменению положения уязвимых, слабых и зависимых групп (т. е. женщин и детей). Это означает, что нарушается основополагающий принцип

социального государства — «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 п. 1 Конституции РФ (1993 г.)).

Гендерные представления и стереотипы акторов социальной политики являются важным, но далеко не единственным препятствием на пути разработки и реализации социальной политики, направленной на развитие гендерных отношений. Речь идет о приоритетах всей государственной политики, о значимости для государства проблематики социального развития как таковой.

В условиях либеральной модели экономического развития задачи государственной социальной политики сужаются до адресной социальной поддержки наиболее уязвимых социальных слоев населения, т. е. фактически они сводятся только к социальной помощи. Это ведет к свертыванию социальных функций государства и обеднению содержания проводимой им социальной политики.

В результате в государственных программных документах целью развития страны провозглашается экономический рост, повышение конкурентоспособности экономики, при этом вне поля зрения оказываются идеалы социальной справедливости и задачи человеческого развития, а цена экономического успеха даже не обсуждается. В сфе-

ре распределения общественного богатства складывается устойчивая тенденция к росту концентрации доходов у наиболее богатых групп общества и социальной поляризации. Общество делится на две неравных части: очень богатых и поразному бедных.

Нет нужды доказывать, что в числе бедных оказываются по большей части женщины. Феминизация бедности — феномен, хорошо описанный в литературе [см., напр.: 16].

Подобная политика помощи только самым нуждающимся реализует ценности неолиберализма, но входит в противоречие с идеей социального государства и концепцией прав человека третьего поколения, в которой предполагается, что «у гражданина кроме гражданских и политических прав есть социальные права, т. е. право жить полноценной и активной жизнью, право получать необходимый для нормальной жизни доход, независимый от его положения в обществе» [8, с. 297].

Социальная политика, ограничиваемая социальной помощью, не ведет и к расширению каналов вертикальной мобильности, что оборачивается недоиспользованием личностного потенциала тех, кто оказался внизу социальной лестницы, она не дает возможность подняться на уровень принятия решений наиболее способным и одаренным.

Подобная политика консервирует сложившееся в обществе положение, превращает получателей социальной помощи в людей, зависимых от социальных пособий, формирует социальное иждивенчество.

Индивидуальная экономическая зависимость может быть преодолена только волей самого человека, зависящего от ресурсов других, он должен захотеть выйти из отношений зависимости и для этого мобилизовать свои интеллектуальные и психологические ресурсы. Понятно, что это требует от него усилий, которые должны в последующем окупиться повышением доходов и социального статуса. В условиях либеральной модели социальной политики подобное повышение статуса не гарантировано, поэтому бедность становится застойной и формируется целая субкультура бедности, что весьма далеко от задач человеческого развития.

Таким образом, в условиях рыночной экономики провозглашение приоритетными целей экономического роста без учета внеэкономических параметров развития и без создания соответствующих механизмов перераспределения сверхдоходов с неизбежностью будет вести к усилению неравенства в обществе, в том числе гендерного, женщины будут по-прежнему оставаться «догоняющей» группой.

В результате мы получаем гендерно ориентированную социальную политику со знаком минус. Она не просто консервирует гендерные отношения, она их ухудшает. Социальная защищенность российской женщины на порядок отстает от уровня социальных гарантий, имевшихся у женщин советских времен. Вспомним оплачиваемые больничные листы, гарантии трудовой занятости и отпуска, бесплатные детские сады, школы, пионерские лагеря и санатории за счет профсоюзов и т. д. В условиях либеральной социальной политики российская женщина потеряла многие государственные гарантии, но взамен не получила расширения возможностей для политической и экономической карьеры.

Тем не менее, есть и некоторые подвижки. В политическом отношении важным событием стало проведение в ноябре 2008 г. II Всероссийского женского съезда. Благодаря ему 11 декабря 2008 г. Государственная Дума Российской Федерации провела парламентские слушания на тему «Эволюция прав женщин: к 100-летию I Всероссийского женского съезда». Слушания привлекли внимание к женским проблемам части депутатов Государственной Думы, представителей государственных и муниципальных органов власти на местах. После слушаний была организована выработка рекомендаций по обсуждае-

мым вопросам с привлечением женских организаций чуть ли не из всех регионов страны.

Одна из принятых рекомендаций состоит в том, чтобы возобновить работу по разработке «Гендерной стратегии Российской Федерации» [подробнее см.: 11, с. 202–205]. Как известно, гендерная стратегия образца 2004 г. осталась проектом, подготовленным Министерством труда и социального развития России, но не утвержденным ни Президентом, ни Правительством страны. Тем самым оказалось невыполненным одно из центральных условий внедрения гендерного подхода в социальную политику — наличие необходимой нормативно-правовой базы. То же самое относится и к законопроекту «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин», внесенному в Государственную Думу Е. Лаховой в 2003 г. Было рекомендовано продолжить подготовку проекта этого закона к рассмотрению Государственной Думой во втором чтении.

Вторым важным условием разработки и реализации гендерно ориентированной социальной политики является наличие у нее экономической основы. Комитет Государственной Думы рекомендует органам государственной власти субъектов Федерации и органам местного самоуправления исполь-

зовать федеральные и разрабатывать в пределах своей компетенции региональные программы, направленные на расширение возможностей женщин как равных с мужчинами партнеров во всех общественно значимых сферах деятельности.

Подводя итоги анализа условий и возможностей проведения в России гендерно ориентированной социальной политики, можно сделать следующие выводы.

Отечественная социальная политика пока осуществляется в рамках удовлетворения лишь практических гендерных потребностей населения, причем не всех, а только тех, которые представляются значимыми государству (материнство для женщин, занятость для мужчин). Это вызвано господством традиционных гендерных представлений у лиц, принимающих решения, в первую очередь — у законодателей.

Проблематика гендерного равенства практически не звучит в программах социально-экономического развития России. Причина этого не столько в гендерной некомпетентности их авторов, сколько в недооценке ими внеэкономических факторов общественного прогресса, экономическом детерминизме тех, кто разрабатывает стратегию развития страны.

Тем не менее, в условиях дефицита трудовых ресурсов и продолжающейся депопуляции, с одной

стороны, и необходимости дальнейшей модернизации общества — с другой государство будет вынуждено обратиться к поиску новых ресурсов развития России, одним из которых, вне всякого

сомнения, выступает гармонизация гендерных отношений в обществе путем удовлетворения стратегических потребностей гендерных групп, что обеспечит рост человеческого потенциала страны.

1. Балабанова Е. С. Экономические основания социальной власти: теоретическая модель социально-экономической зависимости // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 54–64.
2. Барциц И. Н. Развитие потенциала государственного управления в России: правовые условия и критерии эффективности // Социология власти. 2009. № 5. С. 25–38.
3. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Гендер для «чайников»–2 / отв. ред. И. Н. Тартаковская. М.: Звенья, 2009.
5. Гендерная психология / под ред. И. С. Клециной. СПб: Питер, 2009.
6. Гендерные аспекты политической социологии / отв. ред. С. Г. Айвазова, О. А. Хасбулатова. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / пер. с англ. М.: Весь мир, 2005.
8. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
9. Григорьева И. А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследования социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 29–44.
10. Информация о социально-экономическом положении России — 2009 г. Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b09_00/IssWWW.exe/Stg/d10/8-0.htm (дата обращения: 14.01.2010).
11. Кашина М. А. Гражданское общество, социальное государство и гендерное равенство в России // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 200–219.
12. Кашина М. А., Юкина И. И. Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1 (46). С. 109–123.
13. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб: Алетейя, 2004.
14. Концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 г. [Электронный ресурс] // Сайт общественного совета по малому предпринимательству при Губернаторе Санкт-Петербурга. URL: <http://www.osspb.ru/conception> (дата обращения: 14.01.2010).
15. Мезенцева Е. Б. Гендер в программах социально-экономического развития: анализ международного опыта // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. и сост. Е. Б. Мезенцева. М., 2002. С. 38–70.
16. Мониторинг прав женщин в Российской Федерации: тысяча женских историй. Сборник аналитических материалов и результатов мониторинга по выполнению в России Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. М.: Агентство «Бонус-медиа», 2007.
17. Ниеманис А. Практическое руководство по внедрению гендерных подходов. Братислава, 2002.
18. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256 // Российская газета. Федеральный выпуск. 2006. 31 декабря.
19. Семья в России. 2008. М., 2008.
20. Тихонова Н. Е., Шкаратан О. И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 21–32.
21. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса / под общ. ред. В. П. Колосова. М., 2008.

В. В. КРУГЛОВ, А. В. ЛАБУДИН
**ИННАЯ СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ
(К 95-ЛЕТИЮ Ю. В. АНДРОПОВА)**

Ключевые слова:

самоуправление, самофинансирование, научно-технический прогресс, модернизация, дисциплина, законность, план, рынок, государство

Key words:

self-administration, self-financing, scientific and technical progress, modernization, discipline, legality, plan, market, state

В статье рассматриваются основные направления экономической реформы, задуманной и начатой Ю. В. Андроповым в 1982–1983 гг., и обсуждаются актуальные проекции этой реформы на задачи наших дней в современной России.

The main directions of the economical reform which was initiated by Yu. V. Andropov in 1982–1983 are considered in the article. Relevant projections of this reform on the nowadays problems of contemporary Russia are discussed as well.

Советский период истории российского государства и тех стран, которые входили в состав СССР, не представляет сегодня особый интерес для научных кругов. И в научных исследованиях, и особенно в публикациях в СМИ делаются выводы, далекие, мягко говоря, от позитивных оценок и эпохи, и личностей, ее олицетворявших. Правда, в последние годы начала преобладать более взвешенная тенденция.

Реальное влияние на расстановку политических сил Ю. В. Андропова, члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, председателя КГБ СССР, в то время, когда генеральный сек-

ретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев находился в состоянии между капельницей и старческой протрацией, явно нельзя было преуменьшить, но его нельзя и преувеличивать. Ю. В. Андропов, несомненно, был незаурядной личностью, но именно таким людям было трудно проявить свою индивидуальность. Если осмысливать историю всего лишь 70 лет реального существования советской власти, то можно получить богатейший историко-философский, историко-экономический, историко-психологический и историко-персональный материал. Трагедии известных в истории России деятелей меркнут перед невиданной

по своим масштабам трагедийности истории советского периода. Однако было бы большой ошибкой изображать историю советского строя лишь в мрачных тонах. В актив этого периода можно занести много достижений. Это, например, всеобщее образование, создание благоприятных условий для подготовки хороших специалистов в области технических и естественно-научных направлений, явно не имевших отношения к идеологическим стандартам марксизма-ленинизма. Советская история подняла из глубин человеческой рядовой массы большой слой людей, поставленных волей случая или благодаря социальному происхождению во главе государственных институтов и руководящих партийных структур. Перед этим они должны были пройти «горнило» политической деятельности, которая служила своеобразным тестом на лояльность советской власти. В первую очередь это была комсомольская работа. Комсомол служил школой комплектования кадров «боевого отряда партии» — ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ. Таков был путь большинства руководящих кадров страны. Таков был путь и Ю. В. Андропова.

Конечно, чтобы взойти на пирамиду власти, нужно было обладать определенными качествами, в том числе и теми, которые вряд ли красят человека как такового, но кото-

рые необходимо иметь, чтобы осуществить восхождение на тот или иной Олимп. Очевидно, Ю. В. Андропов обладал полным арсеналом качеств, необходимых для политика советского времени.

Каждый человек по-своему продвигается в собственном сознании определенную работу, размышляя над теми проблемами, которые стоят перед ним и перед возглавляемой им организацией, или даже перед целой страной. Содержание этих размышлений и, особенно, возникающие в результате них идеи, предложения, намечаемые шаги отражают весь жизненный опыт человека, а подспудно даже его генетическую память, многовековой опыт поколений предков. Не являлся исключением из этого правила и Ю. В. Андропов. Но главное — он был одним из немногих советских руководителей последней четверти XX в., которые всерьез задумывались над вызовами, брошенными человечеству в целом и нашей стране в частности быстро и бурно меняющимся миром, ускоряющимся ходом времени. И не просто задумывались, но и попытались обозначить стратегию и тактику государственной власти нашей страны в новых условиях. Болезни слишком рано подточили физическое состояние Ю. В. Андропова, и поэтому мы не можем с полной достоверностью судить о том, насколько эффективен был бы предлагавшийся им план

действий. Однако изучение его статей, выступлений, записок, направленных в адрес коллег по высшему политическому руководству страны, воспоминаний людей, лично знавших Андропова, позволяет сделать вывод: Ю. В. Андропов вынашивал свою стратегию реформ, причем иную, чем та, которая была взята на вооружение советским, а затем и российским руководством во главе с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным в конце 1980 — начале 1990 гг. В некотором приближении ее можно сравнить с курсом «четырех модернизаций», проводившимся в Китае с конца 1970 гг., и принесшим нашему юго-восточному соседу не великие потрясения, которыми так богата российская история XX в., а значительные достижения.

В наши дни предметом интересов и действующих политиков, и политологов, и экономистов является анализ небывалых по своим масштабам и глубине преобразований, происходящих в России и в других странах, возникших после распада СССР. При этом делаются — и чем дальше, тем чаще — попытки своего рода ретроспективного рассмотрения, определения причин серьезных затруднений, срывов и даже обвалов на пути реформ, нахождения и исправления ошибок в «чертежах», т. е. на этапе планов и первых шагов по их осуществлению. Однако почти всегда, за исключением, пожалуй,

работ Н. И. Рыжкова, некоторых мемуаров и интервью его коллег — Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, А. И. Лукьянова и др. [1, с. 5; 4, с. 363; 17, с. 6, 173—175; 23, с. 23—24, 147—148; 29, с. 33, 80], точкой отсчета периода реформ принимается 1992 г. или, в лучшем случае, 1985 г. Формируется представление о том, что в советский период отечественной истории — во всяком случае, в 1970 — начале 1980 гг. — господствовал полный мрак, самый затхлый застой и никто в руководстве страны вообще не думал о будущем. Около 20 лет замалчивался короткий, но весьма насыщенный этап с ноября 1982 г. по февраль 1984 г., когда во главе страны стоял Ю. В. Андропов. Но вот что писали «Известия» 16 февраля 1984 г., через семь дней после кончины Андропова: «Для нас... время, отмеченное решениями — вехами ноябрьского (1982 г.), июньского и декабрьского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС, представляется подобно натянутой струне — таким и останется в памяти... Добивались лучших результатов на каждом рабочем месте и напряженно совершенствовались управление народным хозяйством. Искали, экспериментировали, обретая такие эффективные формы экономических связей, при которых нельзя хозяйствовать по старинке, а хорошо работать всегда выгодно. Взялись за укрепление трудовой дисциплины — действительно, сурово, следуя ленинской фор-

муле: “Тот, кто отступает теперь от порядка, дисциплины, тот впускает врагов в свою среду”. Призвали к ответу и нарушителей государственной, партийной дисциплины — они тоже почувствовали себя весьма неуютно. Громче, требовательнее зазвучал коллективный голос трудящихся, обеспечивающий высокий спрос и ответственность за результаты работы с руководителями всех рангов» [40]. Именно в «андроповский период» началась работа по подготовке экономических реформ, о чем пишет ставший впоследствии, в 1985 г., главой Правительства СССР Н. И. Рыжков, приглашенный в ноябре 1982 г. Андроповым на пост заведующего специально созданного экономического отдела ЦК КПСС в ранге секретаря ЦК [29, с. 33–54, 56]. В это время были приняты решения принципиального значения, направленные на создание необходимых экономических и организационных предпосылок ускорения научно-технического прогресса и установление прямой и непосредственной связи между результатами труда и доходами как коллективов в целом, так и отдельных работников.

Интерес к личности и деятельности Ю. В. Андропова в 2004 г. получил дополнительный импульс в связи с тем, что 15 июня исполнилось 90 лет со дня его рождения. На это событие откликнулись как офи-

циальные, так и представляющие оппозиционные точки зрения средства массовой информации. В учрежденной Правительством Российской Федерации «Российской газете» была опубликована статья директора Федеральной службы безопасности РФ, ныне секретаря Совета безопасности РФ, генерала армии Н. П. Патрушева, в которой он дал очень высокую оценку Андропову — одному из своих предшественников на посту руководителя отечественной службы безопасности, прежде всего его деятельности по укреплению этой службы, введению ее в жесткие рамки закона, повышению эффективности работы. «Зная, что тяжело болел, — пишет Н. П. Патрушев, — он торопился успеть найти новые источники для преодоления реально существовавших социальных противоречий, эффективные пути мотивации созидательного, инициативного труда. Он думал над тем, как соединить экономическую эффективность производства с социальной справедливостью, старался восстановить законность и правопорядок в стране, объявил решительную войну коррупции. Надо сказать, что эти его усилия нашли поддержку и понимание в обществе» [24, с. 4]. В газете «Правда» появилось большое интервью хорошо знавшего Андропова и работавшего долгое время под его руководством бывшего заместителя заведующего отделом ЦК КПСС, за-

нимавшегося отношениями с социалистическими странами, О. Б. Рахманина [27, с. 4]. В газете «Спецназ России» — органе ассоциации ветеранов созданного Ю. В. Андроповым подразделения антитеррора «Альфа» опубликованы воспоминания генерал-майора госбезопасности в отставке, в прошлом начальника дежурной службы КГБ СССР А. Г. Сидоренко «Жизнь, отданная служению Отечеству» [32; 33; 34]. К 90-летию со дня рождения Ю. В. Андропова статью известного историка А. Уткина «Андроповский призыв» поместила газета «Военно-промышленный курьер» [41, с. 1, 7]. По различным федеральным каналам телевидения прошли документальные фильмы, посвященные Андропову. Особенно благожелательным, по-человечески трогательным был фильм, снятый известным кинорежиссером А. С. Михалковым-Кончаловским, показанный по каналу «Россия».

В своей статье в «Российской газете» Н. П. Патрушев поставил ряд вопросов, выходящих за рамки истории служб безопасности. «Думается, что у этого незаурядного, многомерного и неоднозначного политика и человека, сына своего драматичного века, была своя тайна, которая пока еще не постигнута. Насколько глубоки были реформаторские замыслы Андропова? К каким средствам, путям преодоления кризисных явлений в обществе он

склонялся? Что было бы в стране и со страной, если бы судьба отменила ему больше времени для пребывания у руля государства? Предоставим искать ответы на эти и другие вопросы специалистам» [24]. Настоящая статья и представляется авторам попыткой найти такие ответы, прежде всего в том, что касается экономико-управленческого наследия Ю. В. Андропова.

Часто лейтмотивом деятельности Ю. В. Андропова в экономической области называют лишь борьбу за укрепление дисциплины и порядка на всех уровнях управления. Действительно, укрепление дисциплины рассматривалось как одна из ключевых задач на начальном этапе дальнейших преобразований. Однако — и это подчеркивал сам Андропов — решение данной задачи являлось лишь первым шагом в реформировании хозяйственного механизма. За этим должны были последовать другие, более глубокие изменения. Смысл этих изменений — перевод экономики на рельсы интенсивного развития [8, с. 8–9], создание таких экономических и организационных условий, «которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость» [2, с. 210]. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов сформулировал, как он определил

на тот период времени, *логику реформ*, соотношение их ближайших и перспективных задач. «Ближайшая цель ясна: прежде всего надо навести порядок в том, что у нас имеется», — отметил он, подчеркнув в этой связи значение борьбы за укрепление дисциплины и порядка, повышение организованности и ответственности. Далее необходимо «обеспечить наиболее разумное использование производственного и научно-технического потенциала страны, в том числе преодолеть отставание таких отраслей, как сельское хозяйство, транспорт, сфера услуг». И, наконец, «главный путь к качественному сдвигу в производительных силах — это, конечно, переход к интенсивному развитию, соединение на деле преимуществ нашего социалистического строя с достижениями научно-технической революции» [18, с. 9–10]. В выступлении, предназначенном для декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, Ю. В. Андропов, констатируя, что «в текущем году в стране начали осуществляться некоторые меры по совершенствованию нашего хозяйствования, повышению организованности, укреплению государственной, трудовой и плановой дисциплины», многообещающе заявил: «Но это только начало» [20, с. 7]. Не случайно Андропов постоянно указывал, что борьбу за дисциплину следует рассматривать именно в контексте глубоких ре-

форм, направленных на повышение эффективности производства, достижение высокой культуры труда. Он прямо сдерживал некоторых ретивых администраторов на местах, истолковавших «призыв укреплять дисциплину лишь как неусыпный административный контроль за присутствием каждого на своем рабочем месте “от” и “до”» [8, с. 10]. Выступая перед московскими станкостроителями 31 января 1983 г., т. е. тогда, когда московская милиция проводила печально знаменитые рейды по универсам, баням и кинотеатрам, вылавливая мелких клерков, Генеральный секретарь ЦК КПСС особо подчеркнул: «И, конечно, все наши усилия пойдут насмарку, если развернувшаяся борьба за дисциплину скользнет по поверхности, разменяется на мелочи: кто-то опоздал на пять минут, другой зачистил на перекуры. Речь идет о серьезном отношении ко всем аспектам производственной дисциплины, в том числе и технологической, снабженческой и т. д. Надо, чтобы во всех звеньях нашего производства сказался эффект от повышения дисциплины» [2, с. 225–227]¹.

¹ См. также статью «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», где Андропов писал, что работе по укреплению «регулируемости и порядка» «особенно противопоставлены голое администрирование и шумиха, подмена реального дела разговорами. Руководитель, который этого не понимает, который систематические и настойчивые

Сразу после этого выступления первого лица в стране вызвавшие негативный общественный резонанс «банные рейды» прекратились. Нет ничего более нелепого, чем связывать деятельность Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС исключительно с подобным «разметанием мусора по углам», как это с удивительным единодушием делают и радикально-либеральные, и квази-патриотические критики Юрия Владимировича [см. напр.: 30, с. 82–83; 31, с. 234–235, 251–252; 36, с. 12–13; 42, с. 92; 43, с. 450; 44, с. 555; 45, с. 80; 47, с. 224; 48, с. 362]. По воспоминаниям генерал-майора госбезопасности А. Г. Сидоренко, когда Андропов узнал о «порочной практике» отлавливания «людей в рабочее время в магазинах и парикмахерских», «он возмутился, обозвал инициаторов такой практики “партийными дураками” и дал указание немедленно прекратить это безобразие» [33, с. 21]. 15 августа 1983 г. Ю. В. Андропов вновь возвратился к этой проблеме: «Суть социалистической дисциплины — в полной отдаче каждого на своем рабочем месте. Конечно, такого положения добиться труднее, чем вылавливать на проходной опоздавших. Но именно здесь главное и основное» [8, с. 10]. Надежная га-

организаторские усилия пытается подменить эффектными, но не эффективными кампаниями, немногого добьется» [2, с. 240].

рантия порядка и дисциплины на производстве, по Андропову, — сочетание духовных, материальных и организационных факторов, среди которых — современная организация труда, четкое материально-техническое обеспечение, совершенствование многообразных форм и средств морального и материального стимулирования. Необходимо создать работнику все условия для производительного труда [8, с. 10]. Именно поэтому по инициативе Ю. В. Андропова были начаты крупномасштабные эксперименты — так называемые «большой» и «малый». Суть «большого» эксперимента — отработка новой модели хозрасчета первичного звена производства: объединений и предприятий. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» он проводился в 1984–1986 гг. в пяти министерствах: тяжелого и транспортного машиностроения СССР, электротехнической промышленности СССР, пищевой промышленности Украинской ССР, легкой промышленности Белорусской ССР и местной промышленности Литовской ССР. Смысл эксперимента состоял в том, чтобы

опробовать, как будут работать предприятия в условиях хозрасчетной самостоятельности, без мелочной опеки со стороны министерств.

Сейчас меры, предусматривавшиеся постановлением об условиях проведения эксперимента, кажутся чисто косметическими, мизерными, однако в 1983 г. они были существенным продвижением вперед в деле развития инициативы трудовых коллективов. Речь шла:

- о предоставлении предприятиям полной самостоятельности в использовании фонда развития производства и запрете его изъятия министерствами; расширении возможностей использования кредита на проведение мероприятий по техническому перевооружению основных фондов с его погашением за счет собственных средств предприятий;
- о предоставлении предприятиям возможности самостоятельно использовать часть средств единого (общеминистерского) фонда развития науки и техники для проведения по своей инициативе проектно-конструкторских работ по созданию новой техники и для компенсации повышенных затрат в период ее освоения;
- об усилении материальной заинтересованности работников в освоении технически передовой продукции мирового уровня;
- о формировании фонда заработной платы на базе прогрессивных, стабильных на пятилетку экономических нормативов: прироста фонда заработной платы за каждый процент прироста общего объема продукции, норматива заработной платы на единицу продукции в натуральном выражении, заработной платы на рубль продукции;
- о более активном использовании фонда материального поощрения;
- о расширении прав предприятий в расходовании средств фонда заработной платы и фонда материального поощрения для установления надбавок к окладам и тарифным ставкам за высокую квалификацию и достигнутые результаты труда всем категориям инженерно-технических работников и служащих, надбавок (окладов) за профессиональное мастерство рабочим, надбавок за совмещение работниками профессий (должностей), а также премирования;
- о повышении роли фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства в решении задач социального развития трудовых коллективов, имея в виду, что этот фонд должен стать одним из важных источников улучшения социальных, жилищных и бытовых условий работников предприя-

- тий, и предоставлении предприятиям, их трудовым коллективам права самостоятельно решать вопросы использования данного фонда;
- об увеличении — за счет нормативного распределения — доли прибыли, остающейся в распоряжении предприятий и других подобных мерах, направленных на «раскрепощение» предприятий.

При этом предполагалось, что эта обретаемая самостоятельность будет работать на увеличение вклада первичных производственных звеньев в экономическое благосостояние и могущество страны, а размеры средств, получаемых ими для оплаты труда и социального развития, технического перевооружения и совершенствования производства, будут поставлены в прямую зависимость от конечных результатов работы. Так, различного рода надбавки к зарплате было предписано отменять при ухудшении показателей работы, а премии руководящим работникам предприятий за основные показатели работы выплачивать только при выполнении плановых заданий по объему реализации продукции с учетом обязательств по поставкам в соответствии с заключенными договорами. Валютные средства от реализации экспортной продукции, оставляемые в непосредственном распоряжении предприятий, долж-

ны были направляться только на дальнейшее расширение производства экспортных изделий, повышение их конкурентоспособности, не допуская отвлечения этих средств на другие цели. Невольно сравниваешь это жесткое и совершенно справедливое требование андроповского законодательства с сегодняшней «утечкой» миллиардных валютных средств в различные оффшорные зоны!

Изменения в планировании предполагали переход от годовых на пятилетние планы работы предприятий, разрабатываемые на основе стабильных экономических нормативов самими предприятиями. Годовые (текущие) планы становились детализацией и конкретизацией пятилетних планов, что предусматривалось еще экономической реформой 1965 г., однако так и не было осуществлено. Исходным материалом для составления планов и оценки хозяйственной деятельности предприятий должны были стать договоры с потребителями и их выполнение по номенклатуре (ассортименту), качеству и срокам [14, с. 442–451]. Результаты эксперимента предполагалось положить в основу работы всех предприятий страны в XII пятилетке (1986–1990 гг.). «Мы придаем важное значение проведению в ряде министерств экономического эксперимента по расширению прав предприятий и усилению их ответствен-

ности за результаты работы, — писал Ю. В. Андропов декабрьскому (1983 г.) Пленуму ЦК КПСС. — В ходе его пройдут проверку некоторые новые элементы управления. Их результаты послужат основой для подготовки соответствующих предложений в целом по народному хозяйству. Надо заранее готовиться к этому и в других отраслях» [20, с. 20–21]. Результаты экономического эксперимента 1984–1986 гг. были положены в основу постановлений по хозяйственной реформе, принятых в 1987 г. [29, с. 48–49, 193].

«Малый» эксперимент проводился в 1983–1984 гг. в Ленинграде. Он предполагал совершенствование оплаты труда инженерно-технических работников — конструкторов и технологов. В качестве базовых были выбраны ведущие ленинградские производственные объединения: «Ижорский завод», «Ленинградский металлический завод», «Невский завод имени В. И. Ленина», «Электросила», «Ленинградский электромеханический завод». Смысл эксперимента заключался в выполнении плановых заданий по разработке и внедрению новой техники и технологии меньшим количеством инженерно-технических работников при одновременном дополнительном стимулировании их труда за счет экономии фонда заработной платы [16]. Проведение «малого» эксперимента находилось под

постоянным контролем Ленинградского обкома партии, руководство которого (первые секретари Г. В. Романов, а затем Л. Н. Зайков) рассматривало совершенствование оплаты труда конструкторов и технологов в контексте своей многолетней деятельности, направленной на превращение Ленинграда в центр научно-технической революции и обеспечение роста производства исключительно за счет повышения производительности труда, без какого-либо привлечения дополнительных работников.

Ленинградский эксперимент проводился во взаимосвязи с реализацией направлений деятельности, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 18 августа 1983 г. «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», где были определены дополнительные меры по стимулированию разработки и внедрения новой техники и технологии. В частности, министерствам и ведомствам СССР, советам министров союзных республик было предоставлено право разрешать выплаты премий руководящим, инженерно-техническим работникам и другим специалистам сверх установленных предельных размеров: за разработку и внедрение новой техники, прогрессивных технологий и материалов, соответствующих современному технико-экономическому уровню или превышающих

его; за увеличение удельного веса новой высокоэффективной продукции в общем объеме производства. С 1985 г. вводились единовременные премии министерств и ведомств СССР и советов министров союзных республик в размерах от 3 до 40 тыс. рублей каждая. Госкомцен СССР получил право устанавливать поощрительные надбавки в размере до 30% к оптовым ценам на новую высокоэффективную продукцию и скидки в размере до 30% с оптовых цен на промышленную продукцию, подлежащую снятию с производства [14, с. 461–462].

В выступлении на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов определил главную задачу в отношении ориентации хозяйственного механизма на научно-технический прогресс: «Разработать такую систему организационных, экономических и моральных мер, которая заинтересовала бы в обновлении техники и руководителей, и рабочих, и, конечно, ученых и конструкторов, сделала бы невыгодной работу по старинке» [18, с. 10–11]. Очевидно, что конкретные мероприятия и, в том числе, «ленинградский эксперимент», лежали в русле осуществления этой задачи.

Буквально в последние дни жизни Ю. В. Андропова, 2 февраля 1984 г., Политбюро ЦК КПСС приняло решение провести в 1984–1985 гг. экономический экспери-

мент по расширению хозяйственной самостоятельности и усилению заинтересованности объединений и предприятий бытового обслуживания в более полном удовлетворении потребностей населения в услугах. Этот эксперимент проводился в системе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. Условия эксперимента предусматривали существенное расширение самостоятельности предприятий бытового обслуживания, применение в них различных стимулирующих форм организации и оплаты труда [39, с. 64–65, 226–231]. «Раскрепощение» — в первую очередь — такой отрасли, как бытовое обслуживание, определялось тем, что сама ее специфика, непосредственная и неразрывная связь с потребителями обуславливали необходимость гибкого реагирования на непрерывно и порой незаметно изменяющуюся конъюнктуру рынка. Следовательно, именно сфера услуг (это совершенно правильно уловили Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, Н. И. Рыжков и другие инициаторы экономических экспериментов 1983 г. и последующих лет) должна быть первопроходцем рыночных отношений. Здесь «самой природой суждено», что роль государства — минимальна, и достойное место призвана занимать практически неограниченная самостоятельность первичных производственных звеньев, а в перспективе (речь

идет о 1983 г.) могли бы возникнуть и частные предприятия.

Как отмечал, выступая в радио-программе «Слово», известный историк и политолог, в 1990 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПРФ Ю. П. Белов, именно Андропов поставил вопрос о необходимости существования многообразия форм собственности при ведущей роли государственной общенародной собственности. Вслед за бытовым обслуживанием (судя по некоторым признакам, в частности, высказываниям Андропова на июньском и декабрьском 1983 г. Пленумах ЦК КПСС) настал бы черед реформирования других выходящих на личное потребление отраслей — производства товаров народного потребления и сельского хозяйства. Очевидно, не случайно, «андроповский год» был отмечен повышенным вниманием к опыту экономических реформ в Венгрии, где удалось практически полностью (еще в 1960 гг.) решить проблему дефицита и качества товаров и услуг массового потребления. 18–23 июля 1983 г. Советский Союз по приглашению Ю. В. Андропова посетила венгерская партийно-правительственная делегация во главе с Я. Кадаром². Вручая Я. Кадару орден Ленина, Ю. В. Андропов очень высоко оценил успехи, достигнутые Венг-

рией под его руководством. «Вот уже более четверти века товарищ Кадар возглавляет Центральный Комитет ВСРП, — сказал советский руководитель. — За эти годы под руководством партии венгерских коммунистов достигнуты впечатляющие успехи во всех областях общественной жизни социалистической Венгрии — в экономике, науке и культуре, в повышении благосостояния народа» [6, с. 15]. Представляется, что это была оценка и венгерских экономических реформ, подвергавшихся ранее критике в советских закрытых партийных документах и ряде научных публикаций, инспирированных идеологически службами ЦК КПСС. «По основным вопросам строительства социализма между нашими партиями существует полное единство взглядов, — подчеркнул в ответ Я. Кадар. — Наши страны разнятся по масштабам, во многих отношениях отличаются друг от друга и наши условия, но мы идем в одном направлении» [6, с. 23]. Советские и венгерские руководители в ходе состоявшихся переговоров договорились о дальнейшем развитии связей и обмена опытом между партийными и государственными органами, общественными организациями, трудовыми коллективами [6, с. 13].

В сентябре 1983 г. в Венгрию с визитом был направлен член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, одной из задач кото-

² В 1983 г. СССР посетили с официальными визитами еще лишь две зарубежные делегации — ГДР и Финляндии.

рого было изучение венгерского опыта аграрной политики, позволившей практически полностью решить проблему наполнения рынка продовольствием [10, с. 323–325]. Видимо, не случайны слова Ю. В. Андропова в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» о том, что «огромный материал для теоретического осмысления дает многообразный, не во всем совпадающий опыт братских стран социализма» [2, с. 247]. Этот опыт — без всякого великодержавного самодовольства — предлагалось изучать и творчески использовать при осуществлении назревших преобразований в Советском Союзе³.

Современная экономическая система с помощью законов и других правовых методов должна быть организована таким образом, чтобы она, с одной стороны, позволяла раскрыться инициативе, созидательной предприимчивости, творчеству, а с другой — ставила ограничения непроизводительному использованию ресурсов, паразитическому потреблению, хищению бюджетных средств и объектов государственной и общественной,

в том числе муниципальной, собственности. Рыночная экономика содержит в себе две тенденции — производительную и паразитическую. Первая должна всячески поощряться, вторая — подавляться. Поэтому развертывание экономических экспериментов «при Андропове» шло рука об руку с укреплением дисциплины, законности, пресечением коррупции и преступности, включая экономическую. В связи с этим вызывает недоумение противопоставление известным историком В. Г. Сироткиным принятых при Андропове постановлений о расширении прав директоров хозяйственных организаций (от 14 июля 1983 г.) и об укреплении трудовой дисциплины (28 июля 1983 г.). «Самое же парадоксальное — этот процесс коррупции и подрыва вертикали власти экономически невольно ускорил сам Андропов, — пишет В. Г. Сироткин, — что означало лишь одно — он первый так и “не изучил в должной степени общество, в котором живем и трудимся”, а его преемники Горбачев, Лигачев, Рыжков и другие “прорабы перестройки” так и не сумели “трезво представить, где мы находимся”.

Иначе еще при Ю. В. Андропове они не одобрили бы правительственное постановление в июне (июле — *В. К., А. Л.*) 1983 г., еще больше расширяющее права директоров, определенных еще брежнев-

³ На ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов призвал найти рецепты решения назревших задач в народном хозяйстве, «обобщая отечественный и мировой опыт» [19, с. 11], а при расширении самостоятельности предприятий — «учесть и опыт братских стран» [19, с. 9].

ским постановлением 1979 г. — отныне они самостоятельно и без всякого участия трудовых коллективов могли расходовать деньги по статьям “фонд развития предприятия” и “фонд развития науки и техники”.

С 1 января 1984 г. на 1850 предприятиях СССР — на Украине, в Белоруссии, в Литве — начали экономический эксперимент: ввели ограниченный хозрасчет с правом директоров по договорам брать заказы “со стороны” (новый виток коррупции). Еще 1 февраля 1983 г. была проведена частичная ценовая реформа: на товары “повышенного спроса” (холодильники, телевизоры, автомобили и т. д.) цены подняли, а “пониженного” (калоши, резиновые сапоги, стиральные доски и др.) — снизили. В апреле 1983 г. в ЦК собрали специальное совещание по “шести соткам”: решили поддержать “частника” деревни и городского дачника — кормильцев страны.

На практике постановления 1979 г. и 1983 г. развязали руки “начальникам” — директора стали брать заказы со стороны по так называемым хозрасчетным договорам (сегодня они вылились в долларовые контракты со студентами на прием в вузы, в т. н. отделы внебюджетных средств министерств и др.), а также “накручивать” цены на свою продукцию при их по-прежнему низком качестве. Словом, именно тогда, а не в 1992 г. начался ныне хорошо из-

вестный “бизнес по-русски” (или “не обманешь — не продашь”). Справедливости ради следует сказать, что при Андропове все же основной упор делался не на экономическое стимулирование, а на прежние большевистские методы принуждения: 28 июля 1983 г. вышло очередное постановление “Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда”. В нем чувствовался прежний сталинский стиль грозить директорам заводов и фабрик “несоответствием занимаемой должности” за развал дисциплины (помните, сколько председателей колхозов и директоров совхозов за то же самое посадил Сталин после войны?). Ударили и по партийным и профсоюзным функционерам — им запрещалось проводить “мероприятия” в рабочее время. Характерно, что работяг-“несунов” в этом постановлении не затронули: воруите, братцы, помаленьку, но “барщину сполняйте» [35, с. 136–137; см. также: 25, с. 243].

Странно, что такой глубокий исследователь, как В. Г. Сироткин, не задумывается, что эти постановления — две стороны одной медали. Одна обращена к предприимчивости хозяйственников, нацеливает их на удовлетворение потребностей общества через реализацию собственных интересов. Хотя и здесь — и это видно из текстов постановлений — ставятся определенные ограничения, призванные заключить

в должные рамки эгоизм и алчность хозяйственных руководителей. Нельзя забывать и о том, что июньский (1983 г.) Закон о трудовых коллективах не давал руководителям организаций возможности расходовать средства «самостоятельно и без всякого участия трудовых коллективов» (об этом Законе двумя страницами раньше упоминает и сам Сироткин, хотя и в иронической форме, как о «морковке», подброшенной «работягам» [35, с. 133]). Вторая же сторона медали напрямую была направлена на то, чтобы никому — ни рабочим, ни тем более руководителям было неповадно нарушать законы и путать свой карман с государственным.

3 декабря 1982 г. — менее чем через месяц после избрания Ю. В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС — были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с мелкими хищениями государственного или общественного имущества» и о дополнении Основ законодательства об административных правонарушениях [5, ст. 933, 934]. Этим же вопросам были посвящены:

— постановление Совета Министров СССР от 17 января 1983 г. «О серьезных недостатках в режиме работы предприятий, организаций и учреждений, занятых обслуживанием населения», принятое после рассмотрения данного вопроса на заседании

Политбюро ЦК КПСС [28, с. 14–15; 37, с. 77];

— постановление ЦК КПСС от 25 февраля 1983 г. «О мерах по обеспечению выполнения планов строительства жилых домов и социально-бытовых объектов» [28, с. 18–22];

— постановление Совмина СССР от 28 марта 1983 г. «О нормах накладных расходов и плановых накоплений в строительстве» [28, с. 43–46];

— указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения» [38, с. 268–273], а также более 20 других документов, посвященных регулированию хозяйственной дисциплины [см.: 28, с. 47–53, 62–64, 74–78, 79–81, 136–149, 150–151, 176–180, 181–185, 191–196, 199–202, 208–211, 212, 225–227, 227–235, 235–238, 238–241, 242–243, 243–249 и др.].

Даже беглое изучение принятых при Ю. В. Андропове нормативно-правовых актов показывает, что руководство страны стремилось упорядочить, а значит — ввести в правовой режим самые разнообразные сферы и стороны деятельности общества. Очевидно, что без такого упорядочения, привития всем (или хотя бы большинству) гражданам привычки жить и работать по зако-

ну, осуществление глубоких реформ серьезно затруднено, ибо этот процесс сталкивается с правовым нигилизмом, неумением и нежеланием регулировать человеческие отношения цивилизованными способами и откровенной разнузданностью.

В речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андронов категорически заявил, что «нормальный ход нашего общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан» [18, с. 16]. Эту проблему Андронов, 15 лет возглавлявший КГБ, знал профессионально и досконально, потому и придавал столь большое значение наведению порядка, укреплению дисциплины, беспощадному выжиганию коррупции, понимая, что без такой, «черновой», очистительной работы более серьезные преобразования попросту провалятся в пустоту.

О поразительном законопослушании Андропова писали многие его соратники по КГБ. Например, В. А. Крючков: «Он страстно выступал за оздоровление общества, призывал к беспощадной борьбе с коррупцией, выступал за равную ответственность всех и каждого перед законом» [15, с. 274]. В. А. Кирпиченко, заместитель и первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР — внешней разведки, в своих воспоминаниях писал: «Здесь уместны

несколько фраз об отношении Ю. В. Андропова к соблюдению законов. Законы и порядки, существовавшие тогда в нашем государстве, Андронов чтит и безукоризненно выполнял. Он жестко требовал от сотрудников всех рангов абсолютного законопослушания» [13, с. 156]. В. Ф. Грушко, первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР, таким образом отзывался о преобразованиях того времени: «Оперативная работа должна была по-прежнему проводиться секретно, но регулироваться таким образом, чтобы обеспечить законопослушание сотрудников и защиту прав граждан и исключить любой соблазн нарушений нормативных актов ради скорейшего достижения результатов. Горячим сторонником и проводником этой линии был Ю. В. Андронов» [11, с. 168].

Поэтому закономерны действия Ю. В. Андропова по укреплению законности после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вот как их оценивает уже с позиций сегодняшнего дня В. А. Крючков: «Сейчас часто говорят о феномене Андропова, о том, как ему удалось в столь короткий срок добиться ощутимых результатов в наведении порядка и увеличении промышленного и сельскохозяйственного производства. Думается, что феномен этот прост и объяснение ему надо искать как раз в практической ли-

нии, проводимой Юрием Владимировичем. Причем весьма простая, на первый взгляд, концепция Андропова именно в тот момент оказалась наиболее актуальной и понятной людям, уставшим от распухенности и ясно осознавшим, что без *наведения элементарного порядка ни за какое серьезное дело приниматься невозможно*» [15, с. 270] (подчеркнуто нами — авт.)⁴.

В перечне постановлений «андроповского периода» весьма значительное место занимают решения, направленные на экономию различных ресурсов — материальных, природных, финансовых, прекращение застарелой традиции не считаться с затратами. Сразу после избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, в выступлении на пленуме ЦК 22 ноября 1982 г. Ю. В. Андропов

пов жестко заявил: «Хотелось бы обратить внимание товарищей на то, что сейчас вопрос об экономии материальных ресурсов должен рассматриваться по-новому, а не так, что “сэкономил — хорошо, не сэкономил — тоже сойдет”. Ныне экономия, рачительное отношение к народному добру — это вопрос реальности наших планов. И решение его необходимо обеспечить целой системой практических мер, прежде всего со стороны Госплана СССР и Госснаба СССР, министерств и ведомств. Большую работу предстоит провести всем партийным комитетам и партийным организациям» [19, с. 10–11]. Андропов призвал развернуть решительную борьбу с бесхозяйственностью и расточительностью, вовлекая в нее «каждого рабочего, каждого труженика наших предприятий, наших колхозов и совхозов» [19, с. 11]. Речь, таким образом, шла об изменении самой психологии советских людей, привитии им бережливости, хозяйского отношения к народному добру.

Не случайно, встречаясь с работниками Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе, Андропов обратился напрямую к, что называется, непосредственным производителям: «То, что мы производим, обходится нам нередко слишком дорого. Есть значительные перерасходы материальных, финансовых средств, чрезмерны трудовые затраты. Надо все, что

⁴ Как пишет петербургский исследователь истории органов госбезопасности В. И. Бережков, заместитель Ю. В. Андропова по КГБ, в декабре 1982 г. ставший председателем КГБ СССР и проработавший в этой должности до октября 1988 г., В. М. Чебриков вспоминал, что «Андропов хотел работать по законам — другое дело, можно спорить, были они хорошие или плохие» [3, с. 109]. Автор подробной, хотя и поверхностной книги о Ю. В. Андропове, Л. Млечин передает разговор с В. В. Путиным. На вопрос Млечина о том, что Путин думал об Андропове, когда он был председателем комитета госбезопасности, В. В. Путин ответил: «Знаете, именно с приходом Андропова я связываю установление социалистической законности. Многие изменилось именно после его назначения председателем комитета. Кстати, эта законность была не хуже других...» [22, с. 4–5].

мы делаем и производим, делать и производить по возможности с наименьшими издержками, с высоким качеством, быстро, добротнo» [2, с. 224–225]. Вопрос об экономии и рациональном использовании ресурсов был назван Андроповым в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» в числе принципиальных, от решения которого «в большой степени зависит и выполнение задач текущей пятилетки, и развитие нашей экономики в перспективе» [2, с. 235].

О том, что Андропов не собирался «лишь исправить систему с помощью сугубо организационно-административных мер» [43, с. 450]⁵, свидетельствует третье важнейшее слагаемое его экономической политики — демократизация управления. Это нашло отражение в Законе о трудовых коллективах [7, с. 146–162], постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии и повышении эффективности бригадной формы организации и стимулирования труда в промышленности» от 10 ноября 1983 г. и принятом на его основе постановлении Совмина СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию и повышению

эффективности бригадной формы организации и стимулирования труда в промышленности» от 1 декабря 1983 г. [28, с. 280–288].

По сути речь шла о наполнении реальным содержанием понятия «производственное самоуправление», практической отработке его форм. И весьма жесткое решение об укреплении трудовой дисциплины исходило из представления, что наведение порядка должно начинаться именно в трудовых коллективах, бригадах и, более того, инициатором этого начинания призван стать сам коллектив. «На обсуждение трудовых коллективов, собраний бригад, участков, ферм, цехов, — отмечалось в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС “Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда”, — должны постоянно выноситься вопросы состояния трудовой дисциплины и меры по ее укреплению, случаи прогулов и других нарушений для соответствующего общественного воздействия на нарушителей, ставиться перед администрацией вопросы о привлечении таких лиц к ответственности в соответствии с действующим законодательством» [14, с. 455]. Во время встречи с работниками Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе в ответ на замечание цехового парторга В. С. Емельянова о том, что «в трудовой дисциплине долж-

⁵ Примерно такую же оценку андроповских реформ дает и А. Н. Яковлев: «...андроповский вариант — санитарная обработка надстройки — живуч и коварен. Сохранение системы — ее цель» [46, с. 229].

ны сыграть роль и наши законы, и административные взыскания, но... роль трудового коллектива здесь имеет самое большое значение», Ю. В. Андропов сразу откликнулся: «Безусловно, самое большое» [2, с. 229].

Производственное самоуправление рассматривалось и как способ обеспечения непосредственной заинтересованности работников в достижении высоких конечных результатов хозяйственной деятельности. Особенно большие надежды связывались с развитием бригадных форм в промышленности и сельском хозяйстве. Так, постановлением Совмина СССР и ВЦСПС предписывалось министерствам и ведомствам СССР, Советам Министров союзных республик отдавать предпочтение созданию укрупненных комплексных и сквозных бригад, с оплатой труда по единому наряду за конечный результат и распределением коллективного заработка с применением коэффициента трудового участия; обеспечить постоянное внедрение бригадного хозрасчета; применять там, где это целесообразно, подрядную форму организации и оплаты труда; поставить в зависимость от результатов работы бригад премирование инженерно-технических работников цехов и производственных участков.

Руководители производственных объединений и предприятий обязывались включать в состав

укрупненных бригад там, где это целесообразно по условиям производства, инженерно-технических работников и производить оплату их труда в зависимости от результатов работы бригады. Предприятиям было предоставлено право устанавливать (в пределах ФЭП) дополнительную оплату труда бригадирам, звеньевым, мастерам производственных участков, инженерам по организации и нормированию труда [38, с. 146–148]. В сообщении о заседании Политбюро ЦК КПСС, рассмотревшем вопрос о коллективном подряде в сельском хозяйстве, отмечалось, что в подрядных коллективах «удачно сочетаются личные интересы каждого труженика с задачами предприятия по росту производства продукции, усиливается связь между оплатой и конечными результатами, улучшается использование производственных фондов и капитальных вложений» [37, с. 84].

В докладе на Всесоюзном совещании в Белгороде, посвященном внедрению коллективного подряда в сельском хозяйстве, 18 марта 1983 г. один из ближайших соратников Ю. В. Андропова по партийному руководству, М. С. Горбачев, отвечавший тогда в Политбюро за аграрные вопросы, рассмотрел роль коллективного подряда с точки зрения создания организации труда и системы стимулов, «обуславливающих добросовестный напряжен-

ный труд и высокую ответственность за использование земли, воды, техники, топлива, финансовых средств — одним словом, всех фондов и всех ресурсов». Преимущества этой прогрессивной формы организации и оплаты труда он видел в том, что «заработок членов таких подразделений определяется урожайностью полей и выходом продукции, т. е. конечными показателями работы. В результате ликвидируется обезличка и повышается ответственность работников, органически увязываются личные и общественные интересы... Коллективный подряд в бригаде, звене, на ферме — это наиболее совершенная форма внутрихозяйственных хозяйственных экономических отношений, основанная на взаимном интересе подрядчика (бригады, фермы, звена), т. е. исполнителя задания, и заказчика (руководства совхоза, колхоза) в производстве большего количества конечной продукции» [9, с. 356–357].

Интересная постановка вопроса о взаимосвязи результата труда и оплаты труда и повышении в этом деле роли трудовых коллективов содержалась в докладе видного партийного идеолога, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева «Учение Маркса — руководство к действию», сделанном на торжественном заседании по случаю 165-летия со дня рождения и 100-летия со дня смерти

К. Маркса в присутствии Ю. В. Андропова. «Общественная собственность, — отметил Пономарев, — не абстракция, она предполагает, что и сами трудящиеся через свои коллективы и организации участвуют в распоряжении ею. Вот почему бригадный подряд стал удачно найденной формой более полного использования нашего промышленного потенциала. Вот почему партия придает такое значение внедрению коллективного подряда в сельском хозяйстве». Б. Н. Пономарев — что было не характерно для советских руководителей прежде — подчеркнул роль «индивидуальной трудовой деятельности, личных подсобных хозяйств», которая особенно важна для выполнения Продовольственной программы. Последовательное проведение в жизнь «принципа заинтересованности и ответственности во всех сферах производственной и общественной жизни» советский идеолог охарактеризовал как выдвинувшееся «одно из актуальных направлений совершенствования советской социалистической демократии в целом» [26].

В выступлении, направленном декабрьскому (1983 г.) Пленуму ЦК КПСС, сконцентрированном на наиболее острых вопросах текущей социально-экономической политики, в прямом смысле слова похожем на боевой приказ, Ю. В. Андропов счел необходимым еще раз подчерк-

нуть значение развития инициативы трудящихся, Закона о трудовых коллективах, постановлений об укреплении дисциплины, развитии бригадной формы организации труда [21, с. 10].

Мысль Андропова о необходимости именно сознательной дисциплины, укреплении которой происходит при и посредством развертывания демократии, находила отклик у перспективно мыслящих руководителей регионов. Интересна в этом отношении статья «Совершенствуя стиль работы», опубликованная в журнале «Коммунист» [12], первого секретаря Свердловского обкома партии Б. Н. Ельцина. В ней он, в частности, подверг критике тех, кто стремился под предлогом борьбы за дисциплину вернуться назад, к порядкам сталинского периода. «Когда страна возвратилась к мирному труду, — писал Ельцин, — стали восстанавливаться в полном объеме принципы и нормы внутривластной жизни, социалистической демократии. Но и сегодня отдельные руководящие работники, особенно когда речь идет о таком актуальном деле, как укрепление дисциплины, завидуют руководителям военного периода, а кое-кто даже считает, что стиль работы того времени — это якобы как раз то, чего недостает при решении нынешних проблем.

Конечно, полезно обращаться к опыту прошлого. Нельзя не согласиться и с тем, что иногда нам не хва-

тает решительности в борьбе с бесхозяйственностью, безответственностью, другими негативными явлениями. Но очевидно, что методы, применявшиеся в чрезвычайных условиях войны, не соответствуют мирной обстановке, сущности коммунистического строительства. Партия выступает за совершенствование работы, за такие ее методы и формы, которые бы способствовали росту инициативы, производственной и общественной активности трудящихся масс» [12, с. 57–58].

Для Андропова была характерна диалектическая увязка дисциплины и демократии, глубокое понимание их неразрывной внутренней взаимосвязи. Еще в 1976 г. он заявлял: «Без дисциплины и прочного общественного порядка демократия неосуществима. Ответственное отношение каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципов социалистического демократизма, подлинной свободы личности» [2, с. 251]. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Ю. В. Андропов вновь подчеркнул, что не бывает демократии без дисциплины, прав без обязанностей, равно как и второе выхолащивается без первого. «Испытанный принцип организации всей жизни социалистического общества, — писал он, — это демокра-

тический централизм, позволяющий успешно сочетать свободное творчество масс с преимуществами единой системы научного руководства, планирования, управления» [2, с. 243–244]. Выдвинутый Андроповым на весьма важный в партийном аппарате пост первого заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС А. И. Лукьянов вспоминал мартовскую — 1983 г. — статью Андропова как «работу о судьбах демократии», где он «впер-

вые поднял основательно забытую нашими коммунистами проблему самоуправления в обществе. Для внешне сурового, требующего дисциплины Андропова этот разговор о демократии был, на первый взгляд, неожиданным. На самом же деле, это шло от глубокого понимания того, что порядок в обществе может быть прочным только тогда, когда он опирается на подлинно демократические институты» [17, с. 174].

1. Алиев Г. А. Время танков в Баку прошло // Общая газета. 1998. № 11 (241).
2. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983.
3. Бережков В. И. Руководители Ленинградского управления КГБ. 1954–1991. СПб., 2004.
4. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.
5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 49 (2175).
6. Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Венгерской Народной Республики, 18–23 июля 1983 г. Документы и материалы. М., 1983.
7. Восьмая сессия Верховного Совета СССР (десятый созыв). 16–17 июня 1983 г. Стенографический отчет. М., 1983.
8. Всегда в строю! Встреча в ЦК КПСС с ветеранами партии 15 августа 1983 г. М, 1983.
9. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
10. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995.
11. Грушко В. Ф. Судьба разведчика: книга воспоминаний. М.: Международные отношения, 1997.
12. Ельцин Б. Н. Совершенствуя стиль работы // Коммунист. 1983. № 11. С. 56–68.
13. Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 2001.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 14.
15. Крючков В. А. Личное дело. М., 2003.
16. Ленинградская правда. 1983. 23 марта.
17. Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий (ответы на вопросы, пришедшие в «Матросскую тишину»). М., 1993.
18. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. М, 1983.
19. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 22 ноября 1982 г. М., 1982.
20. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23–24 декабря 1983 г. М, 1983.
21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 26–27 декабря 1983 г. М, 1984.
22. Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.
23. Ненашев М. Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М., 1993.
24. Патрушев Н. Тайна Андропова // Российская газета. 2004. 15 июня.
25. Платонов О. А. Государственная измена. М., 2004.
26. Правда. 1983. 31 марта.
27. Правда. 2004. 11–16 июня.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1985. Т. 15. Ч. 1.
29. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.

30. Семанов С. Н. Юрий Владимирович. М., 1995.
31. Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. М., 2001.
32. Сидоренко А. Жизнь, отданная служению Отечеству. К 90-летию со дня рождения Ю. В. Андропова // Спецназ России. 2004. № 06 (93). С. 20–21.
33. Сидоренко А. Жизнь, отданная служению Отечеству. К 90-летию со дня рождения Ю. В. Андропова // Спецназ России. 2004. № 07 (94). С. 20–21.
34. Сидоренко А. Жизнь, отданная служению Отечеству. К 90-летию со дня рождения Ю. В. Андропова // Спецназ России. 2004. № 08 (95). С. 20–22.
35. Сироткин В. Г. Кто обворовал Россию? М., 2003.
36. Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995.
37. Справочник партийного работника. М., 1984. Вып. 24-й. Ч. 1.
38. Справочник партийного работника. М., 1984. Вып. 24-й. Ч. 2.
39. Справочник партийного работника. М., 1985. Вып. 25-й.
40. Уверенно идти вперед // Известия. 1984. 16 февраля.
41. Уткин А. Андроповский призыв. 15 июня исполняется 90 лет со дня рождения легендарного Председателя КГБ СССР // ВПК. Военно-промышленный курьер. 2004. № 21(38). 9–15 июня.
42. Фроянов И. Я. Погружение в бездну: (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
43. Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995.
44. Шамбаров В. Е. Антисоветчина, или Обратни в Кремле. М., 2008.
45. Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательства. 1945–1991). М., 2004.
46. Яковлев А. Н. Горькая чаша: большевизм и реформация России. Ярославль, 1994.
47. Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001.
48. Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003.

Р. М. ВУЛЬФОВИЧ, В. Н. ЛОБКО

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В БЕРЛИНЕ

Ключевые слова:

бургомистры Берлина, чиновники, политики, муниципалитет

В статье рассматривается история становления системы управления Берлина с момента создания муниципалитета и до момента возникновения Большого Берлина. Авторы исследуют роль правящего бургомистра как лица, принимающего решение и определяющего направления развития города и его политической судьбы.

Проблема «управляемости» города в значительной степени формируется в рамках комплекса проблемных полей. Независимо от различий между теоретическими подходами к процессу принятия политических решений в данном проблемном поле присутствуют две основных компоненты: общие условия, в которых принимается политическое решение, и непосредственно лицо, его принимающее.

Столица ФРГ Берлин — город с одной из самых непростых политических судеб в европейской и мировой истории. С момента предоставления самоуправления гер-

Key words:

burgomasters of Berlin, civil servants, politicians, municipality

The history of the administration system of Berlin's development is analyzed in the article. It is the period from the foundation of municipality till the moment of the City of Berlin creation. The authors investigate the role of a ruling burgomaster as a person, who makes decisions and defines directions of development of the city as well as political destiny of the city.

манским городам¹ и вплоть до установления экстерриториального статуса города после Второй мировой войны [2] Берлин, имея столичный статус в германском рейхе и являясь одновременно столицей Пруссии, был одним из самых крупных муниципалитетов в стране².

¹ О Городском уложении фон Штейна-Харденберга как об одном из важнейших документов Прусской истории пишет в своей статье, посвященной «революции» 1808 г., немецкий историк К. Вигрефе. См.: [15].

² Уже в 1877 г. население города насчитывало более 1 млн человек; в 1895 г. — 1,5 млн; по переписи населения (5 декабря 1917 г.) — 1 744 085; после создания Боль-

В соответствии с существовавшими в Германии и Пруссии законами высшим органом муниципального управления в городе на протяжении всего этого периода являлся магистрат, состоявший из обербургомистра, его заместителя — бургомистра, а также из 30 оплачиваемых и неоплачиваемых городских советников (Stadtrat). Существовал также представительный орган (городской парламент) — городская палата депутатов (Stadtverordnetenversammlung), из членов которой совместно с городскими советниками и представителями граждан (Bürgerdeputierten) формировались различные комиссии, депутатии, куратории (органы, курировавшие различные сферы городской жизни), функции которых носили консультативный характер.

Не вызывает сомнений, что важнейшими «лицами» берлинской городской политики, следуя латинской формуле «*primus inter pares*» (первый среди равных), которой можно обозначить роль обербургомистра (в настоящее время правящего бургомистра), всегда были политики, занимавшие этот высокий пост. При этом нельзя забывать, что на муниципальном уровне принцип разделения властей не действует столь последовательно, как в госу-

шого Берлина (1 октября 1920 г.) население удвоилось до 3,9 млн человек. Даже в 1943 г. в Берлине проживало 4430 млн. Данные приводятся по: [3].

дарственном управлении, кроме того, магистратская модель предполагает тесную взаимосвязь политических и административных функций. В соответствии с этим обербургомистр Берлина всегда сочетал в своей деятельности и чисто политические функции (например, в большинстве случаев противостоял имперским властям, защищая интересы города и горожан), и функции по управлению, стремясь к рациональному и эффективному решению наиболее насущных городских проблем. Нельзя не отдавать себе, однако, и отчет в том, что в реально существовавшем городском самоуправлении большое место занимали представители граждан — члены городской палаты депутатов, некоторые из которых сыграли фундаментальную роль в истории города. Более того, многие из этих выдающихся городских политиков одновременно представляли интересы жителей Берлина в Законодательном собрании Пруссии и Рейхстаге.

Даже краткое перечисление наиболее значимых фигур берлинской политико-административной истории и их основных достижений выявляет значимость принятых ими в свое время решений и степень эффективности реализации этих решений.

Уже с 1860 г. в палате депутатов Берлина господствовало либеральное большинство, что резко контрастировало с общим консер-

вативным направлением прусской политики. Стремительно росло самосознание граждан. Отражением этого стал успех либералов на выборах обербургомистра 1862 г., на которых одержал победу К. Т. Зайдель, ставший первым из либерально настроенных бургомистров. К ним следует причислить также А. Хобрехта и М. фон Форкенбека, продолживших после его смерти в 1873 г. курс на либерализацию городской политики.

Личность Зайделя вполне может служить иллюстрацией характерных для «лиц, принимающих политическое решение» противоречий. Во-первых, как и многие другие высшие политики и управленцы в крупных городах, Зайдель не был уроженцем Берлина. Во-вторых, он не был склонен включаться в городскую политику и сделал это с подачи своего зятя, известного ученого-медика и политика Р. Вирхова, игравшего важную роль в жизни города. В-третьих, Зайдель навлек на себя высочайший гнев, призвав в тосте в честь 50-летия лейпцигской Битвы народов «освятить отечество, добавив в управление им каплю демократического меда» [1, s. 223], однако сам он, по воспоминаниям современников, был личностью авторитарной, хотя и отличавшейся неумемной жадностью, но не склонной осуществлять более либеральную политику, ориентированную на инте-

ресы широких слоев горожан. Период его пребывания на посту обербургомистра характеризовался острыми конфликтами, связанными с его самоуправством, стремлением к принятию единоличных решений, что достаточно скоро оттолкнуло от него членов прогрессивной коалиции в палате депутатов и товарищей по партии, причем информация об этом даже просочилась в прессу [8, s. 53–114].

В 1860 г. Берлин превращается постепенно в город общеевропейского значения, настоящую метрополию, однако оказывается не готовым к новой роли — имперской столицы. Основная направленность муниципального развития по-прежнему определяется потребностями города и горожан, а не новыми политическими и административными функциями, которые ему предстоит исполнять десятилетием позже. Символом города станет впоследствии заложенная в 1861 г. «красная ратуша», которая по высоте своей башни даже превосходила Королевский городской дворец. Несомненно, этот проект свидетельствовал о значительном росте самосознания горожан. Во вновь образованном рейхе Берлин если и не был полностью чужеродным телом, то, во всяком случае, считался городом с особым статусом и характером, как все большие города [12, s. 677–678].

Как уже упоминалось ранее, вступление Зайделя в городскую

политику произошло по инициативе его родственника, Р. Вирхова. Особое значение данной политической фигуре придает то, что, будучи выдающимся врачом, гигиенистом, патологоанатомом³, он одновременно был участником мартовской революции 1848 г., стал в 1861 г. создателем одной из наиболее влиятельных либеральных партий (Fortschrittspartei — Прогрессивная партия). В качестве фундаментальной цели своей политической деятельности Вирхов определял «достижение свободы, дочерью которой являются просвещение и благосостояние» [6, s. 859–661].

С 1861 по 1902 гг. он являлся депутатом городского представительного органа, годом позже стал депутатом Законодательного собрания Пруссии, а также с 1880 по 1902 гг. избирался депутатом рейхстага. Как результат его деятельности в качестве городского политика можно рассматривать следующие муниципальные проекты: строительство городских больниц, крытого рынка, бойни, соответствующей гигиеническим требованиям, планирование городской канализации. Как региональный политик он выступал за

³ Данный феномен известен и в других крупных городах: роль врачей в городской и государственной политике часто была исключительно значимой. Забота о здоровье сограждан приводила их в политику, т. к. они не видели иного пути к решению этой жизненно важной проблемы.

ограничение военных расходов, всеобщее разоружение, разрешение международных конфликтов в третейских судах, создание Соединенных Штатов Европы. Им же впервые была выдвинута идея «культурной борьбы» — движения за независимость культуры от влияния церкви. В качестве депутата Рейхстага Вирхов боролся, в первую очередь, за создание базового государственного медицинского обеспечения. Будучи ярким противником О. фон Бисмарка, он отказался принять его вызов на дуэль, аргументируя это тем, что дуэль не является видом дискуссии, отвечающим духу времени [13].

Чрезвычайно важными для Берлина были идеи Р. Вирхова о необходимости развития местного самоуправления, признание прав национальных меньшинств, борьба против нараставшего антисемитизма. Р. Вирхов является политиком, чей вклад в развитие и «управляемость» города той эпохи был наиболее весомым. Однако он был не единственным классическим «либералом», стремившимся к превращению крупнейшего города Германии в благоприятную для жизни среду. Следует, например, выделить в берлинской политике имперского периода другого выдающегося ученого, либерала, юриста, специалиста по древней истории Г. Моммзена, являвшегося в этот период депутатом Прусского парламента и рейх-

стага, прошедшего путь от сторонника деятельности Бисмарка до яростного противника созданного им бюрократического юнкерского государства [5, s. 159–170].

Зайдель был только «пионером», проложившим дорогу либеральной городской политике на долгие десятилетия. За ним последовали такие выдающиеся городские «управляющие», как А. Хобрехт (брат разработчика системы городской канализации Дж. Хобрехта), избранный на пост главы города в 1873 г. и сохранивший его лишь в течение 5 лет. Несмотря на непродолжительность этого срока и свою более консервативную, чем у Зайделя, политическую ориентацию, он продолжал начатое предшественником и значительно продвинул такие важнейшие проекты, как строительство городской канализации, передача городу постовых полицейских, содержание дорог и мостов, приобретение английских водонасосных станций. Его проект выделения Берлина, Шарлоттенбурга и нескольких деревень в отдельный городской округ в составе Пруссии, который может рассматриваться как первая попытка рационализации территориальной структуры в районе Берлина, не получил поддержки.

Преемник Хобрехта — М. фон Форкенбек — имел значительный политический опыт: был бургомистром Бреслау, депутатом различ-

ного уровня. С политической точки зрения его можно назвать национал-либералом, однако Форкенбек покинул партию в связи с несогласием с политикой Бисмарка.

Это вызвало недовольство императора, а канцлера побудило заговорить о «прогрессивном кольце, управляющем Берлином». В означенное кольцо он включал не только Палату депутатов, магистрат и его руководителя, но и оппозиционную прессу [8, s. 75]. Несмотря на постоянный конфликт с высшей властью, за 17 лет работы Форкенбеку удалось добиться значительных результатов в улучшении сети улиц. Вместе со строительством городской железной дороги, проведенным правительством Пруссии, это значительно модернизировало транспортную сеть. Была построена конка, созданы новые зеленые массивы и крытые рынки. На период управления Форкенбека приходятся также первые шаги по использованию электричества для городских нужд, в том числе для уличного освещения. Повторная попытка включения в состав Берлина быстро растущих пригородов, сделанная Форкенбеком, также потерпела неудачу [8, s. 82].

Его последователи в основном придерживались той же линии: Р. Целле (1892–1898) добился наименее значительных результатов, однако при его преемнике М. Кишнере (1899–1912), который уделял

внимание прежде всего вопросам образования и транспорта, был построен ряд важных общественных зданий, а также все подземные и надземные линии метро и городской железной дороги, возводившиеся до Первой мировой войны [5, s. 162].

На долю следующего обербурггомистра — А. Вермута, опытного политика и управленца, призванного Палатой депутатов на этот высокий пост в 1912 г., выпадет один из самых сложных периодов в истории Берлина, завершением которого станет создание Большого Берлина в 1920 г. Именно Вермут сможет объединить усилия по объединению, происходившему в условиях острых политических, социальных, финансовых, психологических конфликтов. Он же будет избран первым обербурггомистром нового муниципалитета, но сохранить за собой место главы городского самоуправления ему не удастся. Вермут останется частью еще имперской истории, хотя некоторый период он руководил городом и в годы Веймарской республики. События 1920 г. по праву называют «звездным часом» истории города [10, s. 814–824].

История создания Большого Берлина поражает драматизмом, но одновременно демонстрирует удивительную способность всех политических акторов, участвовавших в процессе, к принятию взвешенных и рациональных управленче-

ских решений. Именно управленческих, т. е. создававших прочную основу для будущего функционирования и развития гигантской для того времени системы, значительно раздвинувшей свои территориальные границы и почти удвоившей численность населения.

Несмотря на острый конфликт между политическими силами правой и левой ориентации, компромиссным решением стало создание единого муниципалитета из 8 городов и 29 сельских муниципалитетов, обладавших полным объемом полномочий в рамках местного самоуправления. Города имели не только давние исторические традиции и являлись центрами в пределах берлинской агломерации, но и в значительной степени располагали гораздо большими ресурсами, прежде всего финансовыми, чем Берлин [10, s. 820]. При принятии окончательного решения в Законодательном собрании Пруссии 27 апреля 1920 г. большинство было минимальным: 165 голосов — за, 148 — против, общее количество депутатов Собрания составляло 402 народных избранника. Партии, выступавшие за создание единого муниципалитета, но согласившиеся на компромисс, позволявший ранее независимым муниципалитетам сохранить часть своих полномочий в рамках децентрализованной структуры, — СДПГ (Sozialdemokratische Partei Deutschlands), ДПГ (Deutsche

Demokratische Partei), Партия Центра (Zentrum) – имели в Собрании подавляющее большинство (302 голоса из 402) [10, с. 818], что позволяет сделать определенный вывод: часть их представителей голосовала против принятого решения.

Однако рациональность этого решения полностью подтверждена временем: почти через 100 лет сформированная в Берлине модель муниципалитета по-прежнему сохраняет управляемость города после всех изменений и потрясений XX столетия.

В новом муниципалитете было фактически сохранено старое городское уложение 1853 г., магистратская модель, в которой обер-бургомистр не имел широких политических полномочий и выступал как часть коллегиального субъекта принятия политических решений. В Палате депутатов по-прежнему сохранялись оплачиваемые и неоплачиваемые депутаты, само количество которых было очень велико (225), что было связано с необходимостью учитывать интересы противников создания единого муниципалитета, т. е. представителей городов, вошедших в состав Большого Берлина.

Положение городских районов (20) было достаточно противоречивым, т. к. большинство решений принималось на городском уровне, а полномочия районного уровня были существенно ограничены. Тем

не менее, с созданием Большого Берлина в мире появился крупнейший город с достаточно сбалансированной, с точки зрения централизации и децентрализации, системой управления.

Влияние левых партий в новом муниципалитете оказалось значительным, что позволило им провести ряд решений, например, об избрании только оплачиваемых депутатов и сокращении количества членов магистрата. Данные решения не были утверждены надзорной государственной инстанцией и привели к повторным выборам. Несмотря на сложную политическую ситуацию, избрание А. Вермута в качестве обер-бургомистра и 8 городских советников, отвечавших за наиболее важные функциональные сферы, не вызвало возражений государственных органов. Вермут был избран только голосами СДПГ и НСДПГ (Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands) против голосов всех буржуазных партий.

Ситуация на первый взгляд выглядит парадоксально, поскольку Вермут возглавлял город с 1912 г., был председателем Целевого союза⁴, профессиональным чиновни-

⁴ Целевой союз представлял собой объединение муниципалитетов на территории будущего Большого Берлина с ограниченными полномочиями, существовавшее в период с 1911 до 1920 г. К полномочиям Союза были отнесены вопросы регулирования деятельности рельсового транспорта (за

ком, т. е. ни в каком контексте не мог восприниматься как политик левой ориентации. Правые партии обвиняли Вермута в слишком активном сотрудничестве с социал-демократами и независимыми социал-демократами. Вермут, опытный политик и администратор, объяснял это необходимостью опираться в деятельности на политическое большинство, которое в Берлине было леворадикальным в отличие от всей Пруссии и Германии в целом. Используя поддержку радикалов, Вермут наделся наиболее эффективно решать сложные послевоенные проблемы города, снизив при этом степень их политического влияния.

Нельзя рассматривать первого обербургомистра Большого Берлина как консерватора, который внезапно начал сотрудничать с полити-

исключением железных дорог), вопросы застройки и сохранения больших зеленых массивов. Целью деятельности было создание на территории объединения благоприятных условий для проживания, перемещения и отдыха жителей. Одной из главных заслуг Целевого союза является сохранение в Берлине больших зеленых массивов, которые удалось вывести из сферы земельных спекуляций. В области транспортного обеспечения были также достигнуты значительные результаты: к 1918 г. удалось унифицировать тарифы всех трамвайных обществ (в городе их было 7), в 1919 г. самая крупная трамвайная компания была куплена Союзом. Эта интеграционная деятельность была продолжена после 1920 г. новым муниципалитетом.

ческими силами совершенно иной ориентации. Хотя сам Вермут определял себя как чиновника [14, s. 438–441], можно утверждать, что он был опытным и очень осторожным политиком, о чем свидетельствует тот факт, что он принял решение выйти в отставку вскоре после назначения. Это произошло в тот момент, когда он понял, что все буржуазные партии настроены враждебно по отношению к нему, а левое большинство было утрачено после отделения от НСДПГ коммунистов, расколовших единство социал-демократов и противопоставивших себя всем политическим силам. Нельзя не отметить, что благодаря взвешенной и осторожной политике Вермута гораздо меньшее количество независимых социал-демократов ушло к коммунистам в Берлине, чем в других городах — оплотах левых партий.

На примере судьбы этого городского политика и управленца высшего уровня отчетливо видно сочетание всех видов переменных, определяющих как общую судьбу города, так и место в ней наиболее ярких персонажей городской политической истории. Что касается Берлина, независимыми переменными его становления могут быть признаны следующие факторы:

— роль Берлина как крупнейшего города Германии, центра политического и культурного развития германской нации (напри-

- мер, литературного немецкого языка);
- длительное противостояние городской политики режиму королевской Пруссии, а позже — Германского рейха;
 - длительное функционирование в рамках либерального и социал-демократического направления;
 - прочные традиции развития местного самоуправления как автономного и влиятельного института в контексте прусской политики;
 - характерное для любого крупного города несоответствие общим принципам управления, принятым в конкретной стране.

Не менее ярко выделяются зависимые переменные, в числе которых:

- активная деятельность в Берлине социал-демократических партий, рабочего движения, либеральной интеллигенции, средств массовой информации, способствовавших формированию определенной политической культуры;
- экономическое развитие, требовавшее более интегрированного процесса управления;
- влияние Первой мировой войны и Ноябрьской революции, обостривших многие старые проблемы.

И, наконец, к возмущающим переменным могут быть отнесены следующие факторы:

- неприкрытая вражда правых партий в отношении А. Вермута, ставшая одной из причин его отставки, могла быть связана с резким падением влияния левых и усилением правых после поражения капповского путча;
- личность самого обербургомистра, чрезвычайно сильно ориентированного на поиск компромиссных решений, приводящих не к эскалации конфликта, а его мирному разрешению⁵.

Своим противникам справа Вермут должен был казаться ренегатом. Они не хотели видеть, что в беспокойные годы после войны и революции Берлину была нужна более гибкая политика, чем обычно проводившаяся в рамках муниципального управления. Двумя основными достижениями Вермута стали его реализованные муниципальные проекты в годы войны и революции, а также создание Большого Берлина. Непосредственным поводом к отставке 24 ноября 1920 г. послужила стычка с городским казначеем Г. Бессом, обвинившим обербургомистра

⁵ В своих мемуарах А. Вермут описывает парадоксальную ситуацию во время забастовки берлинских рабочих-электриков в ноябре 1920 г., когда правительство Пруссии было настроено на жесткое разрешение конфликта, которого удалось избежать благодаря очень взвешенной и осторожной политике, проводившейся городскими властями под руководством Вермута. См.: [14, s. 435].

в незнании основных показателей городского бюджета⁶.

Преемником Вермута на должности обербургомистра стал именно Г. Бесс. Как и большинство высших политиков Берлина, он не был урожденным берлинцем, карьеру начинал как чиновник, в дальнейшем включился в муниципальную политику, которая открывала в регионе Берлина широкие перспективы и давала значительно более высокие доходы. В период создания Большого Берлина он был сторонником максимальной централизации с полным упразднением существовавших ранее муниципалитетов. С политической точки зрения его позиция не была однозначной, т. к. он достаточно часто выступал в поддержку мероприятий по защите социально незащищенных жителей, вызывая критику буржуазных партий [9, s. 825–836].

Эра Бесса началась с ухода Вермута, а закончилась скандалом с финансовыми аферами братьев Скларек, в которых Бесс был замешан, хотя, скорее всего, осуществлялись они без его ведома. В период его работы на высшей городской должности новый муниципалитет переживал трудности «срастания», как органов управления — магистрата и администрации, так и разнообразных служб и предприятий,

что представляло значительные трудности с точки зрения организации деятельности и определения ответственности. Трудности испытывали при этом даже пожарные, в результате чего в ряде случаев они не успевали приехать по вызову из-за спора: на чьей территории пожар произошел. В связи с недоверием ко многим органам управления, по инициативе Бесса были созданы специальные финансовые контрольные органы (например, городская счетная палата) [4, s. 26–48].

Наиболее тяжелые годы инфляции и резкого обнищания населения города, когда потребление основных продуктов питания, таких как хлеб и молоко, упало в десятки и даже сотни раз, пришлось на период деятельности Бесса. Платой за нормализацию положения стала жесткая экономия государственных и муниципальных расходов, потребовавшая также существенного сокращения аппарата. В берлинской администрации это использовали для увольнения неугодных по политическим соображениям сотрудников. В том числе в магистрате существенное большинство социал-демократов, возникшее в первом его составе, было выровнено избранием вместо умершего бургомистра представителя одной из правых партий. Это стало возможно благодаря расколу социал-демократов после образования КПГ (Komunistische Partei Deutschlands).

⁶ Этот эпизод описывает в своей книге Ф. Ланге. См.: [11, s. 9 f.].

Сложным было положение во всех частях города: во вновь созданных районах так называемого «старого Берлина» нужно было сформировать районные собрания депутатов и администрации, выбрать районных бургомистров; в районах, включавших ранее существовавшие муниципалитеты, было необходимо интегрировать процесс управления для обеспечения единообразного функционирования. Так, в состав района Райникендорф вошли 10 поместий и сельских муниципалитетов [9, s. 830–831].

Оценивая в целом ситуацию во взаимоотношениях крупнейшего города и государства, Г. Бесс писал: «Интересы Берлина в значительной степени совпадают с интересами других муниципалитетов, когда речь идет о разделении доходов между рейхом и землями, с одной стороны, и муниципалитетами, с другой. Они, однако, расходятся тогда, когда возникает вопрос о том, как доля муниципалитетов от налогов, взимаемых рейхом и землями, должна распределяться между муниципалитетами» [4, s. 176]. Негативное отношение к крупнейшим городам не является редким, в случае Берлина оно имело давнюю, еще имперскую традицию, но значительно усилилось во время событий революции 1918 г., в связи с чем местом проведения Национального собрания и был выбран Веймар.

Еще одним фактором, определявшим негативное отношение к Берлину, была своего рода «зависть» других городов к гиганту, находившемуся, несмотря ни на какие субъективные факторы (например, злобная пропаганда, называвшая его рассадником разврата и т. п.), в более благоприятном положении. Так, в Берлин ежегодно прибывало от 80 до 100 тыс. человек, как всякий большой город он привлекал и притягивал людей, подобно магниту. За счет размещения в городе крупных предприятий и фирм он также получал значительные доходы от «промыслового налога» [9, s. 852].

Работая в относительно благоприятных финансовых условиях, Бесс, тем не менее, был вынужден разрешать многочисленные конфликты: с Союзом немецких городов, с «мятежными пригородами» и т. п. Не всегда он проявлял при этом достаточную способность к переговорам, однако его слова о том, что «у Шпандау есть будущее только вместе с Берлином, но не против Берлина» [7, s. 408 f.], оказались пророческими.

Колесо не удалось повернуть вспять, новый муниципалитет не распался, но нарекания по поводу его внутренней структуры, взаимоотношений Палаты депутатов и магистрата, города и районов были достаточно серьезными. В связи с этим в 1928 г. были подготовлены два предложения по совершенствованию

нию территориальной структуры города и его системы управления. Предполагалось создать городское ядро с населением 700–800 тыс. человек и 9 районов, которые должны были лучами отходить от центрального ядра⁷. С точки зрения управления, районы должны были утратить свою ограниченную автономию: их управления предполагалось подчинить магистрату, а собрания депутатов заменить совещательными органами [11, с. 117].

Ни один из данных проектов не был реализован, хотя обербурггомистр выступал в их поддержку как давний сторонник централизации и противник районных собраний депутатов. Как опытный управленец, Бесс прилагал все усилия для повышения степени управляемости города, но, как и во многих других городах и в другие эпохи, различные переменные не позволяли достигать поставленных целей, а иногда исключали возможность их корректной постановки.

В качестве зависимой переменной в случае Бесса была его принадлежность к маленькой партии (ГДП — Deutsche Demokratische Partei), не набравшей даже 10% голосов на выборах в Палату депутатов, т. е. отсутствие опоры в представительной власти и магистрате.

⁷ В настоящее время в Берлине 12 районов, созданных после реформы 2001 г., хотя они и сформированы на основе исторически существовавших частей города.

Но существовала независимая переменная, которая действовала неизменно: обербурггомистр Берлина всегда был на вторых ролях в имперской столице и столице Пруссии, что сильно снижало его политическую значимость.

Обербурггомистр пытался компенсировать эти дефициты политического влияния в тех сферах, где он мог добиться наиболее эффективных результатов: в строительстве спортивных сооружений, открытии новых парков, покровительстве искусству, помощи нуждающимся. Именно в этой сфере Бесс часто прибегал к нетрадиционным методам, принуждая делать благотворительные взносы при заключении городских контрактов или выделении земельных участков под застройку [4, с. 140–154].

Эра Бесса завершилась в ноябре 1929 г. в результате скандала: он сам возбудил против себя служебное расследование в связи с делом братьев Скларек, которое привело к его увольнению с должности. Политические противники обербурггомистра резко выступили против него с обвинениями в коррупции и недобросовестности, сторонники не противопоставили им никаких серьезных доводов.

Подводя итог, можно констатировать, что в период становления системы управления Берлина, с момента создания муниципалитета и до этапа полного формирования

системы управления Большого Берлина, роль «лиц, принимающих решения» в городе не может рассматриваться как имеющая решающее значение. Общие направления развития города, его политическая судьба в большей степени зависели от решений органов государственного управления.

Потребовалась системная демократизация Германии для того, чтобы правящий бургомистр Берлина стал реальным политическим актором, который совместно с депутатами городского представительного органа смог бы определять судьбу города и принимать значимые политические решения.

1. Chronik Berlin. Gütersloh; München: Chronik Verlag im Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997.
2. Die Berliner Konferenz der Drei Mächte. Der Alliierte Kontrollrat für Deutschland; Die Alliierte Kommandantur der Stadt Berlin. Sammelheft 1. Berlin, 1945.
3. Einwohnerentwicklung von Berlin [Электронный документ] // Wikipedia. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Einwohnerentwicklung_von_Berlin (дата обращения: 17.11.2009).
4. *Engeli Ch.* Gustav Böß. Oberbürgermeister von Berlin 1921–1929. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 1971. S. 26–48.
5. *Erbe M.* Berlin als Brennpunkt der Politik // Geschichte Berlins / Hrsg. von W. Ribbe. Band 2. Muenchen: Beck, 1987.
6. *Jenssen Ch.* Rudolf Virchow // Demokratische Wege. Deutsche Lebensläufe aus fünf Jahrhunderten. Ein Lexikon / Hrsg. M. Asendorf, von R. Bockel. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 1997. S. 859–911.
7. *Kaeber E.* Böß Gustav // Neue Deutsche Biographie. Band 2. Berlin: Duncker & Humblot, 1955.
8. *Kaeber E.* Die Oberbürgermeister Berlins seit der Steinschen Städteordnung // Jahrbuch für die Geschichte Berlins. Berlin: Akademieverlag, 1952. Bd. 2. S. 53–114.
9. *Köhler H.* Die Ära Böß // Geschichte Berlins / Hrsg. von W. Ribbe. Band 2. Muenchen: Beck, 1987.
10. *Köhler H.* Die Schaffung von Groß-Berlin und der Sturz Wermuts // Geschichte Berlins / Hrsg. von W. Ribbe. Band 2. Muenchen: Beck, 1987. S. 814–824.
11. *Lange F. C. A.* Groß-Berlin Tagebuch 1920–1933. Berlin, 1951.
12. *Richter G.* Auf dem Wege zur Reichshauptstadt // Geschichte Berlins / Hrsg. von W. Ribbe. Band 2. Muenchen: Beck, 1987. S. 677–698.
13. Rudolf Virchow [Электронный документ] // Wikipedia. URL: // http://en.wikipedia.org/wiki/Rudolf_Virchow (дата обращения: 17.11.2009)
14. *Wermuth A.* Ein Beamtenleben. Berlin: A. Scherl, 1922.
15. *Wiegrefe K.* Die gute Revolution // Der Spiegel. 2007. № 33. S. 32–42.

М. О. ЛОГУНОВА

ТРАУРНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

источники, похороны, церемониал, архив, мемуары

Key words:

empirical materials, funeral, ceremony, archives, memoirs

В статье анализируется источниковая база исследования истории траурного церемониала в Российской империи. Автор разделяет источники на несколько групп, указывает, какие именно документы входят в каждую группу, анализирует значение этих документов для изучения похорон российских монархов как одного из важнейших государственных мероприятий.

The empirical materials for the research of the Royal Funeral Rites in the Russian Empire is analyzed in the article. The author divides the materials into several groups, indicates the type of the documents gathered in each group and analyses the significance of the documents for the research of the Funerals of the Russian monarchs as one of the most important state ceremonies.

«У русского народа, как у каждого великого народа, яркая, героическая, вызывающая уважение и восхищение и в то же время противоречивая, сложная, неоднозначная история», — отметил Президент Российской Федерации Д. Медведев [7]. В ходе истории сформировались определенные традиции, которые необходимо сохранять и развивать. В ряду этих традиций — различные ритуалы и церемониалы, подчеркивавшие стабильность и преэминентность власти, силу и значение государства. Некоторые из этих церемониалов практически не изучены. Их исследование могло бы не только удов-

летворить научное любопытство историка, но и способствовать проведению современных государственных мероприятий высокого уровня. К таким ритуалам, почти забытым сегодня, относится траурный церемониал, существовавший в Российской империи.

Для его изучения требуется привлечение и анализ широкого круга источников различного происхождения, включающего в себя как опубликованные, так и не публиковавшиеся ранее документы и материалы, которые могут быть разделены на следующие группы:

1) нормативные и правовые акты;

- 2) делопроизводственная документация;
- 3) мемуары современников событий;
- 4) изобразительные источники;
- 5) периодическая печать и книжные издания.

Нормативные и правовые акты.

Среди источников нормативного характера находятся указы царские и императорские, официальные акты, издаваемые правящими монархами в отношении смерти членов императорской семьи, и церемониалов, связанных с траурными мероприятиями. О смерти любого из представителей правящей семьи народу сообщалось манифестом, подписанным действующим императором. Любое действие церемониального характера после Высочайшего одобрения доводилось до сведения народа и дипломатического корпуса через публикацию.

Упомянутые нормативные источники большей частью опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи» и являлись приложениями к некоторым изданиям мемуарного характера или дипломатическим отчетами представителей различных государств в России [19]. Наибольший интерес представляют документы Российского государственного исторического архива (РГИА), собранные в фонде 473 (Церемониальная часть Министерства императорского двора) [16; 17; 18], где хранятся манифесты и дела о по-

гребении членов императорской фамилии. Церемониал императорских похорон утверждался следующим монархом и представлял большую ценность в качестве документа эпохи и образца для последующего мероприятия подобного рода.

В связи с установлением траура и определенной формы печального платья требовалось издание указов, регламентирующих время ограничения увеселительных мероприятий, детали и цвет одежды. Особо следует отметить журналы трауров, наложенных при Высочайшем дворе по усопшим членам других монарших семей¹. Вне зависимости от реальности родственных связей, все члены правящих или правивших династий, особенно христианских конфессий, воспринимались как равнородные и принадлежащие к единой правящей мировой семье. Этот вид источников оказался почти не востребован исследователями и практически не опубликован.

Особый интерес представляют источники нормативного характера, относящиеся к армии. Так, действие «Инструкций и артикулов военных» [5] распространялось на регламентацию вскрытия мертвых тел не только военных, но даже членов царской семьи. В траурной процессии были задействованы войска, все действия которых регулировались

¹ См. напр.: дела фонда 473 РГИА 1, 25, 31, 41, 68, 69, 78, 86, 157, 220, 216, 245, 266, 325, 429, 670, 769, 1184 [18].

«Сводами правил войск на погребение» [13], которые подвергались постоянному исправлению. Значительную часть этих материалов можно обнаружить в Российской национальной библиотеке.

Делопроизводственная документация. К этому виду источников можно отнести различные документы, связанные с деятельностью придворного ведомства и отображавшие жизнь императорского двора и функционирование различных учреждений, занимавшихся его обслуживанием.

В РГИА имеется несколько фондов², в которых представлены документы, интересные с точки зрения изучения жизни императорского двора в период подготовки и проведения траурных церемоний. Документы, хранящиеся в этих фондах,

² См.: фонды 466 (Высочайшие повеления по придворному ведомству), 468 (Кабинет Его императорского величества), 469 (Придворная контора МИДв), 484 (Общий архив МИДв) и 816 (Придворный Петропавловский собор. В фонде 466 собраны указы и Высочайшие повеления. Фонды 468 и 469 содержат именные указы, сведения о рождении, бракосочетании, смерти и других событиях в императорской семье; формулярные, списки камергеров и камер-юнкеров, мастеров и мастеровых, медицинских чинов и лейб-медиков. В фонде 484 — дела о приеме, передаче, хранении и уничтожении архивных материалов и использовании их разными лицами и учреждениями. В фонде 816 представлены документы Петербургской духовной консистории; описи церковного имущества; ноты и тексты церковного пения, употреблявшиеся, в т. ч., в траурных церемониях.

дают представление о людях, служивших при дворе, их должностных обязанностях, содержат не только подробные описания событий, но и богатый статистический материал.

Строгая регламентированность придворной жизни не оставляла возможностей для нарушения выработанного годами этикета. Все события, происходившие при российском императорском дворе, регистрировались в гоф-фурьерских и камер-фурьерских церемониальных журналах. Изучение их позволяет развенчать некоторые из мифов, связанных с определенными событиями или историческими личностями. Большой научный интерес представляют сведения, содержащиеся в манифестах, указах, церемониалах и делах о погребении членов императорской фамилии; об аудиенциях членам дипломатического корпуса, иностранным королеванным лицам³. Особую группу источников представляют «экстракты» из донесений русских дипломатов, работающих в других странах, о правилах проведения различных, в том числе траурных, мероприятий за границей [20], протоколы о смерти правителей, справки о назначении дежурств при теле усопшего монарха, правила погребения членов императорской семьи и сведения об изучении Печального

³ См.: фонд 473 (Церемониальная часть МИДв).

российского обряда чиновниками церемониального ведомства во время составления новых сценариев подобных мероприятий⁴. В числе делопроизводственной документации следует привести поденные записи о событиях придворной жизни, позволяющие узнать подробности печальных церемониалов по поводу смерти и похорон членов императорской фамилии⁵. Утвержденные церемониалы являются основным источником информации о последовательности действий в ритуалах, носившей политический и символический характер, а также определить круг лиц, имевших особую близость к правящей семье в данный исторический период.

Мемуарная литература. Особое значение имеет такой пласт источников личного происхождения, как мемуаристика, представленная дневниками, письмами и воспоминаниями, которую можно условно поделить на две группы — отечественную и иностранную. К отечественным источникам относятся документы и дневники членов императорской семьи, свидетельства лиц из их близкого окружения и людей, связанных своей деятельностью с двором. Находясь в непосредственной близости к императорской семье и участвуя во всех событиях

жизни, представители ближнего круга были вовлечены в описываемое ими действие [11]. Немало воспоминаний оставили и иностранные авторы, в основном дипломаты и путешественники, жившие или посещавшие Россию в разное время. К ним относятся: датский посланник Юст Юль, брауншвейг-люнебургский резидент Х.-Ф. Вебер, голштинский дипломат Ф.-В. Берхгольц, граф Бассевич, прусский посланник Густав Мардефельд, француз Ж. де Кампредон, М.-Д. де Корберон, граф Л.-Ф. Сегюр, Морис Палеолог и др. Многие из этих воспоминаний были опубликованы в журнале «Русский архив».

Ценность упомянутых материалов состоит в том, что зачастую в них зафиксированы факты, не отмеченные в других источниках. В отличие от официального отчета, автор, являвшийся свидетелем события, фиксирует свое внимание на отдельных ярких деталях, особенно если речь идет о чем-то новом и необычном. Это, в первую очередь, характерно для воспоминаний иностранцев, которые часто не понимали сути происходящего, давали неверную трактовку события, исходя из установок западноевропейской традиции, но при этом обращали внимание на то, что отечественным гражданам казалось привычным и не требующим особой констатации фактом.

К мемуаристике примыкают официальные отчеты и письма-от-

⁴ См., напр., дела 112, 155, 205, 231, 277, 349, 423, 434, 819, 835, 854, 857 [18].

⁵ См.: фонд 516 (Камер-фурьерские журналы).

четы иностранных дипломатов при русском дворе, многие из которых были опубликованы в сборниках Императорского русского исторического общества и других изданиях.

Изобразительные источники. В связи с тем, что при подготовке и проведении государственного ритуала большое внимание уделялось аудиовизуализации действия. Для работы в Печальной комиссии приглашались лучшие художники и архитекторы, на которых возлагалась обязанность создания декораций в помещениях императорских дворцов, в Петропавловском соборе и т. д. Кроме того, делалась Печальная колесница, шились специальные наряды для участников церемонии, что также требовало участия проектировщиков. После окончания траурных мероприятий обычно иллюстративный материал в качестве приложения добавлялся к брошюре, посвященной данной теме. В связи с изобретением фотографии и кинематографа появились документальные кино- и фотоматериалы, запечатлевшие императорские похороны.

Посмертные портреты, посмертные маски, графический материал, отображающий оформление Траурной залы, картины, фотографии и документальные фильмы являются ценнейшим источником для изучения данной темы и представлены в различных изданиях и музеях.

Так, в Зимнем дворце Петра I (Государственный Эрмитаж) экспонируются сохранившиеся работы с изображением трех видов погребальной залы императора, которые дают представление об изменении подхода к погребению монарха в России в первой половине XVIII в.⁶ Выставка в Петропавловском соборе Петропавловской крепости (Государственный музей истории Санкт-Петербурга) демонстрирует различные изобразительные материалы, посвященные теме похорон членов Российского императорского дома. Изучение подобного рода гравюр, рисунков, чертежей и планов позволяет представить картину парадного государственного траурного действия.

Периодическая печать и книжные издания. Такое важное событие, как смерть и похороны членов императорской семьи, находило свое отражение в газетах, журналах, бюллетенях и пр. Материал включал в себя самую разнообразную по происхождению и характеру информацию. Важнейшей особенностью этого рода источников является оперативность их создания и публикации. В периодической печати появля-

⁶ Подлинники этих работ хранятся в архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. См. работы С. М. Коровина «Вид торцевой стены Погребальной залы Петра I» и А. И. Ростовцева «Два вида погребальной залы Петра I» (обе — с рис. М. И. Земцова, проект Н. Пино, 1725) [6, л. 1–4].

лись официальные сообщения и документы, законодательные акты, письма, хроника, всевозможная информация (заметки-отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявления, беллетристика, некрологи и т. д. Своеобразие прессы как источника информации проявлялось в определенной детерминированности отбора и подачи материала.

Официальные сообщения о смерти и похоронах членов правящих семей появились в России уже в первых печатных изданиях начала XVIII в., например, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» [см.: 9; 10], впоследствии освещение этой темы стало обязательным. Н. И. Новиковым во второй половине XVIII в. были опубликованы материалы, представляющие интерес для исследования реформирования траурного церемониала: духовные грамоты великих и удельных князей, описание жизни и смерти русских князей, предпринятое Б. А. Селием [12] и др.

Подъем патриотических настроений во второй половине XIX в. вызвал усиление интереса к отечественной истории. В этот период выходит несколько периодических изданий, не потерявших своего научного значения и сегодня: сборники Императорского русского исторического общества (1866–1917 гг.), журналы «Русский архив» (1863–1917 гг.) и «Русская старина» (1870–1918 гг.).

С первой половины XVIII в. появилась традиция освещения похорон правителя государства. Специальные брошюры, которые можно обнаружить в Российской научной библиотеке, выпускавшиеся с Высочайшего соизволения, являются важными источниками для изучения траурных церемоний в России.

Современные интернет-ресурсы предоставляют возможность познакомиться с документами, находящимися в разных собраниях и коллекциях. Электронные библиотеки и интернет-сайты различных вузов и музеев расширяют возможности заинтересованного исследователя. Так, на «Российском общеобразовательном портале» [12] собраны документы, свидетельства современников событий, изобразительные материалы, в том числе по теме траурных церемоний. Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [2] предлагает ссылки в Интернете на источники по истории России XVIII — нач. XX в. Сайт «Российские архивы» [1] облегчает доступ к некоторым материалам архивов.

Все эти многочисленные материалы позволяют изучить в развитии и многообразии реформирование траурного церемониала императорской России XVIII — начала XX в., что открывает новые перспективы для изучения официальных церемониалов, проведение ко-

торых является важным аспектом театра власти. Накопленный опыт в проведении государственных действий с вовлечением большого количества участников, использованием раз-

личных элементов воздействия на зрителей может явиться полезным для современной власти при организации общественных мероприятий государственного уровня.

1. Архивы России. Ссылки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/links/russian/index.shtml> (дата обращения 25.01.2010).
2. Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/index.html> (дата обращения 25.01.2010).
3. *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1.
4. *Головина В. Н.* Мемуары. М.: АСТ; Астрель; Люкс, 2005.
5. Инструкции и артикулы военные притом же и краткие примечания: напечатано повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1714, декабря в 22 день // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А. Г. Манькова. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4.
6. Коллекция рукописей Н. П. Лихачева // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБ ИИ РАН). Кол. 238. Оп. 2. Картон 253. Д. 12.
7. *Медведев Д. А.* Россия, вперед! [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2009. 10 сентября. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 25.01.2010).
8. *Нартов А. К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.
9. О кончине императрицы Елизаветы Петровны // Санкт-Петербургские ведомости. 1761. № 104. 28 декабря.
10. О кончине и погребении великой княгини Натальи Алексеевны // Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 35. 29 апреля.
11. *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, Архиепископом Новгородским и Св. Синода Первенствовавшим Членом. С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении блаженной высокочестной и вечнодостойнейшей памяти Всепресветлейшего, Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженной памяти Ее Императорского Высочества, Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831.
12. Российский образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: http://www.school.edu.ru/faq.asp?ob_po=14306 (дата обращения 25.01.2010).
13. Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов войск на погребение. Исправлен по 1 января 1887 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1886.
14. *Селий Б. А.* Зерцало историческое Государей Российских // Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая ежемесячно Николаем Новиковым. Часть I. Месяц Январь. Месяц Февраль. Месяц Март. Месяц Апрель. СПб., 1773.
15. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Захаров, 2000.
16. Церемониальная часть Министерства императорского двора (МИДв). Церемониалы и дела о крещении, бракосочетании и погребении членов императорской фамилии; о коронации императоров и императриц; о присягах вел. князей; об аудиенциях членам дипломатического корпуса, иностранным коронованным лицам и др., о представлениях разных лиц членам императорской фамилии; о закладке и освещении церквей и открытии памятников; о юбилеях известных исторических событий; личные дела чиновников. 1690–1887 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 1.

17. Церемониальная часть МИДв. Церемониалы и дела о крещении, бракосочетании и погребении членов императорской фамилии; о коронации императоров и императриц; о присягах вел. князей; об аудиенциях членам дипломатического корпуса, иностранным коронованным лицам и др., о представлениях разных лиц членам императорской фамилии; о закладке и освещении церквей и открытии памятников; о юбилеях известных исторических событий; личные дела чиновников. 1888–1916 гг. // РГИА. Ф. 473. Оп. 2.
18. Церемониальная часть МИДв. Церемониалы и дела о крещении, бракосочетании и погребении членов императорской фамилии; о коронации императоров и императриц; о присягах вел. князей; об аудиенциях членам дипломатического корпуса, иностранным коронованным лицам и др., о представлениях разных лиц членам императорской фамилии; о закладке и освещении церквей и открытии памятников; о юбилеях известных исторических событий; личные дела чиновников. 1719–1917 гг. // РГИА. Ф. 473. Оп. 3.
19. *Шереметев Н. П.* Дежурства при императрице Екатерине II. Ноябрь и декабрь 1796. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1896.
20. Экстракт из церемониалов при иностранных дворах. 1748 г. // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20.

В. Б. АЛЕКСАНДРОВ

ТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Ключевые слова:

социальная реальность, философская мысль, культурная традиция, категория культуры, русские философы

В данной статье делается попытка рассмотреть трактовку русскими философами одной из важнейших универсалий культуры — категории социальной реальности. Для отечественной философии работа в этом направлении является весьма актуальной. Предпринимаемые сегодня усилия по модернизации различных сфер общественной жизни должны опираться на отчетливое представление о той культурной традиции, на фоне которой эти усилия могут оказаться более или менее успешными.

Успешность социальных преобразований во многом зависит от того, в какой степени учитываются культурные традиции народа, для которого и усилиями которого данные преобразования осуществляются.

Известно, что специфические особенности культуры проявляются в так называемых культурных универсалиях или категориях культуры, которые не осознаются значительной частью представителей данной культуры, но так или иначе определяют их мышление, предпоч-

Key words:

social reality, philosophical thought, cultural tradition, category of culture, Russian philosophers

In the article the attempt of consideration of the Russian philosophers' treatment of one of the most important cultural universalities — category of social reality — is given. Investigations in these directions are quite relevant for the national philosophy. Undertaking nowadays efforts to provide modernization of the different spheres of social life should be based on the clear notions of the cultural tradition, on the background of which they can be more or less successive.

тения, которые они отдают тем или иным формам деятельности и общественных отношений, присущие данной культуре способы самоосуществления человека.

Установление таких категорий происходит в ходе исследования истории культуры данного народа. В рамках такого рода исследований особая роль принадлежит истории философской мысли, являющейся, как известно, «квинтэссенцией культуры».

Работа в этом направлении сегодня является весьма актуальной,

поскольку предпринимаемые усилия по модернизации различных сфер общественной жизни должны опираться на отчетливое представление о той культурной традиции, на фоне которой эти усилия могут оказаться более или менее успешными.

В статье предпринимается попытка рассмотреть трактовку, данную русскими философами одной из важнейших универсалий культуры — категории социальной реальности. Эта категория — одна из тех, формулируя которые философия культуры выступает, по справедливому замечанию В. М. Межуева, как «осознание человеком своей культурной идентичности» [5, с. 24].

Концепция социальной реальности всегда являлась парадигмальным фактором для установления смысловых и логических связей, объединяющих воедино основную проблематику в самых различных философских учениях. К ней как к высшей инстанции обращаются социальные и гуманитарные дисциплины в поисках обоснования выдвигаемых в них идей. В концепции находит свое разрешение извечное противоречие между научным познанием и ценностным освоением социального мира. Поэтому не будет большим преувеличением утверждение, что глубина любой философии, степень ее влияния на духовную жизнь общества во многом определяется основательностью

разработки проблемы социальной реальности.

В отечественной социально-философской литературе советского периода социальная реальность рассматривалась как объект научной рефлексии, что в целом соответствовало духу сциентистского мышления, характерного для марксизма. Социальные и культурные истоки представления о реальности в той или иной степени, конечно, имелись в виду, но их роль оценивалась, прежде всего, с точки зрения того, способствуют ли они истинному пониманию ее природы или являются источником заблуждений. Соответственно, социологический подход к пониманию социальной реальности полностью отрицал философское размышление о ней.

Однако сегодня, когда жизнь показала иллюзорность претензий на единственно верное и единственно научное понимание социальной реальности, становится все более очевидным, что разработка концепции реальности должна быть осознана не только как задача методологии научного познания, но и философско-мировоззренческой рефлексии, так или иначе выражающей особенности культурного бытия теоретизирующего субъекта. Перевод остроты проблемы социальной реальности из сферы познавательной в сферу культурного самоопределения означает признание того обстоятельства, что представление

о социальной реальности не может быть полностью выверено категорией истины, ибо во многом его содержание задается особенностями ценностного мира, заключающего в себе принципы человеческого существования. Ограниченность сугубо рационалистического подхода весьма образно охарактеризовал известный специалист по методологии научного познания В. С. Швырев, заметивший, что «отчужденные от многообразной, многокрасочной действительности с ее противоречивыми тенденциями и от живых людей в полноте их реального существования, идеальные конструкции рационального познания при определенных социальных условиях превращаются в догму, которая выступает в качестве “идеального плана”, программы, проекта тотального преобразования действительности — общества, людей, природы» [9, с. 13].

В свете такой установки особый интерес приобретают идеи, высказанные в XX столетии выдающимися представителями русской философии. В их трудах проблема реальности получила глубокое и оригинальное рассмотрение. Главной особенностью их подхода является выведение проблемы реальности за рамки научно-рационалистической аргументации, стремление увидеть в том или ином ее решении способ духовного самовыражения субъекта. Этот путь позволяет

в определенном смысле обойти те контroversы, которые оказываются неразрешимыми для рационалистического мышления, социологизирующего данную проблему. Предлагаемый русскими мыслителями подход создает возможность для продуктивного переосмысления многих идей, касающихся природы социальной реальности, которые получили распространение в западной философии. Подобное переосмысление представляет особый интерес и в связи с тем, что понятие социальной реальности выступает важнейшим концептуальным основанием любых социально-политических доктрин.

Основная антиномия, с которой сталкивается философско-социологическое мышление, решающее проблему социальной реальности, имеет давние истоки в полемике номинализма и реализма. Сегодня она выступает как столкновение двух методологических установок — индивидуалистической и холистской. В XX в. это противоречие с наибольшей остротой зафиксировал и изучил, вплоть до его социально-политических и социально-практических следствий, К. Поппер в известной работе «Нищета историцизма». В ходе исследования, проведенного в духе рационализма, он стремится показать иллюзорность холистских попыток создать образ социальной реальности, ограниченность холистской методоло-

гии и как программы научного исследования общества, и как основы социально-политической практики.

Одним из важнейших аргументов против холистской методологии, характерными представителями которой, по К. Попперу, выступают К. Мангейм и К. Маркс, он считает то соображение, что «целостность, понимаемая как совокупность, не может быть объектом научного исследования или любой другой деятельности, например, контроля или перестройки» [6, с. 34]. Целостность неуловима для рационального мышления, она принципиально не может быть содержанием знания, поскольку «всякое знание — будь то интуитивное или дискурсивное — должно быть знанием отдельных (abstract) сторон» и потому «мы никогда не сможем схватить конкретную структуру социальной реальности как таковую» [6, с. 34].

В противовес холизму методологический индивидуализм, которому К. Поппер отдает предпочтение, имеет возможность достаточно четко зафиксировать структуру социальной реальности, создает рационально обоснованную картину социальных процессов, выступая теоретическим основанием так называемой частичной инженерии. Именно она является основным способом проведения реформ, т. е. таких преобразований, которые осуществляются шаг за шагом, при

тщательном соотношении ожидаемых результатов с достигнутым.

В противовес этому холистская методология означает концентрацию усилий в направлении преобразования общества как целого, ориентируясь на утопическую цель. Такая деятельность не может вестись на чисто рационалистической основе. Явно или неявно ее участники разделяют ценностную установку, состоящую в признании фундаментального благорасположения инженера-утописта, наделенного властью, которая, по меньшей мере, приближается к диктаторским полномочиям [6, с. 41]. Последнее обстоятельство является еще одним аргументом для вывода холистской практики за рамки научно обоснованной деятельности.

Несмотря на свою внешнюю логическую безупречность, аргументация в пользу индивидуалистической методологии оставляет большое поле для критических возражений, причем, возражений, которые возникают в пределах того же самого научно-реалистического мышления. В этом плане весьма характерными выглядят упреки, высказанные в адрес индивидуализма представителями трансцендентального реализма, являющегося, по-видимому, одним из наиболее разработанных современных вариантов холизма.

Авторы, относящие себя к этому направлению, разделяют идею, со-

гласно которой общества — это сложные реальные объекты, несводимые к объектам более простым, таким как люди. Они не состоят из индивидов, а выражают сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды (и группы) находятся по отношению друг к другу [3, с. 219–220]. Главный недостаток индивидуалистической методологии эти авторы видят в том, что она игнорирует социальный контекст, в пределах которого только и возможны осмысленное поведение и взаимодействие индивидов.

Представители трансцендентального реализма отмечают, что критическую аргументацию в адрес индивидуализма не снимает и такой его вариант, как феноменологическая социология. Полагая, что социальная реальность порождается сознанием взаимодействующих индивидов и что ее содержание составляют не сами по себе институты и отношения, а те правила, которые принимают участники взаимодействия, феноменологическая социология сохраняет, тем не менее, все особенности методологического индивидуализма. Достаточно эвристичная при характеристике частных форм социального бытия, она утрачивает образ данного бытия как некоторой целостности, характеризующейся внутренним единством, принципами организации, определяющими контекст, в котором существуют различные группы.

Преодоление антиномии «хололизм—индивидуализм» трансцендентальный реализм связывает, по сути дела, с отказом от тотальной опоры на рационалистическую методологию. Согласно трансцендентальному реализму, существует два уровня реальности: уровень социальных структур, бессознательно воспроизводимых людьми в своей жизнедеятельности, и уровень сознательной деятельности людей, на котором, собственно, и осуществляются социальные преобразования. При этом обнаруживается существенный онтологический разрыв между обществом и индивидом и связанные с ним неясности по поводу того, как осуществляется рационализированная деятельность индивида, направленная на социальные преобразования в системе отношений, воспроизводимых в бессознательном бытии людей.

В русской религиозной философии традиционный «гордиев узел» методологической проблематики, связанной с пониманием природы социальной реальности, разрубается принципиальным поворотом к мистицизму и интуитивизму. Подлинное понимание общества, полагают русские мыслители, возможно посредством социологического исследования, базирующегося на рационалистическом мышлении. Н. А. Бердяев, обращаясь к мыслителям, исповедующим рационалистический подход к пони-

манию социальной реальности, писал: «Применение абстрактных социологических критериев к конкретной исторической действительности, осуществлявшееся в рамках научного подхода, умерщвляло ее, вынимало из нее душу и делало невозможным живое интуитивное созерцание исторического процесса... поэтому реальность ускользает от вас» [1, с. 34].

Придавая огромное значение проблеме реальности во всем корпусе философских проблем, русские философы ставят ее в один ряд с проблемами свободы человека, его подлинно личностного существования. В этой связи весьма характерно следующее высказывание Бердяева: «Истинное решение проблемы реальности, проблемы свободы, проблемы личности — вот настоящее испытание для всякой философии» [2, с. 21]. В этих словах Бердяева точно характеризуется свойственное русской философии понимание основного узла философской проблематики. При этом, тяготея к целостному видению социальной реальности, она не рассматривает такой подход как духовный источник подавления человеческой свободы, а наоборот, видит в нем основное условие выявления всей ее возможной полноты как главного условия личностного бытия.

Такое значение образа социальной реальности возможно лишь в том случае, если ее природа рас-

сматривается как духовная в своей основе. В этом случае ее постижение осуществляется в самом бытии человека, до появления определенного в своей структуре познавательного отношения к действительности. Для такой философии социальная реальность не может существовать как совокупность социальных факторов, понимаемых, например, в духе Дюркгейма, т. е. закрытых самодовлеющих сущностей, противостоящих познавательным усилиям индивида. Социальная реальность изначально едина, как един народ в его историческом бытии, внутренней духовной связи. И каждый человек самым фактом своего бытия включен в это единство. «Реальность, — пишет Бердяев, — не может ни в каком смысле зависеть от рефлексии, от познания, от рационализирования. Всякая познавательно-рационалистическая рефлексия — вторична и производна, реальность же первична и не производна, она дана до всякого рефлексирования, до самого разделения на субъект и объект» [2, с. 90].

Основной формой проникновения в сокровенное социальной реальности является акт веры, «в котором дается не призрачная, а подлинная реальность» [2, с. 22]. Такую философскую установку Бердяев рассматривает как близкую философии тождества Шеллинга. Однако полного совпадения здесь нет,

поскольку рационализм, свойственный немецкой классической философии, должен уступить место непосредственному переживанию единства социального мира, что означает, как полагает Бердяев, возврат к философскому примитивизму.

Стиль философствования, характерный для русских философов, определяет и принципиально иную оценку марксизма, чем та, которая дается в философии критического рационализма. Если К. Поппер видит в марксизме пример холистской философии, то для Н. А. Бердяева она выступает как атомистическое мироощущение, отвергающее органические реальности, которые он понимает как духовное единство народа-нации. Атомизм здесь проявляется, согласно русскому мыслителю, в разложении реализующегося в многовековой чреде поколений духовного единства народа принципом интереса, противопоставляющим друг другу различные классы, вырывающим их из состава единой реальности, какой является Россия, представляющая собой высшую реальность как единый замысел Божий [1, с. 24].

Подобная оценка марксистской философии, в общем-то не бесосновательно характеризуемой К. Поппером как холистская, имеет под собой определенную почву. Дело заключается в том, что холизм чисто логического, концептуального

свойства не может непротиворечивым образом выразить органическую природу общественной жизни. В силу своей сугубо абстрактной теоретической природы он внутренне «болен» атомизмом. Не случайно исследователи марксизма постоянно натываются на известные слова из «Немецкой идеологии» о том, что предпосылкой марксистской социальной теории являются «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» и «предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [4, с. 18]. Эти слова плохо согласуются с формационной концепцией Маркса, которая составляет главное содержание его общесоциологических воззрений.

В своем стремлении представить ткань общественной жизни как переплетение интересов людей марксистская философия вполне укладывается в русло западной рационалистической мысли. Марксистский холизм и попперовский индивидуализм различаются лишь пониманием того, каковы субъекты — носители этих интересов и каковы условия и социальные механизмы реализации этих интересов. Имея разные отправные точки, эти концептуальные системы совпадают в части понимания структурообразующих сторон социальной реальности.

Следует отметить, что и в концепции человека, различаясь толкованием его свободы и суверенности,

марксизм и индивидуализм Поппера совпадают в понимании человека как существа, стремящегося рационально осмыслить и рациональными же методами отстаивать свои материальные, жизненно-практические интересы как первоочередные, определяющие основу его существования. И в том, и в другом случае свобода сопрягается с определенным пониманием рациональной формы общественной организации, а не с внутренним единением, приобщением к духовному стержню национальной истории. Наконец, в обеих теориях решение проблемы человеческого существования, явно или неявно, коренится в понимании социальной реальности, которое выступает первичным по отношению к ней.

Логика размышления русского философа принципиально иная. Для него образ социальной реальности вытекает из определенного способа понимания человеческой личности, ее ценностного мира, свободы, смысла собственного существования. При этом русская традиция понимания личности связана с постоянным акцентированием ее божественной устремленности. Мистическое постижение Божьего замысла и выражается в образе социальной реальности, который, если так можно выразиться, носит национально-культурный характер, заключая в себе обращенность к условиям человеческого существования,

того духовного начала, которое сформировалось в истории России. Русский философ озабочен не созданием логицистской картины социальной реальности, а поиском оснований осмысленного существования, которое невозможно вывести из представлений о материальных интересах, о необходимости есть, пить, одеваться, иметь жилище.

Извечная проблема трансцендентного в истории всегда упиралась в проблему соотношения понимаемого тем или иным образом духовно-ценностного и логически закономерного начал. Рационалистические попытки связать эти два начала приводили к антиномии рассудочного сведения ценности к объективной необходимости, с одной стороны, и растворения закономерности в интересе с другой.

В русской философии трансцендентное понимается как нравственная идея, не требующая научного обоснования, поскольку источник ее существования — исторический опыт народа. На этом пути преодолевается разрыв между трансцендентным и эмпирическим бытием людей. Трансцендентное оказывается органически включенным в реальную жизнь людей. «Эмпирические силы природно-человеческого бытия с самого начала пронизаны моментом бытия сверхчеловеческого, моментом должного, которое конституирует саму объективную реальность» [8, с. 369]. Эти слова

С. Л. Франка, наверное, наиболее точно выражают характерную для русской философии трактовку способа существования трансцендентного, сверхчеловеческого в истории.

Подобная трактовка реальности не является, естественно, плодом только теоретического разума. Она поддерживается определенным пониманием справедливого общественного устройства, которое весьма далеко отстоит от идей западной демократии. Русского философа смущает сведение мотивации социального и политического поведения к частному интересу, что в той или иной форме осуществляется теоретиками демократии. За частными интересами плохо улавливается всеобщий интерес нации. Более того, игра частных интересов — личных и групповых — может привести к разрушению подлинного существования, суть которого заключается в соборности или, используя термин Н. А. Бердяева, в коммюнитарности.

Демократия как политическая форма частичной социальной инженерии, представляющаяся Попперу единственно возможной формой свободного существования человека, у русских мыслителей получает диаметрально противоположную оценку, которая, надо отдать ей должное, зачастую выглядит не менее убедительно, чем позиция, которой она оппонирует.

Основным истоком построений теоретиков демократии, считают

Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и некоторые другие русские философы, является понимание социальной реальности как механической суммы индивидов. В этом случае, полагают они, происходит утрата онтологического ядра народа, единства народной воли, поскольку из суммирования отдельных волеизъявлений не получается общей воли. Связанный с таким пониманием реальности способ мышления вполне может стать методологической основой репрессивных режимов. Вот как описывает подобную методологию С. Л. Франк: «Кто представляет себе общество как простую сумму или скопление единичных людей, кто здесь за деревьями не видит леса, тот, естественно, будет склонен думать, что осуществление какой-либо реформы, введение того или иного общественного порядка сводится к воздействию на волю и поведение отдельных людей, составляющих общество. А так как такое воздействие практически при достаточной энергии действующего, при надлежащей суровости и насильственности мер воздействия беспредельно, то легко представить себе общество как пассивный материал, как глину, из которой законодатель и реформатор может вылепить любую форму, какая ему представляется желательной» [8, с. 285]. Такая методология, полагает С. Л. Франк, и лежит в основе политической практики марксистов, где

она получает свое крайнее выражение. Принцип суммативности, или, по словам Бердяева, «дух уравниения», сближает, казалось бы, противостоящие друг другу марксистский холизм и индивидуалистическую методологию демократического мышления. Более того, при определенных условиях вполне возможен и взаимный переход. Демократия незаметно оборачивается диктатурой, методом подавления индивидуальности, формой произвола. Это происходит тогда, когда игра общественным мнением с помощью средств массовой информации, обещаний и подачек становится фактором ограничения политических возможностей оппонентов, а затем и фактором устранения их с политической арены. Таковы парадоксы методологии, базирующейся на рационалистическом понимании социальной реальности.

Однако в русской философии сохраняется надежда, что эти парадоксы могут быть преодолены. Она зиждется на понимании социальной реальности, согласно которому «общество никогда не есть абсолютно пассивный материал в руках законодателя; в нем помимо отдельных людей, на волю которых можно влиять как угодно, или, точнее, в последней глубине этих людей, взятых совместно, действуют общие силы, общие условия, которые ставят некоторый непреодолимый предел реформирующей воле законодателя»

[8, с. 285]. Принятие такого понимания реальности предполагает отказ от рационалистической аргументации, ведущей, как отмечалось, к весьма противоречивым следствиям. Социальная реальность, в которой осуществляется бытие народа, его жизненный мир, есть выражение мистического единства, движение к которому невозможно на пути рационального упорядочивания условий существования народа. Приобщение к этому единству предполагает безотчетное погружение в поток жизни, принятие веры, укорененной в соборной любви к Богу.

Оценивая рассмотренные идеи русской философии, следует, по видимому, сказать, что их трудно принять как основу практически значимых конкретных шагов по реформированию общества. Эти идеи имеют значение для духовного самоопределения, но они будут постоянно разбиваться о реальные повседневные проблемы практического жизнеустройства. В них проявляется отмеченное Ф. А. Степуним отсутствие в русской культуре, «во всех нас, ее творцах и деятелях, духа творческой созидательности и законопослушной деловитости» [7, с. 220].

Однако за внешней «непрактичностью» этих идей скрывается глубокое содержание, без учета которого многие социально-практические мероприятия будут постоянно терпеть неудачу. Русская философия

очень мощно и убедительно показала границы западного рационализма как методологии, на которой может базироваться создание справедливого и свободного общества.

Философия мистического единства выступает формой поиска фундаментальных ценностей культуры, исчерпывающее рациональное обоснование которых в принципе невозможно. Всякие попытки в этом направлении неизбежно будут оставлять огромное поле для сомнений, неясностей и даже для прямо противоположных толкований.

Как ни странно, именно работы такого рода, несмотря на раздающуюся в их адрес критику за произвольность выдвигаемых в них положений, за их публицистичность, оказывают особое влияние на развитие самосознания представителей определенной культуры. Это влияние основывается не на рациональной аргументации, а на фиксации того опыта, который является характерным для представителей данной культуры.

Освоение исторического опыта выражается в установлении ценностей, составляющих основу народного бытия. Эти ценности, не обладая, на первый взгляд, непосредственной социологической значимостью, тем не менее, могут иметь выход в мир

социологических категорий. Примером такой ценности выступает идея иерархии, которая, имея в философии С. Л. Франка «самодовлеющее духовное значение», может стать категорией социологического и политического мышления. Осознание укорененности данной категории в историческом опыте народа позволит избежать ее сугубо «механического», по выражению С. Л. Франка, понимания и относиться к ней как к важнейшему принципу, ориентирующему размышления о путях развития общества. Разработка таких категорий-ценностей чрезвычайно важна, поскольку через них «смотрят» друг на друга различные «философские миры», определяя свои границы и основания собственного существования.

Таким образом, освоение идей русских философов учит тому, что нельзя основывать разработку политических и экономических программ, тем более таких, которые претендуют на кардинальное преобразование социальной реальности, основываясь исключительно на теоретических аргументах. Важнейшей основой для них должно стать обращение к культурным традициям народа. Их игнорирование может привести к крушению самых стройных и логически выверенных построений.

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

3. *Бхаскар Р.* Общества // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 3.
5. *Межуев В. М.* Идея культуры. М., 2006.
6. *Поппер К.* Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 9.
7. *Степун Ф. А.* Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6.
8. *Франк С. Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
9. *Швырев В. С.* Рациональность как ценность культуры. М., 2003.

Л. Н. БАБКИНА

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ

Ключевые слова:

макроэкономика, регулирование экономики, отраслевые пропорции, территориальные пропорции

Статья содержит отзыв на монографию В. М. Ходачека «Макроэкономические инструменты регулирования отраслевых территориальных пропорций», которая вышла в издательстве СЗАГС в 2008 г.

В современных условиях развития рыночных отношений на территории субъектов Российской Федерации наметились и продолжают тенденция дифференциации позиций субъектов Федерации, что и обуславливает актуальность монографии В. М. Ходачека, посвященной вопросам исследования отраслевых территориальных пропорций [1]. Основной функцией государственного регулирования является установление и поддержание пропорций в социально-экономической, природоохранной и других сферах с целью повышения качества жизни населения регионов, повышения степени устойчи-

Key words:

macroeconomics, management of the economy, enterprise proportions, territorial proportions

The monograph “Macroeconomical Instruments of Industrial and Territorial Proportions Regulation” is reviewed in the article. The monograph is written by V. M. Khodachek and has been published by the North-West Academy of Public Administration in 2008.

вости социально-эколого-экономического развития, а также совершенствования территориального размещения производственно-хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, теоретическую ценность представляют предложенные автором исследования классификация форм государственного регулирования экономики; понятие базовой социально-экономической системы, ее конструкции; перечень элементов региональной стратегии; типология регионов по основным показателям — критериям достижения социально-эколого-экономической и бюджетной политик, требования к стратегии реформирования.

Практическая значимость работы заключается в том, что автором проанализированы выявленные тенденции перехода к рыночным отношениям и их более широкого внедрения в экономику регионов; проведен анализ приоритетных направлений экономической политики зарубежных стран; сформирован перечень задач системы государственного регулирования, направленных на стабилизацию экономики страны в краткосрочной перспективе и позволяющих затем в средне- и долгосрочной перспективе осуществить стратегии дальнейшего социально-эколого-экономического развития и повышения качества жизни населения различных территорий.

Несомненный интерес представляет перечень макроэкономических индикаторов, отражающих степень прямого и косвенного влияния на пропорции территориального и отраслевого развития. Кроме того, автором предложены критерии выбора основных направлений стратегии экономического развития, позволяющие сформировать приоритетные комплексы и отрасли на территории регионов Российской Федерации. В монографии приведены теоретические обоснования данной стратегии и практические предложения по ее выработке, позволяющие создать более совершенную систему государственного регулирования отраслевых и территориальных пропорций.

1. *Ходачек В. М.* Макроэкономические инструменты регулирования отраслевых территориальных пропорций. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.

П. Б. ЗВЕРЕВ

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ:
ПРОСТРАНСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА**Ключевые слова:***учебное пособие, рецензия, Содружество Независимых Государств, сотрудничество***Key words:***text-book, review, Commonwealth of Independent States, cooperation*

Статья содержит отзыв на учебное пособие Ю. В. Косова и А. В. Торопыгина «Содружество Независимых Государств: институты, интеграционные процессы, конфликты», которое было опубликовано в 2009 г. в издательстве «Аспект Пресс».

The article is a review of the text-book written by Yu. V. Kosov and A. V. Toropygin “Commonwealth of Independent States, institutes, integration processes, conflicts” published in 2009 by “Aspect Press” publishing house.

Происходящие на территории бывшего СССР политические, экономические, социальные и культурные процессы мало кого оставляют равнодушными не только в нашей стране, но и во многих других постсоветских государствах. Так или иначе, но практически ежедневно мы встречаемся с бывшими соотечественниками. С кем-то реже, например, с жителями Прибалтики, чаще с гастарбайтерами из Центральной Азии. Уже без малого 20 лет мы живем в Содружестве Независимых Государств. И хотя название СНГ за последнее время достаточно прочно вошло в нашу жизнь и закрепилось на политической карте мира, а о событиях, происходящих в нем, сообщают элек-

тронные средства массовой информации, работ, дающих целостное представление об этом межгосударственным образованием, практически нет. Заполнить в какой-то мере этот пробел и призвано рецензируемое учебное пособие [1].

Справедливо указывая на то, что быстрый и неожиданный уход мощного государства с мировой арены остается открытым вопросом современной историографии, авторы видят свою задачу иначе: дать, в первую очередь студентам, развернутое представление об СНГ, познакомиться с основными направлениями его развития. Но поскольку понять многие фундаментальные императивы в современном развитии Содружества невозможно без анализа

породившего его процесса дезинтеграции СССР, исследователи не уходят от разговора об этих серьезных проблемах.

Решение вопросов правопреемства – ключевое направление в деятельности Содружества на первом этапе. И если сразу же было принято решение о принадлежности промышленных, социально-культурных объектов, инфраструктурных образований по территориальному признаку, то долги СССР, собственность за рубежом, оружие и армию пришлось делить. Поскольку Эстония, Литва и Латвия первыми в августе 1991 г. провозгласили свою независимость и утверждали, что «юридически они не входили в состав СССР, поэтому они не являются государствами-преемниками», наследие должны были принять на себя 12 бывших союзных республик, из которых 11 фактически, но не юридически, стали учредителями СНГ. То, что процесс развития постсоветского пространства не пошел по югославскому сценарию, безусловно, заслуга Содружества. Собственно говоря, отсюда и сложилось мнение об организации как о механизме «цивилизованного развода».

Действуя в качестве международной региональной организации, СНГ создавал новую форму между-

народных отношений на постсоветском пространстве – приграничное сотрудничество, которое развивало и углубляло международные экономические отношения, противостояло вооруженным конфликтам и преодолевало их последствия.

Не всегда процессы подобного сотрудничества проистекали гладко. Развитие СНГ пошло по модели «разноскоростной и разноформатной» интеграции. Ряд новых независимых государств был по объективным причинам не готов к быстрому реформированию. Это явилось причиной образования субрегиональных структур: Евразийского экономического сообщества, Организации договора о коллективной безопасности, Союзного государства Белоруссии и России. Но Содружество в целом реформировалось в соответствии со временем.

Рецензируемое учебное пособие впервые в отечественной литературе в достаточно полном объеме дает систематизированное освещение основных направлений, проблем и перспектив развития СНГ. В 2009 г. книга выдержала два издания. По нашему мнению, петербургские международники внесли существенный вклад в освещение основных политических процессов, характерных для постсоветского пространства.

1. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: институты, интеграционные процессы, конфликты. М.: Аспект Пресс, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ ABOUT THE AUTHORS

Александров Владимир Борисович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Заведующий кафедрой культурологии
и русского языка
Доктор философских наук, профессор
kr@szags.ru

Alexandrov Vladimir Borisovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public
Administration
The Head of the Chair of Culturology
and Russian Language
Doctor of Philosophy, Professor
kr@szags.ru

Бабкина Людмила Николаевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Профессор кафедры финансов
и государственного регулирования
экономики
Доктор экономических наук,
профессор
figre@szags.ru

Babkina Ludmila Nikolaevna

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Professor of the Chair of Finances
and State Regulation of Economy

Doctor of Economics,
Professor
figre@szags.ru

Васецкий Андрей Анатольевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Проректор-директор Института
дополнительного профессионального
образования государственных
и муниципальных служащих
Доктор политических наук,
профессор
rio@szags.ru

Vasetskiy Andrei Anatolyevich

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Vice-rector, Director of the Institute
of Additional Professional Education
for Public and Municipal Servants

Doctor of Political Science,
Professor
rio@szags.ru

Востряков Лев Евгеньевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Профессор кафедры связей
с общественностью
Доктор политических наук
vostriakov@szags.ru

Vostriakov Lev Evgenievich

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Professor of the Chair
of Public Relations
Doctor of Political Sciences
vostriakov@szags.ru

Вульфович Ревекка Михайловна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Доктор политических наук, профессор
gmu@szags.ru

Vulfovich Revekka Mikhailovna

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Professor of the Chair of State
and Municipal Management
Doctor of Political Sciences, Professor
gmu@szags.ru

Егоршина Ольга Петровна

Санкт-Петербург
Конституционный Суд
Российской Федерации
Главный консультант отдела анализа
и обобщения практики
Кандидат юридических наук,
доцент
pr@ksrf.ru

Egorshina Olga Petrovna

Saint-Petersburg
Constitutional Court
of Russian Federation
Prime consultant of the Department
of Analysis and Practice Generalization
Candidate of Juridical Science,
Associate Professor
pr@ksrf.ru

Зацева Олег Олегович

Санкт-Петербург
Комитет финансов
Санкт-Петербурга
Ведущий специалист-юриисконсульт
юридического отдела
press@kfin.gov.spb.ru

Zatsepa Oleg Olegovich

Saint-Petersburg
Committee of Finance of Saint-
Petersburg
Leading specialist — law advisor
of the Juridical Department
press@kfin.gov.spb.ru

Зверев Петр Борисович

Санкт-Петербург
Межпарламентская Ассамблея Евразий-
ского экономического сообщества
Ответственный секретарь
ZverevPB@mail.ru

Зуев Сергей Эдуардович

Москва
Академия народного хозяйства
при Правительстве РФ
Декан факультета государственного
управления
Кандидат искусствоведения
zuev-sergey@yandex.ru

Измайлов Альберт Федорович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Научный редактор редакционно-
издательского отдела
Кандидат филологических наук
oleg02_07@mail.ru

Каранатова Лариса Геннадьевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Директор центра повышения
квалификации государственных
и муниципальных служащих Института
дополнительного профессионального
образования государственных
и муниципальных служащих
Кандидат экономических наук,
доцент
karanatova@mail.ru

Zverev Piotr Borisovich

Saint-Petersburg
Interparliamentary Assembly
of Eurasian Economic Community
Executive Secretary
ZverevPB@mail.ru

Zuev Sergey Eduardovich

Moscow
The Academy of National Economy under
the Government of the Russian Federation
Dean of the Faculty of Public
Administration
Candidate of Art History
zuev-sergey@yandex.ru

Izmailov Albert Feodorovich

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Scientific Editor of the Editorial
Publishing Department
Candidate of Philology
oleg02_07@mail.ru

Karanatova Larisa Gennadyevna

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Director of the Center for Professional
Improvement of Public Servants of the
Institute of Additional Professional
Education for Public and Municipal
Servants
Candidate of Economics, Associate
Professor
karanatova@mail.ru

Кашина Марина Александровна

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия
 государственной службы
 Доцент кафедры социологии
 и социальной работы
 Кандидат философских наук,
 доцент
 Kashina_soc@inbox.ru

Kashina Marina Alexandrovna

Saint-Petersburg
 North-West Academy
 of Public Administration
 Associate Professor of the Chair of
 Sociology and Social Service
 Candidate of Philosophy, Associate
 Professor
 Kashina_soc@inbox.ru

Клюев Анатолий Владимирович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия
 государственной службы
 Заведующий кафедрой социологии
 и социальной работы
 Доктор философских наук,
 профессор
 ssr@szags.ru

Kluev Anatoly Vladimirovich

Saint-Petersburg
 North-West Academy
 of Public Administration
 The Head of the Chair
 of Sociology and Social Work
 Doctor of Philosophy,
 Professor
 ssr@szags.ru

Козырева Лариса Дмитриевна

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия
 государственной службы
 Профессор кафедры социологии
 и социальной работы
 Доктор философских наук, профессор
 ldkozyreva@gmail.com

Kozyreva Larisa Dmitrievna

Saint-Petersburg
 North-West Academy
 of Public Administration
 Professor of the Chair of Sociology and
 Social Work
 Doctor of Philosophy, Professor
 ldkozyreva@gmail.com

Круглов Вячеслав Вениаминович

Санкт-Петербург
 Санкт-Петербургский университет
 экономики и финансов
 Советник ректора
 Доктор экономических наук,
 профессор
 Почетный профессор СПбГУЭФ
 auifm@szags.ru

Kruglov Vyacheslav Veniaminovich

Saint-Petersburg
 Saint-Petersburg State University
 of Economy and Finances
 Rector adviser
 Doctor of Economics,
 Professor
 Honorable Professor of SPSUEF
 auifm@szags.ru

Лабудин Александр Васильевич

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургская государственная
лесотехническая академия
Заведующий кафедрой экономической
теории
Доктор экономических наук,
профессор
auifm@szags.ru

Лобко Виктор Николаевич

Санкт-Петербург
Администрация Губернатора
Санкт-Петербурга
Советник губернатора
gmu@szags.ru

Логунова Марина Олеговна

Санкт-Петербург
Государственный музей истории
Санкт-Петербурга
Ведущий научный сотрудник
Logounova@mail.ru

Садыхова Арзу Ахмедовна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Доцент кафедры государственного
и муниципального управления
Кандидат филологических наук,
доцент
gmu@szags.ru

Labudin Alexander Vasilyevich

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg State
Forest-Technical Academy
Head of the Chair of Economical Theory
Doctor of Economics,
Professor
auifm@szags.ru

Lobko Viktor Nikolaevich

Saint-Petersburg
Administration of the Governor
of Saint-Petersburg
Governor Adviser
gmu@szags.ru

Logunova Marina Olegovna

Saint-Petersburg
The State Museum for the History
of Saint-Petersburg
Leading research fellow
Logounova@mail.ru

Sadykhova Arsu Ahmenovna

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Associate Professor of the Chair of State
and Municipal Management
Candidate of Philology, Associate
Professor
gmu@szags.ru

Тихонов Александр Васильевич

Москва
Институт социологии
Российской академии наук
Руководитель центра социологии
управления и социальных технологий
Доктор социологических наук,
профессор
alvast@isras.ru

Тургаев Александр Сергеевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Первый проректор
Доктор исторических наук наук,
профессор
istor@szags.ru

Ужанов Александр Евгеньевич

Москва
Институт социальной памяти
Директор
Кандидат социологических наук,
член Союза писателей России,
член-корреспондент Академии
военных наук
uzhanov@mail.ru

Урсу Иван Серафимович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия
государственной службы
Доцент кафедры социологии
и социальной работы
Кандидат социологических наук,
доцент
ssr@szags.ru

Tikhonov Alexander Vasilievich

Moscow
Institute of Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Center Sociology of
Management and Social Technologies
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
alvast@isras.ru

Turgaev Alexander Sergeevich

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
First Prorector
Doctor of Historical Sciences

istor@szags.ru

Uzhanov Alexander Evgenyevich

Moscow
Institute of Social Memory
Director
Candidate of Sociological Science
Member of the Union of Russian Writers,
corresponding member of the Academy
of Military Science
uzhanov@mail.ru

Ursu Ivan Serafimovich

Saint-Petersburg
North-West Academy
of Public Administration
Associate Professor of the Chair
of Sociology and Social Service
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
ssr@szags.ru

Чириков Евгений Петрович

Москва

Группа компаний Мегapolis

Специалист

tutorumtutu@mail.ru

Chirikov Evgeniy Petrovich

Moscow

“Megapolis Group “

Specialist

tutorumtutu@mail.ru

Шпирина Наталья Юрьевна

Санкт-Петербург

Средняя образовательная школа № 128

Директор

128shkola@list.ru

Shpirina Natalya Yurievna

Saint-Petersburg

Secondary school № 168

Director

128shkola@list.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Уважаемые авторы!

Для публикации в журнале Северо-Западной академии государственной службы «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи;
 - рецензию, содержащую обоснованную рекомендацию к опубликованию статьи и заверенную подписью и печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является положительная рекомендация двух рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - аннотациями на русском и английском языках, раскрывающими основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
 - ключевыми словами (не более 100 знаков с пробелами каждая) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:
 - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе (-ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - расстановка переносов не применяется;
 - все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, выне-

сенные из текста вниз полосы документа;

- все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
- выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов начинается только в виде тире.

5. Оформление ссылок:

- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 — 2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
- краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других

публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска*. Области библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

6. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представ-

лены также отдельными файлами в форматах *tiff или *jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Савельев Виктор Васильевич
Москва

РАГС при Президенте Российской Федерации

Профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений

доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004. 740 с.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

— *монографии*:

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

— *статьи в научных сборниках*:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология:

перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

— *публикации в многотомных изданиях*:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

— *статьи в научных журналах*:

Муази Д. Эмоциональное изменение глобализации // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 68–75.

— *статьи в газетах*:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

— *правовые акты*:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

— *архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название)*:

Записки князя Голицына // Российский государственный историче-

ский архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

— электронные ресурсы:

Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP.

Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23alqaeda/> (дата обращения 20.09.2008).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста):
(табл. 2).

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»**

**ЦЕНТР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ
ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ**

Профессиональная переподготовка руководителей и специалистов различных сфер ведется в Северо-Западной академии государственной службы с момента ее создания (1991–1992 гг.). Ежегодно в Центре обучаются около 1000 человек. За прошедшие годы профессиональную переподготовку прошли около 12000 человек — те, кто, получив первое высшее образование и опыт профессиональной деятельности, ощутил необходимость перемен в своей жизни.

Учебный процесс в Центре обеспечивают 19 кафедр, более 70 высококвалифицированных преподавателей (около 26% — доктора наук, профессора; 71% — кандидаты наук, доценты).

Большинство наших выпускников — это государственные и муниципальные служащие. Однако профессиональную переподготовку в Центре проходят руководители и специалисты государственных и муниципальных организаций, негосударственных, предпринимательских структур.

Профессиональная переподготовка государственных служащих осуществ-

ляется на основе заключаемых с органами государственной власти государственных контрактов по итогам проведения открытых конкурсов. Порядок их проведения, а также основания для направления государственных служащих на профессиональную переподготовку установлены Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Положением о порядке получения дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 1474 «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации».

Что такое профессиональная переподготовка:

— Самостоятельный вид дополнительного профессионального образования (основной регулирующий документ — Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного профессионального

образования (повышения квалификации) специалистов, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 610).

- Важный компонент профессионального образования, позволяющий интегрировать его разные уровни и формы, выстраивать гибкую образовательную траекторию, реализовать принцип «образование через всю жизнь».
- Цель профессиональной переподготовки — приобретение, углубление и обновление профессиональных знаний, умений и навыков для выполнения нового вида профессиональной деятельности.
- Учебные программы профессиональной переподготовки формируются с учетом требований государственного образовательного стандарта по соответствующей специальности высшего образования,

постоянно совершенствуются и корректируются с учетом актуальности проблематики, мнения заказчиков и слушателей.

- Объем аудиторной нагрузки: 504–520 часов. Срок обучения: 6–10 месяцев (в зависимости от даты поступления, учебного графика, применения дистанционной технологии обучения).

Диплом о профессиональной переподготовке:

- это документ государственного образца;
- дает право на ведение нового вида профессиональной деятельности (в соответствии с наименованием программы);
- обеспечивает соответствие установленным по должности квалификационным требованиям в случае отсутствия требуемого высшего образования.

Будем рады видеть Вас и Ваших коллег в числе наших слушателей!

Адрес: Санкт-Петербург, ул. Черняховского, д. 6/10
 E-mail: cpp@szags.ru

Директор: Китин Евгений Александрович,
 кандидат юридических наук, доцент
 каб. 402, тел.: (812) 740 59 72

Заместитель директора: Савичев Виктор Александрович,
 кандидат экономических наук, доцент
 каб. 401, тел.: (812) 740 59 72

Отборочная комиссия (прием документов на поступление):

каб. 309, тел.: (812) 740 59 77
 понедельник, среда и пятница: 10.00 –17.00
 вторник и четверг: 12.00–18.00

TO THE 65-TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

- 5 **A. S. TURGAEV, N. Y. SHPIRINA**
Luban Offensive Operation: Attack Preparation
- 31 **A. F. IZMAILOV**
Leningrad Siege: Creative Personality in the Urban Space
- 39 **A. E. UZHANOV**
Military Biography of the Leader of the “Molodaya Gvardia”

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 43 **O. P. EGORSHINA, O. O. ZATSEPA**
Public as a Source of State Power
- 50 **A. V. KLUEV, I. S. URSY**
Municipal Power and Population of the Territories: Feedback Problem

POLICY AND A LAWFUL STATE

- 59 **A. V. TIKHONOV**
Problems of Institutionalization of Management in Russia
- 76 **S. E. ZUEV, A. A. VASETSKY**
Cultural Industries in the Conditions of Globalization
- 90 **A. A. SADYHOVA**
Euroislam is it a myth or Reality?

POWER AND ECONOMY

- 99 **L. G. KARANATOVA**
State Order as an Economy Regulation Mechanism of Major Importance in Contemporary Russia

SOCIETY AND REFORMS

- 116 **L. E. VOSTRYAKOV, E. P. CHIRIKOV**
Modern Administrator in the Sphere of Culture: Group Portrait
- 136 **L. D. KOZYREVA**
Public Private Partnership in the Sphere of Migration Policy
- 145 **M. A. KASHINA**
Gender-oriented Social Policy
- 164 **V. V. KRUGLOV, A. V. LABUDIN**
Other Reform Strategy (to the 95th Anniversary of Yu. V. Andropov)

HISTORY AND CULTURE

- 187 R. M. VULFOVICH, V. N. LOBKO**
Organization of the System of Municipal Administration in Berlin
- 200 M. O. LOGUNOVA**
Funeral Ceremonial in Russian Empire in the Period
between XVIII and the Beginning of XX centuries
- 208 V. B. ALEXANDROV**
The Topic of Social Reality in Russian Philosophical Thought

BOOK REVIEWS

- 220 L. N. BABKINA**
Macroeconomical Tools of Industrial and Territorial Proportion
Regulation
- 222 P. B. ZVEREV**
Commonwealth of Independent States: Space of Cooperation

2010. №1 (37)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Научно-практический журнал Северо-Западной
академии государственной службы

Выходит четыре раза в год

Все статьи рецензируются

Редакторы С. В. ТАИРОВА, В. А. ПЯТЕНКО

Аннотации статей и перевод
на английский язык Е. Н. СТАНКОВА

Корректор ХАЛИТОВА Ю. В.
Дизайн обложки и верстка ПАШКОВСКОЙ Н. И.

Сдано в набор 10 марта 2010 г. Подписано к печати
Формат 70×100/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15. Тираж 650 экз.
Заказ 1436

УЧРЕДИТЕЛЬ:
**СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Цена свободная

Издание зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Комитета Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации СМ 4 № П-2046 от 10 июля 1996 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ
выполнен ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел.: (812) 235-15-86, e-mail: manager_nestor@bk.ru